

КОРОЛЕВА МАРГО

Андре
Кастело

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК

753

Андре Кастело

КОРОЛЕВА МАРГО

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ПАЛИМПСЕСТ
1999

УДК 940.23
ББК 63.3(0)5
К 28

Перевод с французского и комментарии
Александра Дмитриевича Сабова

Научный редактор и автор предисловия
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
профессор
Анатолий Петрович Левандовский

Издание осуществлено в рамках
программы «Пушкин» при поддержке
Министерства иностранных дел Франции
и Посольства Франции в России

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide
à la publication *Pouchkine* avec le soutien
du Ministère des affaires étrangères français
et de l'Ambassade de France en Russie

© Librairie Académique Perrin, 1993.
© Издательство «Палимпсест», перевод, 1999 г.
© Левандовский А. П., предисловие, 1999 г.
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 1999 г.

ISBN 5-235-02314-5

ОБ АНДРЕ КАСТЕЛО И ЕГО КНИГЕ

Открываешь эту книгу и словно бы попадаешь в круг старых знакомых: вот они, проходят друг за другом, салютуя главной героине: несчастные Ла Моль и Коконнас, безрассудно храбрый Бюсси, лицемерный Анжу, коварный Гиз, хитрый Генрих Наваррский и многие, многие другие, на всю жизнь памятные нам благодаря гению Дюма с его «Двумя Дианами», «Королевой Марго», «Графиней де Монсоро», «Сорока пятью»... И сразу же поражаешься проницательности великого романиста: как он сумел, при всех своих фантазиях, выхватить *главное* в человеческой личности! А вместе с тем сразу же вспоминаешь давно известную азбучную истину: подлинная история много богаче и интереснее любого романа! И это блестяще доказал выступающий сейчас перед нами не романист, а историк: Андре Кастело прежде всего писатель-ученый, исследователь, работающий по документам и презирующий вымысел, а каждый свой *домысел* подкрепляющий фактами и оговорками.

Имя Андре Кастело, к сожалению, мало известно нашему массовому читателю, но на его родине (да и не только там) давно уже прославлено и любимо. Кастело — исключительно способный и плодовитый писатель. Им создано более сотни книг. В числе их — художественные биографии, среди персонажей которых все трое Наполеонов, несколько французских королей и королев, государственных деятелей и полководцев, а некоторым из них посвящено по две и по три книги. Кастело — участник создания многотомных «Историй Франции», исторических энциклопедий и справочников. Он проявил себя как публикатор исторических текстов, работал для театра и для роскошных изданий альбомного типа, писал для взрослых и для детей. Многие его труды удостоены различных наград, а все творчество по совокупности короновано Большой Академической премией.

Биография Маргариты Валуа, «королевы Марго» — так она

величалась современниками и потомками — несомненно принадлежит к числу лучших произведений А. Кастело. При небольшом объеме книги автор сумел воссоздать запоминающийся образ этой «многолюбимой» и много любившей королевы, королевы-авантюристки, не упустив ни единой детали, способной прояснить ее своеобразную уникальность, — глубоко развращенной, способной на предательство и убийство, а вместе с тем в чем-то чистой, честной и целеустремленной дочери своего века и своей социальной среды.

«Королева Марго» Андре Кастело не может не напомнить нашему читателю хорошо знакомые ему в прошлом биографические произведения А. Моруа — «Дюма», «Бальзак», «Жорж Санд», «Гюго» и другие; оба писателя работали однородно, исходя из документов и выстраивая избранный ими образ в интерьере страны и эпохи. Это — давно устоявшийся в литературе прием «*biographie romancée*» — «романизованных биографий», начатый еще Э. Людвигом и С. Цвейгом и широко захвативший мировую литературу второй половины XX века. Впрочем, в этом плане между Моруа и Кастело наблюдаются весьма существенные различия. А. Моруа — прежде всего *литератор*, беллетрист, автор повестей и романов, да и все его документальные биографические произведения — почти исключительно о корифеях литературы и искусства. Кастело же, как отмечалось, *историк*, и диапазон его творческих интересов при всем разнообразии неизменно вращается по кругу истории, среди политических деятелей и событий мирового значения. В соответствии с этим и в своих «романизованных» биографиях он в отличие от Моруа гораздо больше внимания уделяет антуражу, историческому фону, на котором разворачивает свое повествование. И тем не менее именно в книге о королеве Марго исторический фон требует дополнительных разъяснений, без которых для современного русского читателя многое останется непонятным: очень уж сложным и противоречивым было время, в которое жила и действовала героиня Кастело!

* * *

Вторую половину XVI века историки Западной Европы называют обычно эпохой Контрреформации и Религиозных войн. Это было весьма бурное, переломное время, когда менялись целые пласты жизни народов, пылали костры инквизиции и старый, умирающий феодальный мир прилагал последние судорожные усилия, чтобы удержать господство, явно переходившее в руки другого класса, причем в этой кровопролитной борьбе доминирующую роль сыграла идеология, выступающая в

двух взаимно исключающих направлениях: католицизме и протестантизме.

Католическая церковь, выделившаяся из общего русла христианства еще на ранних этапах средневековья, сыграла исключительную роль в становлении и развитии феодального строя Западной Европы и, в частности, средневековой Франции.

Средневековая церковь со всеми ее атрибутами — от крупного землевладения до иерархии должностей и архитектурных излишеств — была не только громоздким, но и очень дорогим учреждением. Однако короли и феодалы охотно шли на затраты, получая взамен нечто неизмеримо большее — высшую санкцию на свое господство.

Так продолжалось до тех пор, пока класс феодалов единолично первенствовал в феодальном мире. Но уже в XIV—XV веках началось формирование (сначала в Северной Италии и Фландрии, а с конца XV века и повсюду в Европе) нового класса, постепенно захватывающего в свои руки экономику, а затем устремляющегося и к политическому влиянию, — класса буржуазии. Буржуазия вовсе не собиралась отказываться от религии вообще и от христианства в частности. Но ей была нужна религия, которая санкционировала бы не власть феодалов, а власть буржуазии. Эта религия должна была отличаться от католицизма в первую очередь своей простотой: меркантильной буржуазии деньги были нужны не для того, чтобы строить роскошные соборы и проводить пышные церковные службы, а для того, чтобы вкладывать их в дело. В соответствии с этим становилась ненужной дорогостоящая церковная иерархия с папой, кардиналами, архиепископами, епископами, монастырями и церковным землевладением...

Такова была материальная отправная точка великого духовного движения, охватившего Западную Европу на грани средневековья и нового времени и получившего название Реформация, поскольку смысл его сводился к коренной реформе церкви. ПIONEРОМ реформации стал чех Ян Гус, за ним последовали другие — швейцарец Цвингли, немец Лютер и француз Кальвин.

Католическая церковь, уже подорванная «схизмой» — расколом внутри самой себя, оказалась еще достаточно сильной, чтобы в начале XV века расправиться с Гусом. Но уже в первой половине следующего, XVI столетия Лютер и Кальвин торжествовали победу. Воодушевленная Лютером, с католицизмом порвала большая часть Германии (кстати, именно здесь возник и термин «протестантизм», в смысле протеста сторонников Реформации против католических епископов и князей), кальвинизм же совершил победное шествие по всей Северной Европе. Так или иначе, сторонники Реформации в ходе XVI века одержали победу в значи-

тельной части европейских государств, включая Англию, Нидерланды, Швейцарию, Данию, Швецию, Норвегию и Восточную Прибалтику.

Дряхлеющий феодальный мир попытался взять реванш. Под эгидой папства и реакционной Испании — первой колониальной державы, претендовавшей на мировое господство, — началось пятное движение, называемое обычно Контрреформацией или «католической реакцией». Его главными подвигами стало создание ордена иезуитов (1540 г.) — передового отряда католицизма, безудержный разгул изуверской испанской инквизиции, моральное и физическое истребление любых форм инакомыслия — будь то «запрещенные» книги, «крамольные» проповеди или же сами носители «крамолы». Все это вызвало в ряде стран массовые кровавые столкновения, известные под именем Религиозных войн и завершившиеся только к середине следующего века общеевропейской Тридцатилетней войной (1618—1648), приведшей наконец на некоторое время к более или менее устойчивому политическому и религиозному размежеванию в Европе.

Религиозных пертурбаций не избежала и Франция, но там они проходили на свой лад. В первой половине XVI века во Франции появились робкие ростки лютеранства, быстро задушенные королевским правительством, а с 40-х годов того же века стал бурно развиваться кальвинизм, вскоре окрещенный обывателями «гугенотством»* и пустивший глубокие корни. При этом, однако, историков всегда смущало одно удивительное обстоятельство.

Если повсюду в Европе Реформация и в первую очередь кальвинизм стали идейным лозунгом буржуазии в ее борьбе с феодалами, то во Франции все произошло как бы наоборот: большая часть буржуазии осталась верна господствующему режиму, а кальвинизм в основном стал программой реакционного феодального дворянства! Впрочем, при внимательном рассмотрении этот видимый парадокс оказывается вполне объяснимым: он тесно связан с особенностями социально-экономического и политического развития средневековой Франции.

Французское королевство много раньше других государств феодальной Европы стало на путь политической централизации. Уже в XIII—XIV веках при королях Филиппе II Августе (1180—1222), Людовике IX Святом (1226—1270) и Филиппе IV Красивом (1285—1314) независимость крупных феодалов от короны была значительно ослаблена. Столетняя война с Англией (1337—1453) несколько нарушила этот процесс, но после победы Французской монархии он быстро завершился: Людовик XI (1461—

* От немецкого «Eidgenossen» — «конфедерация»; прозвище, данное французскими католиками кальвинистам.

1483) добил последних сепаратистов во главе с их вождем, могущественным герцогом Бургундским, а Франциск I (1515—1547) уже писал в своих указах, распространявшихся на всю страну, «...ибо такова есть Наша воля...».

Быстрые и решительные успехи французских королей на пути централизации страны в значительной мере объясняются тем, что они рано нашли верного и устойчивого союзника на этом пути. Таким союзником оказались сначала города, а затем молодая буржуазия — главный выкормыш тех же городов. Союз королевской власти с городами и позже с буржуазией был исторически прогрессивным явлением, одинаково выгодным обоим союзникам и всей стране в целом: королям он давал силы бороться с сепаратизмом феодалов, городам обеспечивал быстроту и стабильность развития, создавая единый внутренний рынок, Францию в целом делал централизованным и могущественным государством. Вместе с тем, союз этот вносил известные коррективы в отношения монархии с феодальным дворянством — все еще господствующим классом средневековья. По мере усиления короля и превращения его в абсолютного монарха дворянство, в прошлом более или менее однородное, расслаивалось на две взаимно противоположные части: дворянство придворное, окружавшее престол, и дворянство провинциальное — всю остальную массу мелких, средних и крупных феодалов страны. Дворянство придворное жило целиком за счет государственного пирога, поставляемого налогоплательщиками. Дворянство провинциальное к этому пирогу доступа не имело и вынуждено было довольствоваться трофеями феодальных войн и податями со своих крепостных. Однако с конца XV — начала XVI века оба эти источника начали иссякать: изобретение пороха и огнестрельного оружия понизили возможности феодала в войне, и вскоре дворянина-рыцаря здесь успешно заменил солдат-ландскнехт, а «революция цен», связанная с открытием Америки и морского пути в Индию, резко понизила реальную феодальную ренту — стоимость тех денег, которые помещик выколачивал из своих крестьян.

Первые четыре абсолютных монарха Франции попытались исправить дело, ввязавшись в перманентную захватническую войну. При Карле VIII (1483—1498), Людовике XII (1498—1515), Франциске I (1515—1547) и Генрихе II (1547—1559) Франция прочно увязла в так называемых «Итальянских войнах» (1494—1559), ведшихся с переменным успехом, но прочно оттягивавших основную массу провинциального дворянства, решавшего свои экономические проблемы за счет ограбления Северной и Средней Италии. Однако когда в 1559 году миром в Като-Камбрези эпопея завершилась, Франция оказалась вынужденной отказаться от всех завоеваний в Италии, вследствие чего кормушка для

провинциального дворянства оказалась недоступной. Вот, собственно, и ключ к пониманию специфики гугенотского движения во Франции.

Для того чтобы убедиться в этом, рассмотрим, как складывалась политическая и классовая ситуация во Франции с этого времени.

На одном полюсе оказались: двор абсолютного монарха и большая часть буржуазии, экономически связанная с двором. Это была преуспевающая часть общества.

Другой полюс составляло провинциальное дворянство, утратившее кормушку и нищавшее от года к году, вдали от двора, в своем захолустье.

Между ними оказалась вся масса податного населения, питавшая одну и другую группы и ненавидевшая их обеих.

В соответствии с развитием реформации в Европе, каждая из этих групп поспешила выбрать для себя религиозное направление, которому должно следовать.

Абсолютный монарх и придворная аристократия, естественно, остались верны католицизму. Буржуазия, которая, казалось бы, должна была избрать протестантизм (как и было повсюду в других государствах Европы), во Франции, вследствие своей исторически тесной спайки с монархией (о чем подробно говорилось выше), также осталась правоверно католической.

Широкие народные массы частично перешли в протестантизм («гугеноты религиозные»), но в большинстве оставались верны вековой традиции все того же католицизма.

Что оставалось делать в этих условиях обездоленной массе провинциального дворянства? Только одно: борясь против элиты, избрать для себя знамя, оппозиционное господствующей вере, иначе говоря, знамя протестантизма, то есть превратиться в гугенотов!

Тот факт, что эта мысль абсолютно верна и неоспорима, ярко доказывает массовое выступление дворян-гугенотов против католического правительства *сразу же(!)* после мира в Като-Камбрези (так называемый «Амбуазский заговор» 1559 года). Очевидно это и потому, что современники прекрасно понимали суть дела и отделяли от «гугенотов религиозных» (то есть идейных) «гугенотов политических», иначе говоря тех, кто избрал протестантскую конфессию из чисто политических соображений, используя ее организационные формы для борьбы с ненавистными аристократами-католиками.

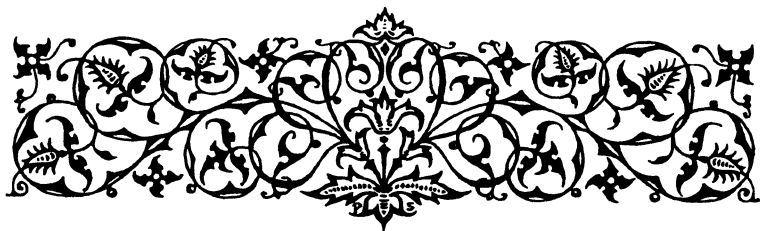
Именно поэтому, кстати говоря, «политические гугеноты» не отличались особенной стойкостью убеждений и так же, как и их вожди (Генрих Наваррский, принц Конде), если это оказывалось полезным, легко переходили из одной веры в другую.

Не более устойчивым оказался и противоположный, католический лагерь. В нем были, конечно, «зубры» вроде Генриха де Гиза, слепо державшиеся за свою программу (за что им иной раз и приходилось дорого платить), но были и «вожаки» гораздо менее устойчивые, как, в частности, последний Валуа — Генрих III (1574—1589), метавшийся между католиками и гугенотами, что также закончилось для него весьма плачевно.

Гугенотские войны второй половины XVI века (их было всего десять) шли с переменным успехом, но время показало, что потенциал католиков во Франции был все же выше того, чем предполагали протестанты. Это стало ясно уже в результате печально знаменитой Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года, картинно описанной Андре Кастело и ставшей первым массовым избиением гугенотов. Подобные гекатомбы, может быть в меньших размерах, наблюдались и впредь. Для большинства населения Франции в конечном итоге протестантизм оказался неприемлемым — ей вплоть до наших дней было суждено остаться католической страной. На определенном этапе это понял даже великий «еретик» Генрих Наваррский и, рассудив, что «Париж стоит мессы», в очередной раз перешел в католическую веру, чем обеспечил себе корону Франции, хотя все же не избежал ножа фанатика-католика.

Что же касается его разведенной жены, королевы Марго, то при всей своей ветрености и изменчивости она сумела в течение целой жизни остаться верной религии предков и в трудные для себя дни героически отстаивала в импровизированной церкви по три мессы кряду. Это весьма убедительно показал автор книги, лежащей перед нами. Не сомневаемся, что она будет принята благосклонно русским читателем, который, быть может, вслед за этим пожелает встретиться и с другими книгами маститого писателя-историка.

А. Левандовский

Глава I

ТРАГИЧЕСКИЙ ПОЕДИНОК

Этот ужасный удар лишил Францию покоя, а наш дом счастья.

Маргарита

Был жаркий июнь 1559 года, когда обитатели улицы Сент-Антуан, ведущей от Бастилии к улице Сен-Поль, узнали новость, которая повергла их в уныние. Их улица была самая широкая в Париже, а потому здесь решено было вновь устроить многонедельные празднества королевского двора, тем более что Генрих II обитал в двух шагах отсюда, во дворце Турнель.

Жители улицы Сент-Антуан по-своему уже приспособились к «высочайшим выездам»: они пышно разукрашивали гобеленами и драпировками фасады своих домов, хотя на последних этажах немало окон оставались пустыми. Именно так в январе 1540 года — это было необычайное зрелище — здесь встречали кортеж императора Карла V*, когда он, с позволения короля Франциска I, проехал через Францию, дабы покарать фламандцев, восставших против испанского владычества. Однако на сей раз чиновники муниципалитета уж слишком увлеклись: они распорядились даже разобрать брусчатку, чтобы насыпать на дороге песку. Рабочие засыпали сточную канаву и убирали крест у церкви

* Карл V (1519—1556), император Священной Римской империи, король Испании (под именем Карлоса I). Провозгласил целью своей политики борьбу с Реформацией и создание «всемирной христианской монархии», но потерпел поражение и вынужден был отречься от императорского престола, который перешел к его брату Фердинанду I. Испания, Нидерланды и Неаполь достались его сыну Филиппу II, королю Испании. (Здесь и далее прим. пер.)

Сен-Поль, садовники выкорчевывали почтенный вяз, почти двести лет затенявший улицу. Но особенно расстарались плотники: чуть ли не у каждого дома сооружались высокие, до самых крыш, трибуны, которые, казалось, перекрывали доступ воздуха и света.

К чему все эти приготовления?

Дело в том, что улице Сент-Антуан предстояло еще раз превратиться в декорацию для многодневных королевских турниров. Нечто подобное здесь уже происходило в начале года, когда, по случаю свадьбы юной Марии Стюарт с дофином Франциском, была устроена *казозель*, потешное сражение между турками и маврами. До чего шумное зрелище! Уж в чем его участники себе не отказали, так это в удовольствии от души побарабанить «по-оттомански».

Сам же квартал был страшно унылый. От Сены его отделяло кладбище Сен-Поль, где начали хоронить еще в 632 году. Летними вечерами по-над кладбищенской оградой стлался тяжелый, гибельный туман, смешиваясь со зловонными испарениями сточной канавы. Это была сушая клоака, в которой скапливались стоки и отбросы всего квартала. Вырвавшись на простор, нечистоты устремлялись — другого слова не подберешь — по улице Кюльтюр-Сент-Катрин во рвы, окружавшие стены крепости Карла V*, которые, казалось, увязали в этом зловонном болоте.

И в погожий июньский день 1559 года праздничные трибуны вновь надолго заслонили окна жилых домов. Правда, повод для радости все-таки был: предстоящие торжества были приурочены к только что заключенному с испанцами миру в Като-Камбрези**. Так решил король Генрих II. На всех перекрестках города глашатаи выкрикивали его указ:

«Именем короля. После долгой и жестокой войны, на которой не ведавшим отдыха оружием было пролито столько человеческой крови, всем гражданам повелевается с чувством радости, облегчения и ликования восславить это великое событие!»

По правде говоря, французы находили, что заплатили чрезмерную цену за «великое событие». В обмен на жалкую компенсацию — Сен-Кантен, Теруанн и Ле Катле — Франция уступила Савойю, Пьемонт, Миланскую провинцию, Корсику, Бресс и Бюже! Так «за один час, одним росчерком пера, пришлось все отдать, — с грустью писал современный хронист, — и трех или четырех капель чернил хватило, чтобы осквернить и пустить по ветру все наши великие прошлые победы!»

* Карл V Мудрый (1338—1380), король Франции.

** Като-Камбрезский мир был подписан 3 апреля 1559 года королем Франции Генрихом II и королем Испании Филиппом II. Положил конец длительным войнам между Валуа и Габсбургами за раздел Италии.

Но этими же «тремя или четырьмя каплями чернил» предре-
шены были женитьба Филиппа II Испанского на Елизавете, стар-
шей дочери короля Генриха, которой исполнилось тринадцать
лет, а также герцога Савойского — на сестре короля, Маргарите.
Савойец лично явился в Париж, тогда как испанец прислал вме-
сто себя прославленного Фернандо, герцога Альбу. Однажды
июньским утром сей последний вошел в опочивальню будущей
королевы и, закатав штанину на левой ноге, коснулся ею голой
ножки девочки. Свадьба была объявлена «свершившейся», и гер-
цог Альба, кажется, не без некоторого сожаления покинул буду-
ар королевы. У французов до сих пор в ходу выражение «дело од-
ной ноги» — несомненно, оно пошло с этой истории...

На следующий день начались рыцарские турниры, «и фран-
цузы с блеском продемонстрировали, что в кавалерийском деле
искушены более испанцев». Гости из-за Пиренеев были так не-
уклюжи, «так нетвердо держались в седле, что каждую минуту,
казалось, вот-вот упадут с лошадей».

В честь бракосочетания герцога Савойского поединки возоб-
новились. Во вторник, 28 июня, так же как и в среду, 29-го, отли-
чился король Генрих — он был в числе победителей.

Четверг, 30 июня 1559 года

Уже с девяти часов утра зрители спешили занять места на три-
бунах. Королева Екатерина Медичи, мать трех будущих королей
Франции и их сестры, неукротимой Марго, которой также суж-
дено стать королевой, расположилась в своей ложе — эта ложа
находилась напротив дома № 62 на нынешней улице Сент-Анту-
ан. Рядом уселась Диана де Пуатье, герцогиня де Валентинуа, лю-
бовница короля Генриха II. Он любил ее до беспамятства, хотя
Диане было уже шестьдесят, — поразительный случай вечной
молодости. Не случайно Брантом*, великий знаток амурных ис-
торий, писал: «Я видел герцогиню де Валентинуа в возрасте шес-
тидесяти шести лет — она была так же красива, свежа и привле-
кательна, как в тридцать».

Как всегда, король носил цвета Дианы, черный и белый: их
выбрала дама его сердца в знак траура по покойному супругу,

* Пьер Брантом де Бурдей (1540—1614), блестящий хронист своего
времени. Его перу принадлежат: «Жизнь знаменитых людей и великих
полководцев», «Жизнь знаменитых женщин», «Жизнь галантных жен-
щин». Все его труды были изданы посмертно.

месье де Брезе. Под этими цветами король сражался на войне, под ними же нашел свою смерть. Он подписывал письма лите-рой Н (Nepgí. — *Прим. пер.*), добавляя к ней два полумесяца: полумесяц действительно был его личной эмблемой, но окружающими он воспринимался как небесный знак, с которым олицетворяла себя пленительная Диана. Это Н вместе с двумя полумесяцами образовывали два сплетающихся друг с другом D. Их находят на всех доспехах, каминах, на дверях всех его замков, даже на коронационной одежде короля. Значит, уже в Реймсе между ними существовала любовная связь.

Екатерина презирала свою соперницу, но вынуждена была терпеть ее подле себя. Ведь она родила десять детей и вообще-то должна была быть признательна Диане за то, что та не позволяла своему венценосному любовнику забывать дорогу в покои жены. Ведь увлечение Генриха было вполне извинительным: пышногрудую Екатерину обычно называли точным портретом папы Льва X, человека с белесыми, навывкате глазами, лишенными какого бы то ни было очарования.

— Я сделала много добра для мадам де Валентинуа... — заявила однажды королева.

И тут же уточнила:

— Но я всегда давала ей понять, что делаю это наперекор своим чувствам, ибо женщина, которая любит своего мужа, никогда не сможет полюбить и его шлюху.

Да простят мне читатели это словцо. Мы в XVI веке, и всего шесть лет назад, на кладбище Сен-Поль, в двух шагах от улицы Сент-Антуан, похоронен Рабле.

По другую сторону от кресла Екатерины Медичи устроились Мария Стюарт и дофин. Юной королеве Шотландии было всего четырнадцать лет, но она была чрезвычайно вялой и по любому пустячному поводу падала в обморок. Болезнь красавицы супруги дофина хронисты называли «бледнотой». Ее муж едва ли выглядел лучше. Многие были уверены, что Франсуа, которому было всего пятнадцать лет, не в состоянии сделать свою супругу женщиной. Этот опухший и застегнутый на все пуговицы подросток был действительно серьезно болен. «Он страдает от запоров», — без обиняков сообщает один хронист.

Неподалеку от них расселись остальные королевские чада: два брата дофина, которые в свое время также станут венценосными монархами — будущие Карл IX и Генрих III. Наконец их сестра, чудная, несравненная Маргарита Валуа, родившаяся в предместье Сен-Жермен-ан-Лей в воскресенье 4 мая 1553 года в четверть пятого пополудни. Ее назвали именем двоюродной бабки, Маргариты Наваррской, «Маргариты всех Маргарит», сестры Франциска I. Братья безо всяких церемоний называли ее просто Мар-

го — а позже «толстушкой Марго», так как фигурой она пойдет в свою мать Екатерину. Но тогда ей было всего шесть лет. И ее личико с прелестными ямочками на щеках никого не оставляло равнодушным.

Высоко и чисто запели трубы, возвещая начало поединка. Екатерина возвела очи горе, ее колотила дрожь: один из астрологов предупредил короля, что он должен «избегать любых одиночных поединков на ограниченном пространстве, главным образом до сорока одного года...» Между тем Генриху II только что исполнилось сорок.

В центре улицы Сент-Антуан была установлена длинная ограда высотой по круп лошади, разделявшая участников турнира. Разогнав лошадей, они должны были на всем скаку устремиться по этому узкому коридору навстречу друг другу. Каждый держал в руке деревянное копье с острым железным наконечником, прижимая ее локтем и целясь в панцирь противника, чтобы вышибить его из седла. Герцог Савойский первым облачился в латы и тяжелой поступью, устрашающе скрежеща доспехами, направился к королю, на голову которого месье де Вьейвиль еще только надевал железный шлем.

— Покрепче держитесь в стременах, — со смехом сказал король будущему зятю, — я намерен хорошенько вас поколотить, без скидок на родство.

С помощью оруженосцев оба взгромоздились на лошадей, покрытых богатыми попонами. На шлеме Генриха, как и на голове его лошади, качались тяжелые султаны из черных и белых перьев. Противники бросились друг на друга, с ходу пустив коней в галоп. Герцог Савойский сражен. Напрасно он сжимал бока лошади, если бы он заранее не привязался к луке седла, он бы наверняка упал... Теперь очередь герцога Франсуа де Гиза, отца Генриха де Гиза. Не человек, — гигант! Однако тут оба соперника усадили на лошадях: победителя нет.

На очереди был третий поединок. Король пересел на сильного скакуна Филибера Савойского. Он был восхищен его «горячей кровью» и сообщил об этом своему будущему зятю, но тот в ответ именем королевы стал умолять его «оставить ратный труд», так как «уже поздно и чересчур жарко». В самом деле, на колокольне Сен-Поль только что отзвонили полдень. Генрих возразил: уже не однажды увенчанный лаврами победителя, он, в соответствии с титулом и традицией, обязательно должен выдержать три поединка подряд. Его новый соперник уже в седле: это начальник шотландских гвардейцев Габриэль де Монтгомери, граф де Лорж. «Горны и рожки запели во всю силу, так что у присутствующих

заложило уши». Но вот оба противника заняли исходные позиции и прищпорили лошадей. Раздался страшный треск, копыта у обоих сломались, но никто с коня не упал. Король не мог на этом остановиться, он потребовал новое копьё, чтобы сразиться еще раз.

— Сир, — с дрожью в голосе обратился к нему маршал Вьейвиль, граф де Дюрталь, — клянусь вам Господом сущим, вот уже три ночи подряд мне все мерещится, что с вами должно случиться какое-то несчастье и что этот последний день июня фатальный для вас. Но поступайте, как считаете нужным!

Монтгомери не был настроен продолжать поединок, но отговорить короля не удалось. И снова понеслись навстречу друг другу победитель турниров и претендент. Вновь ужасающей силы удар, вновь сломаны оба копыта, а наездники и лошади с трудом удержали равновесие. Генрих схватил новое копьё. Вопреки традиции трубы смолкли, и никто никогда не узнает почему. Закованные в железо всадники галопом понеслись навстречу друг другу, слышен был только резкий скрежет стальных доспехов да чеканный стук копыт по песку, которым посыпана мостовая.

Зрители затаили дыхание.

Все с ужасом наблюдали за начальником шотландских гвардейцев: он продолжал держать наперевес сломанное копьё, которое сгоряча позабыл сменить. В третий раз сошлись противники. Обломок копия Монтгомери, ударившись о панцирь короля, скользнул под забрало шлема и поразил его в голову.

Воздух сотряс вопль трибун.

Екатерина и Диана вскочили. Стараясь удержаться в седле, король обхватил шею лошади. Черные и белые перья их султанов смешались, но у короля хватило сил добраться до конца ристалища. Там он упал на руки оруженосцев, которые стали поспешно стаскивать с него латы.

Короля увезли в Турнель. Рана была ужасающа: копьё прошло над правой бровью и вышло за ухом. Монтгомери плакал у изголовья. Во всем замке слышались стоны. Екатерина и Диана рыдали. Дофин Франциск, которому, как оказалось, так скоро предстояло стать королем Франциском II, стоял ошеломленный рядом с красавицей Марией. Настало время царствовать, а им не исполнилось еще и пятнадцати лет! Дети Франции потерянно бродили по замку, и маленькая Маргарита плакала навзрыд.

К изголовью умирающего был вызван Амбруаз Паре. Он, проделавший за свою жизнь немало труднейших операций, на этот раз оказался не в силах помочь, как, впрочем, и остальные тринадцать хирургов короля. Удалось извлечь через нос лишь пять или шесть осколков копия. Это было бесполезно, впрочем, так же, как микстура из ревеня и прочих трав, которой пичкали боль-

ного. А еще ему устраивали кровопускания, словно мало крови он уже потерял. Так уж лечили в те времена.

В Гран-Шатле и Консьержери спешно казнили четырех осужденных на смерть преступников, их головы доставили Амбруазу Паре. Он воткнул в правый глаз каждой отрубленной головы по щепке от копья. Но и эти магические опыты ничего не изменили. Хуже того, рана Генриха II воспалилась, кость оголилась, а из-под повязки сочился гной.

Король понимал, что он обречен. И потребовал 9 июля справить свадьбу своей сестры Маргариты и герцога Эммануэля-Филибера Савойского. Один из хронистов сообщает, что церемония была «больше похожа на похороны и погребальное шествие, чем на что-либо другое, потому что вместо гобоев и скрипок кругом слышались только плач, рыдания, причитания и вздохи. Сходство с похоронами еще больше усиливалось от того, что обручение в церкви Сен-Поль совершалось за полночь, при факелах...»

Пока длилась агония, Диана де Пуатье сидела взаперти у себя дома. Екатерина запретила своей сопернице появляться в королевских покоях, а вечером 8 июля отправила к ней гонца.

— Мадам, меня послала к вам королева. Она желает, чтобы вы вернули ей драгоценности короны.

Не теряя самообладания, Диана осведомилась:

— Король умер?

— Нет, мадам, но вряд ли его величество переживет ночь.

— Кроме него никто надо мной не властен!

Другой посланец явился 10 июля. В этот день утром король испустил последний вздох. «Ужасная потеря, — напишет впоследствии королева Маргарита, — из-за которой Франция лишилась покоя, а наш дом — счастья...»

Нового короля Франции звали Франциск II.

Чтобы не ходить больше по улице Сент-Антуан, регентша Екатерина приказала снести дворец Турнель. Позже на этом месте построили площадь, окаймленную зданиями, — голубые крыши, красный кирпич, белый камень. «Площадь Вогезов создана копьем Монтгомери», — напишет Виктор Гюго.

* * *

Юная принцесса Маргарита помнила — и поведала об этом в самом начале своих «Мемуаров» — разговор, который состоялся у нее с отцом за несколько недель до драмы на улице Сент-Антуан. Король посоветовал ей выбрать себе кого-то из благородных

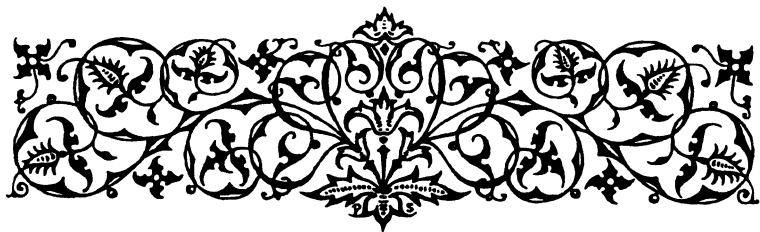
молодых людей «в качестве поклонника», проще говоря, присмотреть себе будущего супруга. И даже предложил ей две кандидатуры на выбор: герцога Генриха Жуанвильского, сына герцога де Гиза, и маркиза де Бопрео. Она выбрала молодого черноволосого маркиза.

— Почему его? — удивился король. — Я нахожу, что он не так хорош, как этот длинноносый герцог Жуанвильский.

В самом деле, последний был совершенно неотразим, к тому же блондин. Крошка пояснила отцу, что маркиз «умнее». Герцог Жуанвильский способен был причинить «зло другому человеку и стремился надо всеми главенствовать. Верный знак судьбы, которая ему и выпала», — скажет она в «Мемуарах». Ибо герцог Жуанвильский, сын Франсуа де Гиза Лотарингского, который станет герцогом Генрихом де Гизом и прославится под кличкой Меченый, будет убит по приказу короля Генриха III. Но именно он станет первой любовью будущей королевы Марго... он, а не муж, о котором она столько мечтала. Да разве могла настоящая принцесса жить лишь велением сердца? Конечно же, нет!

Впрочем, до всего этого еще далеко.

Глава II

«ДВОР, ПОЛНЫЙ ЕРЕСИ»

На следующий день после трагедии, разыгравшейся на улице Сент-Антуан, королевские дети уезжали в Амбуаз, в замок, который уже почти сто лет был загородной резиденцией наследников французского престола. Подобно их деду Франциску I, которого в юности звали Франсуа Ангулемским, они играли на террасе в большие шары — мячи в человеческий рост, строили «маленькие замки и воевали друг с другом, да так, что часто не обходилось без ссадин и синяков...» «В Амбуазе, — вспоминала Маргарита, — мы жили скорее по велениям природы, наподобие растений и животных, нежели ведомые разумом».

К принцессе Маргарите была приставлена гувернантка Шарлотта де Вьенн, баронесса де Кюртон. Никогда не снимавшая траура вдова Генриха II часто приезжала из Блуа в сопровождении сына-короля Франциска II и королевы Марии, чтобы навестить младших детей. За ними следовал весь двор. Множество молодых вельмож в золоте и серебре, вскочив в седло на разводном мосту у башни Урто, слезали со своих богато разукрашенных коней лишь у дверей своих жилищ.

Юной королеве, красавице Марии Стюарт было пятнадцать лет, и краса ее, по словам Брантома, начинала проявляться, «как свет в полдень». Ее супруг Франциск целыми днями пропадал на охоте, утешаясь иллюзией, что это занятие придает ему мужественности. Из нарыва за ухом у него постоянно сочился гной. Править самостоятельно он не мог. Путем интриг на первые роли в королевстве выдвинулись Гизы, однако из-за своего лотарингского происхождения они воспринимались чуть ли не как иностранцы.

Юная Маргарита запомнила день, когда двор, отбывший в

Блуа, вдруг поспешно вернулся назад, чтобы укрыться в Амбуазе словно в убежище. Королеве Екатерине стало известно, что Турень кишит небольшими отрядами вооруженных гугенотов, которые направлялись на Луару, чтобы, по их словам, истребить Гизов, вернуть свободу и державу молодому королю — хоть этот щедушный король вряд ли даже представлял себе, что со всем этим делать, — и превратить Францию в протестантское государство.

Речь шла о знаменитом амбуазском заговоре*. Именно с того момента протестанты и католики принялись с жаром резать друг друга. По мнению Жана-Франсуа Шиаппа, все началось в тот день, когда «гуманизм, столь близкий сердцу Франциска I и даже Генриха II, вылился в Реформу. А появление Кальвина неожиданно сообщило ей новое развитие и наступательный дух».

С 22 февраля, дня своего прибытия в Амбуаз, по 15 марта 1560 года двор жил в постоянном страхе. «Ужас был настолько велик, как если бы у ворот города стояла чужая армия», — писал в Мадрид испанский посол, весьма недовольный тем, что вслед за двором и ему пришлось покинуть Париж. Вооружались все, даже повара на кухне. Кардинал Лотарингский носил под сутаной кольчугу. Замок был похож на осажденную крепость. Дворяне спали не раздеваясь. Крепостные стены щетинились фигурами вооруженных людей. Дипломатический корпус вынужден был разделять неудобства жизни в осажденном городе. «Панический страх» — по выражению английского посла — обуял «даже бывалых военачальников, которых в другое время не устрасили бы ни конные, ни пешие армии, ни ярость канонад». Эта глухая и незримая угроза, человеческие массы, стекавшиеся к замку со всех уголков королевства, довели до крайнего напряжения нервы его обитателей.

16 марта 1560 года в замок прибежали запыхавшиеся загонщики псовой охоты: они сообщили, что видели от пятисот до шестисот человек в лесу, в одном лье от реки. Прославленный Жак Савойский, герцог Немурский, с несколькими эскадронами бросился в лес. Завидев столь внушительный кавалерийский отряд, протестанты пустились наутек, многие побросали оружие, лишь бы унести ноги. Тем не менее пятьдесят шесть человек были взяты в плен и доставлены в замок. Собранные во дворе, они, «как бараны», в страхе жались друг к другу. Франциск II возник в окне и произнес речь, полную благодушных укоров. Вовсе не желая придавать нашему повествованию жанр романа, мы вправе пред-

* В 1560 году один из предводителей протестантов принц Генрих Конде намеревался захватить юного короля Франциска II, чтобы вырвать его из-под влияния Гизов. Но план этот провалился.

положить, что, может быть, из другого окна за этой сценой наблюдала Маргарита... Всем гугенотам вручили по экю, приказав проваливать, но троих или четверых, как зачинщиков, отправили в «холодную».

Всю вторую половину дня продолжалась охота на беглецов. Отупевших, растерянных, их, «как детей несмышленных», группами по пятнадцать — двадцать человек без конца приводили на нижний двор замка. В ходе допросов кое-кто набирался смелости заявить, что они намеревались «убить двух негодяев» — герцога Франсуа де Гиза и его брата кардинала Лотарингского — и посадить в железную клетку короля и его мать.

— Эта шлюха народила нам прокаженного, — так и выразился один плененный протестант, имея в виду Екатерину и ее жалкого сына Франциска II.

Мятеж был потоплен в крови. И тут нечему удивляться. «Те, кто не решается предавать смерти еретиков, — объясняет Теодор де Без, — виноваты, хотя и по-другому, не меньше тех, кто оправдывает отцеубийц...» Убивать священников им казалось делом богоугодным — сам Кальвин настаивал на истреблении иезуитов или, по крайней мере, на их изгнании, не гнушаясь даже «ложью и клеветой».

В Амбуазе было решено, что на этом все кончилось, — и сильно просчитались. 17 марта, на рассвете, паромщики заметили на правом берегу Луары отряд из двухсот всадников, прибывших со стороны Блуа. Прежде чем поднятый по тревоге гарнизон успел разобрать оружие, протестантский отряд под командованием Бертрана де Шодлье успел пересечь реку, проникнуть в предместье Амбуаза и достигнуть городских ворот. На скорую руку сформировав два больших отряда из дворян и их слуг, герцог де Гиз организовал оборону. Начался бой. Лишь поняв, что они в меньшинстве, нападающие очень скоро обратились в бегство и рассеялись.

Пролилась кровь. Замок — обитель короля — подвергся вооруженному нападению! Больше не могло быть и речи о милосердии или раздаче пленникам экю! Патрульные отряды вновь рыскали по окрестностям. Жатва была обильной. Многие из тех, кого накануне отпустили с Богом, вновь были доставлены в замок и брошены в подземелье. Они и сами недоумевали, что могло измениться всего-то за сутки. Те же, кто успел укрыться в ригах или забаррикадироваться в своих домах, пробовали оказать сопротивление, но безуспешно...

Допросы открыли правду даже тем, кто отказывался в нее верить.

— Кто командует вами?

— Нас вел принц Конде!

Это был дядя будущего короля Генриха IV, протестант. Мно-

го позже сочинители панегириков в честь семейства Бурбонов постараются замаскировать своеволие Конде, выдав его за личность слабую и безвольную, подобно тому как сам Луи де Конде пробовал сделать незаметным свой горб, высоко держа голову, и скрыть свою нищету, ведя роскошный образ жизни. Если и заслуживал снисхождения будущий предводитель гугенотов, то только из-за своей бедности. Его пансион был в семь-восемь раз ниже, чем у привилегированных вельмож двора! В то время как Гизы, в чьих жилах не было французской крови, жили с королевским размахом, Конде перебивался с хлеба на воду. Вполне естественно, что в голове у него засела мысль прогнать лотарингских князей и самому занять их место. Протестант Ла Реноди предложил ему свои услуги и план подготовки широкого заговора. Принц ответил согласием и обязался помогать.

Накануне Конде прибыл в замок Амбуаз. Узнав о воздвигаемых против него обвинениях, он отвечал с вызовом:

— Я очень хотел бы знать, кто мои обвинители!

Внешне он держался уверенно, но в действительности его колотила дрожь. Чтобы отвести от себя подозрения, он даже принял участие в обороне замка. Мало-помалу Бурбон осмелел: Ла Реноди на свободе, значит, обвинения против него доказать невозможно.

А Ла Реноди в это время бродил по лесам около Шаторено в поисках своих людей, рассеянных отрядами короля. С ним был его секретарь Ла Бинь и один-единственный слуга. Неожиданно за поворотом дороги он столкнулся с внушительным королевским патрулем, которым командовал сир де Пардайан, его родственник.

Вот это невезение!

Пардайан тотчас узнал того, чье имя уже две недели было у всех на устах, и, невзирая на родство, прицелился в Ла Реноди, но промахнулся... Ла Реноди обнажил шпагу и дважды проткнул Пардайана, но и сам упал замертво от пули, которую тот успел выпустить из своего пистоля.

Труп Ла Реноди доставили в Амбуаз и в назидание повесили на мосту через Луару, тогда как в замке продолжали допрос Ла Биня... Надо ли объяснять, как проводился допрос в те времена? Было уже ясно, что Конде замешан, но герцог де Гиз предпочел закрыть на это глаза, по крайней мере пока.

— Меньше всего на свете мне хочется говорить об этом, — заявлял он.

Сначала тшедушный Франциск II, чуть не плача, в полном смятении допытывался:

— В чем я провинился перед моим народом?

Но затем его обуял гнев — кстати сказать, брат его, будущий

Карл IX, будет подвержен еще более буйным припадкам. Однажды за обедом Франциск, в неистовстве топая ногами и стуча кулачком по столу, пронзительно кричал:

— Есть люди, которые одновременно и угождают передо мной и изменяют мне. Бог даст, однажды я заставлю их покаяться!

И выразительно взглянув на Конде, большими шагами направился к выходу. Бурбон, в свою очередь, разыгрывая возмущение, выпрямился во весь свой, надо сказать, незначительный рост и погрозил невидимым заговорщикам:

— Перевешать их всех!

Совет его будет услышан — однажды двери тюрьмы захлопнутся и за ним. Его приговорят к смерти... но тут же помилуют. Запах крови стлался над Амбуазом: Маргарита навсегда запомнила стаи ворон, описывавших плавные круги над высокими шиферными крышами замка, на мощных стенах которого раскачивались тела повешенных.

Амбуаз превратился в обитель палача. Несчастному королю и его хрупкой, нежной супруге приходилось присутствовать на сотнях казней — людей благородного происхождения не вешали, для них была припасена секира. Эти зрелища очень любила женская часть двора, ибо они воспринимали происходящее как хорошо поставленный спектакль. Вот приговоренные поднимаются на эшафот, хором распевая псалом Клемана Маро:

Да будет наш Господь Великий
К нам милостив и благ
И пусть своим прекрасным ликом
Он воссияет нам сквозь мрак.

Понемногу хор стихает. Последним слышится голос месье де Кастельно... Затем наступает тишина. Лужа перед замком отсвечивает кровью. За происходящим наблюдает из своего окна Екатерина, всегда в черном, лицо блелей воротничка...

— Ах! Ваше Величество, — шепчет герцогиня де Гиз, — кровь всегда питается кровью!

Сама Екатерина не сказала бы лучше.

Невероятная эпоха! Никого не мучила совесть, зато жестокость — как с одной, так и с другой стороны — правила бал. От поколения к поколению переходила ненависть. Столько стычек, столько кровавых ужасов, а между тем на сказочно прекрасных берегах Шеры и Луары, в чьих водах отражались белые силуэты замков, распространялся новый стиль жизни — элегантный. Как это ни удивительно, но именно в перерыве между кровопролитиями и побоищами расцвела великолепная поэзия Пьера Ронсара, Иоахима Белле, именно тогда родились шедевры Франсуа Клуэ, Пьера Леско и Филибера Делорма.

В последние дни кровавого мая 1560 года король, королева и все их ближайшие родичи отправились в Шенонсо. После тошнотворных сцен насилия глаз радовали живописные жилища крестьян. К маленькой Маргарите возвратилась улыбка. Короля приветствовали девять сотен рабочих, только что достроивших мост через Шеру, красиво раскинувшийся над ее берегами. Встречающие держали шесты, к которым привязаны были с одного конца зеленые ветви, с другого — знаки из черно-белой тафты. Правда, Диана де Пуатье была уже сослана в Анет... Головы крестьянок, сидевших «под молодыми вязами», были покрыты «большими, тяжелыми сельскими шляпами, сплетенными из соломы и расцвеченными тысячей оттенков». К замку вела тенистая дорога, поросшая травой и цветами и напоминавшая зеленый ковер. Она как нельзя лучше соответствовала настроению местных жителей, встречавших «столь благородных и высоких гостей».

Принцесса Маргарита и ее братья пришли в восторг от спектакля, подготовленного в их честь. Две женщины, «обе в античных одеждах, у одной из них на голове венок из плюща», протянули Франциску II и его придворным пастушеский рожок и пальмовую ветвь. Третья женщина в высокопарных выражениях обратилась к королю с балкона:

О король, спустилась я с небес,
Где твой отец нашел упокоенье.
Чтобы явить тебе красу сих мест,
Твоего прекрасного имения.

Когда она закончила, сообщает хронист, «король и его спутники были буквально засыпаны гирляндами и букетами цветов».

Поистине эти пасторали были просто необходимы, они призваны были помочь им освободиться от недавних кошмаров. К тому же цветами дело не ограничилось: жители Тура засыпали короля и свиту салатом, горошком и артишоками.

Наконец малолетних королевских детей отправили назад в Амбуаз. Самой счастливой чувствовала себя Мария Стюарт: эти несколько недель, проведенных в «ее Турени», она часто будет вспоминать после возвращения в свои шотландские туманы...

* * *

Король снова принялся за охоту и возложил государственные дела на герцога Франсуа де Гиза, который находил это совершенно естественным. В конце концов, разве Франциск II после женитьбы на Марии Стюарт не приходился ему племянником? С другой стороны, разве отец Генриха де Гиза не возвышался над людьми своего времени, как «большой и сильный дуб» возвыша-

ется над зарослями кустарника? Всегда в малиновых одеждах — он любил красное и розовое, сообщает Брантом, — в битвах он не щадил ни жизни своей, ни плоти.

В начале ноября 1560 года двор перебрался в Орлеан. Приехав сюда из Амбуаза, Маргарита нашла, что ее брат Франциск II сильно сдал. Молодой король жаловался на страшные головные боли. 7 ноября абсцесс за ухом нагноился сильнее обычного. Поначалу врачи заподозрили простуду: Луара уже покрылась льдом, а Франциск II имел неосторожность, одевшись не по погоде, поиграть во дворе в мяч. В воскресенье 17 ноября у короля началась рвота. После спора, разгоревшегося у врачей короля, его принялись пичкать слабительными и отваром из ревеня. Однако гнойник не заживал, а головные боли становились все нестерпимей.

На следующей неделе дважды удалось остановить истечение гноя, правда, тут же начинались сильные боли и поднимался жар. Если до сих пор медики стремились сделать все возможное, чтобы унять болезнь, то теперь стали делать все возможное, чтобы ее активизировать.

В воскресенье 30 ноября молодой король стонал так, что слушать было нестерпимо, и все время требовал пить. В последние же дни он так кричал, что слышно было на улице. Никто не осмеливался даже заговорить о трепанации, и агония продолжалась до 5 декабря. В полдень король Франциск II исповедовался, а к вечеру испустил последний вздох.

Мария Стюарт отказалась от короны Франции. Теперь она стала всего лишь Белой Королевой — вся, с ног до головы, в белых одеждах траура.

Креп длинный, тонкий и вольный,
Складка за складкой, как волны,
Струится до пояса и до земли.

Вскоре она возвратилась в свое Шотландское королевство*.

Екатерина созвала Королевский совет. Новому королю Франции было десять лет, и звали его Карл IX. Рядом с королевой-ма-

* Мария Стюарт (1542—1587), королева Шотландии, отреклась от своей короны в 1567 году; но так как при этом она сохраняла династические права на английский престол, то по приказу Елизаветы I была предана суду королевского трибунала по обвинению в предумышленном убийстве своего супруга, а также в заговоре против английской королевы и казнена.

терью восседала та, кто впоследствии станет королевой Марго, и двое других детей Генриха II: будущий Генрих III, сменивший титул герцога Орлеанского на титул герцога Анжуйского. Возле него сидел щуплый черноволосый герцог Алансонский, который позже тоже станет герцогом Анжуйским.

Екатерина твердо провозгласила, что принимает регентство на себя. Положение в стране было далеко не блестящим, к тому же сорок пять миллионов ливров долгов. Решение Екатерины вызвало резкое недовольство Антуана де Бурбона, короля Наваррского, отца будущего Генриха IV. Он потребовал официально признать его заместителем регента. Разве не французская кровь текла в его жилах? А вдруг Екатерина заболит, тогда не к нему ли по праву должно перейти главенство в Королевском совете?

Ее Величеству? Заболеть? С ней это случится только на краю могилы.

* * *

И вот началась первая Религиозная война и потянула за собой кровавую процессию убийств и погромов. Первая, потому что будут еще и другие. Воды Луары с ее песчаными серебристыми отмелями с той поры окрасились человеческой кровью. Во всех городах и селениях, в замках — убийства, изнасилования, распятия... Началась жестокая схватка, которой суждено было продолжаться вплоть до момента, когда Генрих IV сказал: «Париж стоит обедни».

Тридцать шесть лет кровавой резни!

Огонь, тлевший со времен амбуазского мятежа, вновь полыхнул 1 марта 1562 года в Васси. Возвращаясь из Гувилля, герцог де Гиз остановился в этом маленьком городке, чтобы пойти на мессу. Вдруг ему сообщили, что сотни две протестантов, «люди скандальные, надменные и весьма буйные», собрались слушать проповедь в амбаре неподалеку. Для католика Франсуа де Гиза это был вызов, и он решительно направился к указанному зданию. Двое из его свиты поспешили вперед. Протестанты встретили их весьма учтиво:

— Месье, пожалуйста, присоединяйтесь к нам!

— Черт возьми! Перебить бы вас всех! — отвечали те, сочтя оскорбительным такое приглашение.

Когда подоспел герцог, оба его дворянина уже были выброшены на улицу, и протестанты баррикадировали окна. Разгорелся бой. В руках у протестантов были одни лишь камни, тогда как у людей де Гиза имелись аркебузы. Они взломали дверь, и началась бойня...

На смертном одре Франсуа де Гиз без тени раскаяния вспомнил о «неприятности, причиненной тем людям из Васси». Слово «неприятность», несомненно, имело в ту эпоху несколько иной смысл, чем теперь. Протестантам та «неприятность» стоила семидесяти трех жизней, не считая ста четырнадцати раненых, тогда как люди Гиза, потерявшие одного человека убитым и получившие несколько контузий, отпраздновали учиненную ими резню как великую победу.

Конде, который после смерти Франциска II вышел из тюрьмы, возглавил, на этот раз открыто, протестантское движение и начал вербовку рекрутов. 2 апреля 1562 года с кавалерией в две тысячи пятьсот сабель он «с ходу» взял Орлеан. В его манифестах при этом утверждалось, что протестанты взялись за оружие с единственной целью — добиться религиозного мира.

12 апреля католики, воодушевляемые неким монахом-якобинцем, «который первым протрубил сигнал тревоги», ответили им резней в Сансе. Сброшенные в Сену трупы плыли под мостами Парижа. Конде тут же ответил ударом на удар: он без боя занял Анжер, Тур и Блуа. Протестанты не могли пройти мимо церкви, чтобы не вышибить в ней окна и не расколотить распятия. В Туре были втоптаны в грязь реликвии святого Грациана и святого Мартена. Эти ниспровергатели религиозных устоев шили ризы из колетов и отправляли на переплавку потиры и дароносицы. Они не остановились даже перед осквернением могил. В Орлеане было сожжено сердце бедного Франциска II, в Клері развезен по ветру прах Людовика XI.

* * *

В начале 1563 года, 5 февраля, герцог Франсуа де Гиз, отправившись из Блуа, пересек Луару и с ее левого берега начал осаду Орлеана, в котором укрепилось протестантское войско под началом адмирала Колиньи.

Королевская армия располагалась в Оливе, на левом берегу Луаре, притока Луары. Свой командный пункт герцог расположил в деревеньке Васлен, а сам поселился в Шатле с герцогиней де Гиз и сыном, принцем Жуанвильским, которого впоследствии назовут Меченым.

В четверг 18 февраля герцог задержался в Портеро до захода солнца. Со свитой всего в три человека, квартирмейстером сиром де Крене, Тристаном де Ростеном и молодым дворянином, компаньоном по псовой охоте Франсуа Расином, герцог де Гиз направился к переправе Сен-Месм, где между мельницами Беше и Сен-Самсон ходил по Луаре паром. Крене поскакал вперед, чтобы «предупредить госпожу де Гиз, волновавшуюся из-за долгой

задержки мужа, что она может накрывать на стол». С паром герцог выехал на дорогу, которая вела в Васлен. Сначала она шла чуть в горку, затем сворачивала влево, к Шатле. На перекрестке дорог высилась скала в окружении высоких ореховых деревьев. В этом месте и прогремел выстрел, который «осветил весь подлесок».

— Я убит! — вскричал герцог, «уронив голову на шею своего коня». А в нескольких метрах от него вопил, потрясая аркебузой, какой-то человек:

— Ловите убийцу! Ловите убийцу! — «тем самым желая показать, что стрелял не он».

Расин прищипорил коня, но след убийцы быстро затерялся. Франсуа де Гиз нашел в себе силы слезть с коня. Опершись о скалу, он вздохнул:

— Долго же они за мной охотились!

Он даже сумел вновь сесть на коня и, поддерживаемый с двух сторон своими спутниками, добрался до Шатле, где сразу слег. Пуля прошла «под костью лопатки и вышла в правой области груди». Рана чрезвычайно удивила медиков: входное отверстие со стороны спины оказалось намного шире, чем со стороны груди, где пуля вышла... Схваченный спустя два дня убийца — им оказался гугенот Жан Польтро, сеньор Меме, — объяснил загадку: он зарядил свою аркебузу тремя пулями, из которых «две сплющил и связал металлической ниткой».

Прежде чем умереть, де Гиз дал своему сыну совет «не брать на себя слишком большие и непосильные задачи».

— В сущности, все в мире обман, — сказал он. — Вот, суди по мне: я — большой командир, а убил меня маленький солдат.

Вспомнит ли это наставление отца Генрих де Гиз, когда по приказу брата Марго будет пронзен в Блуа шпагами «сорока пяти»?

19 мая в Париже был опубликован эдикт, подписанный в Амбуазе неделей раньше. Этот эдикт положил конец первой религиозной войне. Заключительные переговоры провели коннетабль де Монморанси и этот недоносок Конде, которого Екатерина сдуропу выпустила из тюрьмы. А проходила их встреча на одном из островов Луары, который затем смыли ее воды, — острове Быков. Отсюда до Орлеана было рукой подать...

«Мир достигнут, — написал коннетабль Екатерине, — я уверен, что вы останетесь довольны». И в самом деле, у Екатерины были для этого основания.

Амбуазский эдикт даровал протестантам свободу вероисповедания в их имениях — «владельцам замков, высшим судьям и сеньорам и прочим носителям дворянских титулов, располагаю-

шим своими вотчинами». Что же до простого люда, то ему свободное отправление обрядов реформированной религии разрешалось только в отдельных городах, и лишь при условии, что приверженцы новой религии будут строить свои храмы исключительно в пригородах. Нет даже смысла уточнять, что договор этот был написан феодальной знатью.

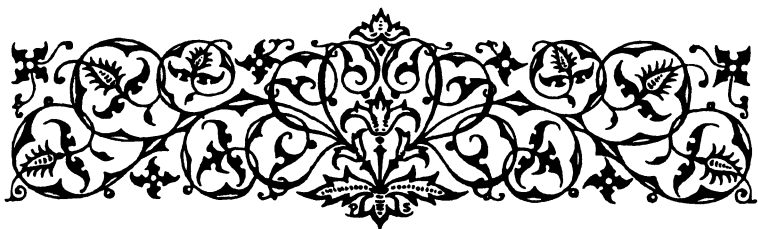
— Вы негодяй! — бросил адмирал Колиньи в лицо Конде. — Из тшеславия вы предали Господа!

Протестантизм с этого момента стал «карманной религией привилегированного класса». Екатерина же и вовсе не питала иллюзий насчет только что заключенного ущербного мира.

— Иногда лучше отступить, чтобы разбежаться и дальше прыгнуть! — говорила она.

Но что это был за прыжок!

Глава III

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Странным играм предавались в Амбуазе королевские дети: обрядившись в епископов, они разъезжали по дворцу на ослах, а за ними следовала шутовская процессия в грубых монашеских одеждах. «Игра в еретиков» — так называли они эту пародию на католические обряды. Малышка Марго, которой не исполнилось еще и десяти, выделялась среди сверстников своей набожностью. Святотатственные игры братьев явно шокировали ее. «Месье»* — такой, напомним, титул носил герцог Анжуйский, которому было всего двенадцать лет, — бросал в огонь ее часословы: в глазах герцога сестра была всего лишь лицемеркой, и он уговаривал ее переменить свою веру. Но Маргарита отвечала с твердостью, что всегда будет верна той вере, которую впитала с молоком матери. В ответ Генрих пожимал плечами — если сестра будет «упорствовать в своем ханжестве», мать же и задаст ей трепку. Обливаясь слезами, Марго отвечала, что ее можно выпороть, ее можно даже убить: «Я на что угодно готова, но проклятия на себя не навлеку!»

Между тем важная новость подоспела в Амбуаз в начале 1564 года: Маргарита, которой исполнилось одиннадцать, вместе со старшим братом, герцогом Анжуйским, призвана в Париж, чтобы принять участие в большом путешествии по Франции — Екатерина Медичи решила показать Карлу IX его королевство. Пятый сын Екатерины, ее последний ребенок, «душечка», герцог Алансонский, которому всего десять лет, останется в Амбуазе.

* Титул старшего из братьев французского короля.

Легко представить, в какое возбуждение пришла малышка Марго: предстояло долгое, медленное путешествие, подобного которому даже не припомнят при дворе! В нем примут участие от десяти до пятнадцати тысяч человек, одних лошадей понадобится тысяч пятнадцать — двадцать. И вся эта кавалькада должна объехать Францию за два года, три месяца и одну неделю.

Разумеется, правительство и все первые лица королевства, вместе с челядью, будут сопровождать молодого короля. Править страной придется «с дороги», поэтому дворы королевы-матери и всех королевских отпрысков также отправятся в путь. В ходе путешествия Маргарита и Анжу повидают свою тетю Маргариту, ставшую герцогиней Савойской, и сестру Елизавету, ставшую королевой Испании; их свадьбы когда-то были так омрачены смертельным ударом копья графа Монтгомери. В путешествие взят и Генрих Наваррский, которому всего двенадцать лет, — будущий король Генрих IV.

Две сотни дворян в «вороньих» — загнутых наподобие вороньего клюва — шлемах, по двое в ряд, с боевыми молотами на плечах церемониальным шагом открыли кортеж. Тут же и вся королевская рать: герольды, лучники, пешие и конные швейцарские гвардейцы с алебардами, двадцать четыре телохранителя, которые своими серебристыми одеждами с золотыми блестками привлекали всеобщее внимание.

А во главе этого пышного выезда гарцевали герольды Франции со своим командиром Монтжуа. Следом шли духовники, капелланы, наставники, приближенные Его Величества, затем «службы Двора», как в ту пору величали интендантов: кондитеры, кравчие, булочники, мясники. Наконец, собственно двор: слуги, привратники, пажи, придворные музыканты.

Карл IX, которому вот-вот должно было исполниться четырнадцать лет — а к концу путешествия и все шестнадцать, — конечно, намеревался повсюду в новых местах заняться ружейной, соколиной и псовой охотой. Поэтому с ним ехали многочисленные загонщики, сокольничие и ловчие. Не позабыта была и амунниция для опасных рыцарских турниров: увенчанные перьями шлемы, копья, щиты, доспехи для всадников и их боевых коней. Екатерина взяла с собой двадцать четыре статс-дамы и свой знаменитый «летучий эскадрон» юных фрейлин (которых было все же маловато): это благодаря им королеве становились известны все государственные тайны, которые выбалтывались в постелях, через них она влияла на решения их знатных любовников. Очаровательные девицы, восседавшие на смирных кобылах, веселой стайкой трусили позади своей госпожи.

Иногда Екатерина покидала свою повозку, чтобы проехаться верхом. Всем известно было, что королева-мать очень любила вер-

ховую езду. Это она придумала садиться в седло по-амазонски, переделав его так, чтобы ноги свисали только с одной стороны, — и, надо сказать, красота ее ножек обращала на себя внимание. Придет время, и дочь Маргарита станет ей подражать... Но пока что девочка была увлечена поэзией — она продолжала читать даже во время путешествия, — и штудировала латынь, на которой в один прекрасный день бегло заговорила.

Встречные зеваки с изумлением рассматривали влачимые мулами дорожные и парадные королевские повозки, «сплошь разрисованные прекрасными девизами» и подбитые зеленым бархатом, сундуки с «комнатными» собачками — все то, что сегодня мы видим на многочисленных гобеленах той эпохи. Несколько повозок нагружены были карнавальными одеждами, мавританскими, греческими, албанскими костюмами для маскарадных балов... Взяли с собой в путешествие даже медведей в намордниках, с кольцами в носу, и зеленых попугаев, без умолку болтавших в клетках.

Детям на потеху и для забав взята была целая когорта карликов и карлиц. Среди последних особенно бросалась в глаза Ля Жарни, по кличке Почетная Безумица, фаворитка Екатерины, которая никогда не разлучалась с королевой. А начальствовал над всеми этими шутами и шутихами благороднейший месье де Безон, к которому пристало прозвище Скукот и которому подражал какой-то монах, тоже шут. У шутов имелся не только свой наставник, но также свой аптекарь и множество слуг.

Королевское семейство сопровождали также иностранные послы со своими свитами. А замыкал процессию, следуя по пятам за кортежем, целый отряд публичных девиц, предназначенных «для услад» путешественников... Но услады эти, бывало, заканчивались для них довольно грустно: девицы награждали их печально известной «неаполитанской болезнью», которую, впрочем, итальянцы в свою очередь прозвали «французской».

Впереди кортежа шествовал квартирмейстер со своими каптенармусами. Он помечал мелком, кому и где остановиться. От Макиавелли нам известно: члены свиты путешествовавших королей обычно платили за постой и за комнату с постелью скромную сумму — одно су в день.

24 января 1564 года двор покинул Париж и направился в Сен-Мор. Не было предела радости королевских детей, когда в Фонтенбло они присутствовали на первом турнире — молодой король сразился на копьях с герцогом де Гизом и принцем де Конде. В замке их ожидало множество развлечений, но больше всего запомнилась постановка «Прекрасной Геньевры» Ариосто. Звучали стихи Ронсара, на сцене шла осада построенных из дерева и картона крепостей. Закончился спектакль восхитительным

фейерверком и балом, на котором католики танцевали с гугенотами — между ними только что был заключен мир, разумеется, временный, как всегда.

Из Фонтенбло странствующий двор направился в Санс, где двумя годами раньше произошла страшная резня безбожников. Кортёж передвигался короткими переходами. Прибыв 23 марта в Труа, королевские дети пришли в ужас: целая толпа дикарей и сатиров на невиданных скакунах — единорогах, козах и козлах — окружила прибывших, испуская крики радости.

В Труа двор провел добрых три недели, все католики города участвовали в пасхальной мессе в кафедральном соборе. Мелькали новые и новые города, раз за разом повторялись торжественные встречи. Но все эти триумфальные арки, речи мэров, поединки, театральные представления и балы везде были, в сущности, одинаковые. Из авторов чаще всего играли Пьера Ронсара.

В Бар-ле-Дюке произошла история, наделавшая много шума: Изабелла де Лимель, одна из фрейлин королевы-матери, родила, чуть не на площади. Ее вынудили назвать имя отца ребенка: принц Конде. Разгорелся скандал, молодую мать заставили отослать младенца принцу — в корзине, как кошку... Сколько Екатерина повидала на своем веку подобных историй! В гневе она приказала отправить провинившуюся фрейлину в монастырь, вначале Оксонн, а затем Турнон.

В Дижоне всеобщий восторг вызвала речь правителя Бургундии, престарелого сира Тавана... из-за ее краткости. Сначала он поднес руку к сердцу и воскликнул: «Оно принадлежит вам!» Затем, схватившись за эфес сабли, воинственно добавил: «А этим мы вам служим!»

И на том замолк.

Следующие города — Шалон и Макон, там принцесса Маргарита отметила свои двенадцать лет. 9 июня 1564 года Карл IX со своей свитой прибыл в Лион, где его встретил общий кортеж детей католиков и гугенотов, что воспринималось как символ их единения. Королевское семейство расположилось в просторном доме богатого горожанина, протестанта Пьера Теста. Но в городе все же было беспокойно: кортеж детей никого не умирил, и на улицах продолжали происходить стычки между протестантами и католиками. Карл IX проявил к протестантам излишнюю благосклонность, так что ему даже пришлось успокаивать раздосадованного испанского посла. Представитель Филиппа II был убежден, что король обязан ограничить дарованные протестантам свободы, тем более здесь, в Лионе, где они представляли существенную силу, да к тому же находились совсем близко от Женевы, рассадницы реформаторской заразы.

Из Диня, где свирепствовала чума, унесшая двадцать пять

тысяч жизней, двору пришлось перебраться в Русийон. Именно здесь в июле 1564 года король подписал эдикт, который остается в силе до наших дней и, очевидно, пребудет вовеки: с тех пор новый год начинается не с 1 апреля, а с 1 января*.

В течение нескольких недель, проведенных в Авиньоне, городе пап, болезненный Карл IX почувствовал себя несколько лучше, и двор отправился в соседний город Монпелье на карнавал. В моде были танцы *шевале* и пришедший из Турции *трейль*, быстрый танец, который помогал разогреться, тем более что уже наступили холода. В Каркассоне, куда двор прибыл 12 января 1565 года, все было покрыто таким толстым слоем снега, что под его тяжестью рухнули триумфальные арки. Но королевские дети радовались: наконец они могли поиграть в снежки.

В Салон-де-Провансе Маргариту заинтриговал странный человек с длинной белой бородой, который, не выпуская трость из рук, семенил рядом с лошадью короля: оказалось, это был Мишель де Нострадамус. В замке знаменитый астролог пожелал увидеть престолонаследника Наваррского королевства. Держа в одной руке свой зеленый бархатный берет, в другой толстую бамбуковую трость с серебряным набалдашником, он пристально разглядывал будущего короля Генриха IV, даже не замечая, что мальчик крайне смущен — он голышом стоял посреди комнаты. Закончив свой экзамен, Нострадамус повернулся к наставнику Генриха, месье де Ла Гошри, и, к ужасу королевы-матери, предрек:

— Он наследует все... Если Господь Бог приведет вас дожить до того времени, вашим господином будет король Франции и Наварры.

Проверить истинность собственного предсказания Нострадамусу уже не доведется: через двадцать месяцев он покинет сей бренный мир.

Что же до пророчества, то оно совпало с другим, намного более ранним. Однажды вечером 1559 года, на следующий день после фатального турнира, по просьбе овдовевшей Екатерины — а дело происходило в ее покоях в замке Шомон — Руджиери** вызвал в своем магическом зеркале силуэт молодого короля Франциска II, только что взошедшего на трон.

— Сколько он сделает поворотов, — объявил астролог королеве-матери, — столько лет ему и жить.

* Новогодние подарки также были отнесены на первый день нового года, но осталась традиция дарить 1 апреля дешевые смешные сувениры, разыгрывать друзей, загадывать фантастические пожелания. Эти «фокусы» назывались «апрельскими рыбами», ибо в этом месяце солнце покидает знак зодиака Рыбы. (Прим. авт.)

** Руджиери Козимо (ум. в 1615) — флорентийский астролог, советник Екатерины Медичи.

И силуэт короля Франции, выполнив всего один оборот, исчез с глаз потрясенной Екатерины Медичи, которая упала без чувств. Придя в себя, она увидела в зеркале второго сына, будущего Карла IX, — тринадцать вращений. Анжу, который станет Генрихом III, королем Франции и Польши, совершив пятнадцать оборотов, уступил место Генриху де Бурбону, королю Наварры. Итак, если верить астрологам — а Екатерина верила им безоговорочно, — ангулемская ветвь династии Валуа была обречена... ей на смену шли Бурбоны.

Весной в Бриньоле Маргарита и ее братья впервые увидели китайские апельсиновые деревья, прекрасно прижившиеся в Провансе. А сколько восторгов вызвали пальмы в Йере, где надолго остановился двор! Отсюда он и переехал в Марсель. Нетрудно представить, какую радость королевским «душечкам» доставил ожесточенный морской бой двух галер, который они наблюдали с берега.

И вот наконец достигнута главная цель затянувшегося путешествия: в июне 1565 года на пограничном острове Бидассоа произошла встреча с королевой Испании, старшей сестрой Марго. За шесть лет царствования Елизавета прекрасно усвоила религиозный испанский этикет. Герцог Анжуйский, как престолонаследник, — ведь у Карла IX не было детей, — первым устремился навстречу сестре, которая была старше его на пять лет.

До последней минуты Екатерина надеялась, что Филипп II также прибудет на Пиренеи. Надежда не оправдалась. Почему? Несмотря на упорные слухи о том, что турки готовятся напасть на Испанию, Франция разрешила оттоманскому флоту провести часть зимы в Марселе и Тулоне. Можно представить, какие чувства у короля Испании вызвали попытки Екатерины Медичи добиться сближения двух религий, — а тут еще и покровительство сыновьям Аллаха!

Зал, в котором происходила встреча со старшей сестрой Елизаветой, или, как ее иначе звали, Изабеллой, утопал в цветах, но тринадцатилетняя Маргарита была удручена: королеве Испании воспрещались излишества родственных чувств. Даже королева-мать, не удержавшись, заметила:

— Вы стали совсем испанкой!

— Я действительно стала ею, но для меня это дело долга и чести, — гордо ответила молодая королева.

Было нестерпимо душно. То и дело раздавался грохот — это валились наземь стражники, буквально изжарившиеся в своих доспехах... Вскоре королевская карета отбыла в Байонну, где в честь гостей проходило факельное шествие. Празднества шли бес-

прерывно, но французов раздражала чопорность идадьго, к тому же последние, не таясь, с ненавистью поглядывали на гугенотов при французском дворе. В глазах подданных Филиппа II все, кто исповедовал реформированную религию, были монстрами, которых следовало уничтожать. Первый министр Испании, герцог Альба, сопровождавший свою королеву, отважился на прямой совет Екатерине — очистить двор до последнего протестанта. Нет сил терпеть этих безбожников! Впоследствии Екатерина так и поступила, но в настоящий момент она еще здраво рассуждала о выгодах всеобщего замирения, ведь только так можно избежать страшных братоубийственных войн.

Итак, свидание в Байонне, на которое она возлагала столько надежд, закончилось крахом. Повинуясь воле короля Филиппа, герцог Альба отверг проект бракосочетания юной Маргариты и инфанта дон Карлоса — к превеликой радости Марго, которой чрезвычайно не понравилось, как переменялась старшая сестра.

Чтобы внести оживление в атмосферу встречи, решено было еще увеличить число празднеств и банкетов. Много позже в своих «Мемуарах» Маргарита живо опишет пиршество с танцами, которое, после непрямого турнира, ее мать устроила в честь королевы Испании на острове Эгмо-сюр-Одур, который теперь носит имя Лаонс. Посреди острова, заросшего «корабельными соснами», обустроили большую овальную лужайку, а по ее краям — зеленые ниши. В каждой нише установлены были столы для гостей. Королевская семья расположилась на высокой площадке, к которой вели четыре «ступеньки газона», — это уточнение принадлежит Маргарите.

Обслуживали банкет пастушки в атласных золотистых платьях, скроенных по традициям их родных провинций, — хотя им, конечно, в голову не пришло бы в таких прекрасных одеждах пастись овец... Прибыли эти девушки на судне, гремевшем, как музыкальный ящик. «Каждая группа исполняла что-то свое, — рассказывает Маргарита, — пастушки из Пуату танцевали под звуки волынки, провансалки — вольту под цимбалы, бургундки и шампеназки шли с маленькими гобоями, скрипками и сельскими тамбуринами, бретонки танцевали веселые пасспье и бранль».

После застолья на лужайке возникла «большая светящаяся скала, которую к тому же своей красотой и блеском своих украшений озаряли нимфы, вокруг которых носились сатиры...» К сожалению, ночное представление прервала сильная гроза. «Дождь и буря» рассеяли гостей: «пришлось среди ночи бежать на судно, чтобы найти там укрытие». На следующий день «все рассказывали о ночном приключении и много смеялись». Опять турнир — на этот раз рыцари сражались за Любовь и Добродетель. Все хронисты описали праздник на воде: после охоты на

искусственного кита прибыло огромное судно-черепаха, на панцире которого восседали шесть тритонов — на самом деле музыканты. А под конец появился Нептун на колеснице, запряженной морскими коньками из папье-маше.

И все же дворы расстались «холодно», отмечают хронисты. Маргарита простилась со сдержанной Елизаветой, обняв ее с нежностью, которую допускал этикет... больше она никогда не увидит сестру. Жарким днем королевский кортеж пересек Гаронну. На Его Величество тотчас обрушился поток жалоб от католиков, разгневанных надругательством протестантов над фамильной усыпальницей Валуа в кафедральном соборе Ангулема. Короля это известие тоже привело в ярость. Но обе партии, кажется, опять примирились на танцах в Коньяке, в замке Франциска I, и это дало Екатерине повод воскликнуть:

— Если Бог не помутит наш разум, мы будем жить в мире!

Все же в большинстве западных провинций католики были настолько запуганы протестантами, что уже опасались свободно отправлять свои религиозные обряды. Упвали на короля: он должен был их защитить.

Карл IX в Ля Рошели издал эдикты, один из которых предписывал ежедневное исполнение мессы, другой — высылку нескольких гугенотов из числа самых непримиримых, среди которых был даже некий пастор. Более того, король приказал подвергнуть казни колесованием несколько человек, уличенных в преступлениях против католиков. 4 ноября 1565 года Анжер, «маленький городишко с высокими колокольнями, расположенный в живописном месте», впустил в свои стены королевский кортеж, который стремительно, как потоп, ворвался в крепость короля Рене*.

Однако расходы в связи с пребыванием в городе королевского двора были так велики, что 7 ноября, когда огромный караван покинул Анжер и взял направление на Верже, жители вздохнули с облегчением. 9 марта — прибытие в Леринье, на следующий день — в феодальный замок Дюрталь, 12 марта обед в Жарзе, в замке, построенном в 1500 году Жаном Бури, министром Людовика XII, и ночлег в Боже, небольшом обиталище, построенном королем Рене. 13 марта кортеж уже в Ля Виль-о-Фуррье, с 14 по 19 марта он останавливался в аббатстве Бургей, основанном в 990 году.

— Это самое красивое место, которое я видела в своей жизни! — воскликнула Екатерина.

* «Добрый король Рене» (1409—1480) был королем Неаполитанским, Сицилийским и, номинально, Иерусалимским. С 1456 г. практически отказался от управления своими провинциями, удалился в Прованс, где окружил себя художниками и учеными, а сам стал заниматься литературным творчеством.

19 марта король со всем семейством обедал в Энгранде, пограничном городе провинции Турень, а вечером того же дня прибыл к воротам Ланже. Обитатели замка размахивали пучками соломой в знак преданности королю. 20 марта двор остановился в Майе, где все объелись бекасами, жаворонками, голубями и куropатками. Через Луару они перебрались на судне — кстати, это было не так-то просто! — и наконец двор втиснулся в замок Плесси-ле-Тур.

На следующий день королеву и ее детей принимал у себя Ронсар. Каждому из своих гостей он прочел отдельное стихотворение. После столь памятного события снова в путь: 22 ноября 1565 года, под грохот аркебуз, звуки труб и рожков, король въехал в Тур. Шум смолк, когда к Карлу IX с приветственной речью обратился мэр. Везде короля окружали представители всех сословий. Граждане Карруа специально к случаю воздвигли триумфальную арку, разрисованную аллегориями, — две башни на сложенных ладонях, — затем, после короткого привала в Сент-Гратьен,

Король отбывает в Плесси для развлечений,
Любоваться на оленей бегущих.
Он видел королевство в бурях сражений,
Теперь хочет видеть его цветущим.

После оленьих смотрин, 2 декабря, Маргарита, ее мать и братья расположились на ночлег в доме Жана Бабу де ла Бурдезьер, чей отец, Филибер, был главным интендантом при дворе Франциска I. Жан Бабу, придворный из свиты Карла IX, принимал королевскую семью вместе со своими дочерьми: Мари — графиней де Сент-Эньян, Мадлен, Дианой и Франсуазой д'Эстре, только что родившей на свет девочку, которую называли Габриэллой.

С ней мы еще встретимся...

Удаляясь от Луары, двор держал путь на Мулен, где и животные и люди могли передохнуть после двух лет непрерывных разъездов; Маргарита тем временем возвратилась в Амбуаз. Это была уже не девочка, а цветущая девушка, которая, как пишет Брантом, «зимой сочиняла стансы, чтобы восславить время года, так располагающее к любви...»

Глава IV

СТРАСТНАЯ МАРГАРИТА

*Она так красива, что на свете
просто не с чем ее сравнить...*

Брантом

Маргарита, которой шел шестнадцатый год, стала прелестной девушкой. Ее смуглую красоту воспел Ронсар:

Ее чело, мироздания венец,
В божественном нимбе волнистых волос,
Вьющихся, льющихся, вместе и врозь,
С дымным оттенком прекрасных колец...

Но часто она надевала белый парик из восхитительных колечек, осыпанных золотой пудрой. Что больше всего поражало в ее овальном лице, пышущем здоровьем молодости, — это карие глаза, глаза мудрой и коварной кошки, под красиво подведенными дугами бровей. Пьер Ронсар их также не оставил без внимания:

Дуги ее черных, как смоль, бровей,
Отражение солнц в полумесяце выгнутом...

А надо всем этим — «белораморное, царственное чело». Грაციозно очерченный рот дополнял впечатление чувственности, которой веяло от всего ее облика. Современники восхищались даже трепетанием крыльев ее носа, «живого, как ртуть».

Однажды Брантом и Ронсар созерцали ее на празднике в Тюильри:

— Это Аврора, — провозгласили они, — прекрасная Аврора, с алым румянцем на белом лице, рождающаяся вместе с зарей.

Любовные приключения «Жемчужины Валуа» долгие годы будут служить главными темами дворцовых пересудов. Конечно,

своей красотой, которую так вдохновенно описывали поэты, она опалит немало сердец. Ронсар в своей «Любви» говорит об этом так:

Тайных желаний ветра грудь молодую волнуют,
Два сладострастных холма, полные неги всегда,
Две эти спелых айвы, два этих чудных холма,
Что, превратясь в два соска, молодость жизни даруют.

Она с гордостью выставляла их напоказ; рассказывали даже, что ее фрейлины с волнением и трепетом целовали принцессу в грудь!

Оставим, однако, поэта и обратимся к перу Пьера де Бурдея, сеньора Брантома. «Никакая другая женщина не умела так изящно подчеркнуть свои прелести, — пишет он. — Несколько раз я видел, как она подбирала туалеты, обходясь совершенно без париков, при этом умея так взбить, завить и уложить свои жгуче-черные волосы, что любая прическа ей шла... Я видел ее в белом атласном платье, усыпанном множеством блесков, в его розоватом отливе темная или прозрачная вуаль из крепа, с римской небрежностью наброшенная на голову, создавала ощущение чего-то неповторимо прекрасного... Я видел ее в платье бледно-розового испанского бархата и в колпаке того же бархата, столь искусно отделанного драгоценными камнями и перьями, что трудно представить себе что-либо более восхитительное...»

К шестнадцати годам она была чертовски хороша и обворожительно женственна... все это прекрасно видел ее брат Анжу, который и решил сделать Марго своим союзником. Но с какой целью?

Для начала стоит взглянуть в самую эпоху.

Октябрь 1568 года. В этом году Луара увидела и другую королевскую процессию, на сей раз в ней не было ни сундуков с собачками, ни мулов, везущих варенье. И вооружена она была не для рыцарских турниров, а для войны. Под Туром встала на привал армия, готовая в любой момент расчехлить орудия и прийти на помощь жителям Пуатье, осажденного немецкими рейтарами. Осадой Пуатье командовал адмирал Колиньи, вождь кальвинистской партии, соратник принца Конде. Свое боевое крещение в этом походе получил герцог Генрих де Гиз, сын Франсуа, — при виде его стройной фигуры Маргариту охватывало странное волнение... Гиз уже не раз пробивался к осажденному городу, одним своим присутствием укрепляя в его жителях боевой дух. Они возлагали свои надежды только на королевскую армию и герцога Анжуйского, ее главнокомандующего, которому было всего семнадцать лет.

Маргарита восторженно наблюдала за братом. Всякий раз, изложив план военной операции, Генрих Анжуйский с таким ар-

тистизмом и блеском исполнял затем собственную роль, что чувство Маргариты к нему граничило с обожанием: «Все его советники восхищались им, — доносится до нас ее голос со страниц «Мемуаров», — тем более что его ослепительная молодость находилась в таком контрасте со взвешенностью его слов, которая больше бы подошла какому-нибудь седобородому старцу или бывалому воину, нежели семнадцатилетнему юноше... А его цветущая красота придавала каждому его поступку столько благородства, что, кажется, соперничала с самой его судьбой».

Герцог Анжуйский праздновал триумф: только что под Жарнаком он разбил протестантское войско принца Конде и теперь поджидал в замке Плесси-ле-Тур новые отряды, необходимые для освобождения Пуатье. В то же время Генриха мучила тревога. Нет, не судьба Пуатье — зависть короля тревожила его. Победы юного полководца явно задевали Карла IX. И вот однажды утром будущий Генрих III увлек Маргариту — которую он звал Марго — в парк замка Плесси-ле-Тур:

— Сестра, — сказал он, — образование, которое мы с вами получили, не меньше, чем узы родства, обязывает нас любить друг друга. Вы, должно быть, заметили, что из всех ваших братьев я испытывал к вам наибольшую симпатию, а я, в свою очередь, примечал, что естественное чувство подтолкнуло вас отвечать мне тем же. До настоящего времени мы просто жили с этой взаимной симпатией и не помышляли о том, чтобы строить на ней какие бы то ни было расчеты; наш союз не приносил никому из нас никакой выгоды, кроме того удовольствия, которое нам доставляло общение друг с другом.

Маргарита внимательно слушала брата своими хорошенькими ушками и гадала, куда он клонит.

— Это были отношения, которые подходили для детского возраста, — продолжал Генрих, — но сегодня мы уже не можем себе позволить быть детьми. Вы видите, сколь высоким и прекрасным делам призвал меня служить Господь и что именно в духе этого служения воспитывала меня королева, наша добрая матушка. Вы, кого я люблю и обожаю больше всех на свете, должны знать, что все то могущество, которого мне предназначено достигнуть, я никогда не смогу сосредоточить в своих руках без вашего участия. Ваш ум и ваша рассудительность дают мне уверенность в том, что, находясь подле нашей матушки и королевы, вы сделаете все, чтобы все предназначенное мне судьбой осуществилось.

И только после этого он перешел к сути дела.

— Боюсь, как бы мое отсутствие не повредило мне, ведь война и обязанности, которые я несу, вынуждают меня почти постоянно находиться вдали от двора. Тогда как мой брат король почти неразлучно находится при матушке, имея возможность ей

льстить и во всем потакать. Боюсь, как бы постепенно там не созрело против меня какое-то недовольство и как бы мой брат король, повзрослев, не предал забвению свою любимую охоту и со свойственной ему отвагой, вдруг проснувшись для великих дел, не лишил меня обязанностей главнокомандующего, чтобы возложить их на себя. Для меня это было бы такой катастрофой и несчастьем, что я предпочел бы подобному унижению самую жестокую смерть.

Маргарита побледнела. Так чего же хочет ее брат? Он не замедлил с признанием:

— Я считаю необходимым, чтобы при матушке королеве находились несколько верных мне людей, которые оказывали бы мне поддержку. У меня нет по существу никого ближе вас, ведь вы в моих глазах мое второе я. Вы умны, рассудительны и преданны.

Так вот оно что! Маргарита должна безотлучно находиться при королеве: и утром, когда она поднимается с постели, и вечером, при отходе ко сну, — а днем навещать матушку в ее рабочем кабинете.

— Это выработает у нее привычку к общению с вами, — продолжал Генрих, — тем более что и я со своей стороны постараюсь убедить ее в том, что при ваших способностях это принесет ей много пользы и скрасит ее дни. Я попрошу ее больше не обходиться с вами как с ребенком. Пока меня нет, она может рассчитывать на вас, как на меня. Отвыкните робеть, разговаривайте уверенно, как вы разговариваете со мной. Вы будете стократ вознаграждены ее любовью. Вы сделаете очень много для себя и для меня. Один только Бог может больше сделать для меня.

Для юной Маргариты это были совершенно новые речи. До сего часа она не помышляла ни о чем, кроме танцев, любезничаний, сочинений «стансов», ухода за своим телом и охоты. Даже туалеты, которые могли бы сделать ее еще краше, не увлекали ее, ибо красотой ее одарила сама природа. Короче, пока еще у Маргариты не было никаких амбиций, так, по крайней мере, она думала. Она «выросла при королеве в атмосфере такой скованности», что не только сама не осмеливалась заговорить с ней, а «холодела» от страха, когда Екатерина обращалась к ней, опасаясь, не допустила ли какую-нибудь оплошность, которая могла разгневать мать.

Разговор, который только что состоялся у нее с братом, преобразил Маргариту: «Я в собственных глазах стала значить несколько больше, чем до сих пор, — признавалась она, — причем настолько больше, что у меня даже проснулась уверенность в себе».

— Брат, — ответила она Генриху, — если Господь даст мне

отвагу и дар говорить с королевой, нашей матушкой, — а я приложу все усилия, чтобы исполнить ваше желание, — то не сомневайтесь, я буду вам полезна.

Она приободрилась:

— Ваше счастье я предпочту всем радостям мира. Вы вправе рассчитывать на меня, ибо никто в мире не почитает и не любит вас так сильно, как я. Я буду около матери тем, кем вы сами были бы около нее. Я буду там исключительно ради вас.

Спустя несколько дней после этих взаимных признаний королева-мать позвала Маргариту в свои покои и объявила ей:

— Ваш брат передал мне состоявшийся у вас разговор, он больше не считает вас ребенком, знайте же, что и для меня станет большой радостью говорить с вами, как с вашим братом. Устраивайтесь около меня и не бойтесь обращаться ко мне совершенно свободно, ибо я так хочу.

«От этих слов, — пишет Маргарита, — всю мою душу затопила такая благодарность, какой она еще не ведала: столь безграничная благодарность, что если и приходилось когда-либо испытывать нечто подобное, то, конечно, это была лишь тень чувства, охватившего меня сейчас. Вдруг мне показались наивными все занятия моего детства: танцы, охота, компании сверстников. Я их презрела как нечто совершенно недостойное и лишенное всякого смысла. Я послушно исполняла данное мне поручение, каждое утро одной из первых оказываясь у моей матери и одной из последних покидая ее вечером. Несколько раз она устаивала меня бесед, длившихся по два-три часа. Бог оказался милостив ко мне: она была настолько довольна, что не могла нахвалиться мною перед своими фрейлинами. Я постоянно говорила с матушкой о моем брате и с такой точностью передавала ему смысл этих бесед, что без этого, кажется, уже не смогла бы дышать».

Генрих мог уезжать спокойно. Маргарита будет поддерживать его с тем большим пылом, что — в этом почти нет сомнений — брат и сестра, помимо радостей политики, предавались и кое-каким другим радостям... Сама Маргарита однажды призналась, что герцог Анжуйский был ее первым любовником:

— Он был первый, кто задрал мне юбку.

Похоже, грешница не скрыла этого и от своего исповедника Бусико, епископа Грасса... который поспешил разгласить ее тайну. Хотя, дабы сохранить его честь, рискнем предположить, что тайна эта была доверена ему вне исповеди.

Ронсар, который хорошо знал и Генриха, и Маргариту, вложил в их уста такой диалог:

ПАСИФЕЯ (Маргарита)

Ксандрен, голубочек, гвоздика и роза моя,
Принадлежат лишь тебе стада мои и я!

Я недавно поймал на смолу коноплянку
И держу ее в клетке для тебя, Пасифея.
Забыв птичий щебет, она спозаранку
Поет одну песнь — о любви к моей фее.

После разговора с сестрой Генрих со спокойной душой уехал в Шательро, встав во главе войск, насчитывавших восемь тысяч французов, шесть тысяч швейцарцев, три тысячи итальянцев и две тысячи валлонцев. 7 сентября 1568 года адмирал Колиньи снял осаду Пуатье и выступил навстречу герцогу Анжуйскому. Две армии, обе состоящие отнюдь не только из французов, оказались в Порт-де-Пиле лицом к лицу. Однако было похоже, что Гаспар де Колиньи вознамерился пересечь Вьенну и, избегая сражения, двинуться к городу Тур. Будущий Генрих III немедленно снарядил к королю гонца.

В лагере Плесси воцарилась суматоха. Король решил сам стрелять по наступающим из пушки. Между тем всякий раз, когда Карл IX предпринимал то, что в его разумении было подвигом, он превращался в источник общественной опасности. В Сен-Жан-д'Анжели он поставил личный рекорд, убив восемь комиссаров* и двенадцать канониров... правда, не в неприятельских рядах, а в собственной армии. Тем не менее советники короля пришли в восторг от его воинственных намерений. К счастью, на рассвете выяснилось, что дальше Шательро гугеноты не двинулись, — угроза артиллерийской перестрелки между станом короля и ландскнехтами адмирала миновала.

Спустя несколько дней до Плесси дошла весть о победе герцога Анжуйского в Монконтуре, близ Ниора. Во всех церквах Тура хоры исполняли *Te Deum*.

А война все тянулась. Королевские войска осадили Сен-Жан-д'Анжели, но сломить сопротивление здешних гугенотов им удалось лишь к концу 1569 года. Все это время, находясь в Плесси, Маргарита не сводила глаз с Генриха де Гиза. Этот широкоплечий двадцатилетний князь, потомок Борджиа по материнской линии, будоражил ее воображение. Она вполне разделяла мнение, однажды высказанное женой маршала Реца:

— У этих молодых лотарингских князей такие прекрасные лица, что после них все остальные кажутся мужланами.

Поймав на себе искрометные взгляды красивой девы, Генрих был польщен... а увидев, как она танцует со своим братом, королем Карлом, влюбился в нее:

* К о м и с с а р ы — в старой французской армии офицеры, уполномоченные заниматься управлением и бухгалтерией.

Держа ее за руку, он делает па-де-па.
Но эта женщина не шагает, не ходит,
Она скользит, улетает, уводит
В возвышенный ритм своего божества.

Почему бы ему не жениться на ней? Дочь и внучка короля, сестра короля — прекрасная партия для лотарингского князя! Но плану этому еще надо было созреть. А пока герцог де Гиз стал любовником Маргариты, которая была от него без ума. Так открылась ей любовная страсть, которая отныне будет сжигать ее сердце. И с этой минуты она совершенно забыла о кровосмесительной связи с герцогом Анжуйским...

Пока голубки ворковали, на сцену выступила ревность в лице Луи де Беранже, фаворита герцога Анжуйского, сеньора дю Гаста. Марго в «Мемуарах» отзывается о нем так: это был «дурной человек, родившийся, чтобы причинять зло». И она права. Ее брат Генрих, по свидетельству Маргариты, все видел глазами только этого человека, обо всем судил только с его слов. Дю Гасту не стоило большого труда убедить герцога Анжуйского, что брачный союз его ветреной сестры с герцогом де Гизом чересчур возвысил бы амбициозный Лотарингский дом. Раньше он столь же строго осудил чувства, которые его господин питал к своей сестре. Но все это было уже в прошлом... Теперь Маргарита была политическим союзником брата короля. Значит, нужно пустить в ход все средства, лишь бы помешать герцогу де Гизу войти в королевскую семью.

И дю Гаст открыл глаза своему господину на любовь его сестры к де Гизу, пробудив в нем ревность: неужели сестра предпочла этого тщеславного лотарингца? Да еще наверняка в постели посвятила его в интриги королевы Екатерины и ее сына Анжу. Брат Марго встревожился. Не откладывая, он предупредил свою мать:

— Маргарита стала красавицей, и де Гиз ищет ее руки. Вам известны притязания этого дома! Не откровенничайте больше с вашей дочерью. И вообще нужно сделать все, чтобы их разъединить.

Екатерина согласилась с Анжу и зареклась впредь доверительно беседовать с дочерью. С этого момента она прекратила обсуждать с ней какие бы то ни было политические дела. Довольно тайн и пересудов. Пораженная столь внезапной переменой в поведении матери, Маргарита попросила объяснить, что произошло. Откуда вдруг такая скрытность и холодность, разве она дала для этого какой-нибудь повод? После долгих уговоров Екатерина наконец призналась, что роман дочери с герцогом де Гизом заставил ее быть с ней настороже.

«Ее слова вонзили столько игл в мое сердце, — призналась Маргарита, — что поначалу я даже не почувствовала боли».

У Екатерины не было и тени сомнения в том, что Генрих де Гиз намерен просить руки ее дочери и что ради достижения этой цели он не остановится ни перед чем. Маргарита защищалась, как умела, — то есть совсем неловко:

— У нас и разговора об этом никогда не было. Но если он на-
думает сделать мне предложение, я вас незамедлительно предуп-
режу.

При этом, конечно, ни слова о своих чувствах к белокурому лотарингцу. Почему мать отказала ей в своем расположении? Вот единственная печаль Маргариты — ни о чем другом она не гово-
рит:

— Я меньше ощущаю горечь утраты своего счастья, нежели
ощущала радость его обретения. Эту радость отнял у меня мой
брат, как когда-то он же меня ею одарил.

— Дочь моя, — ответила мать, — ваш брат умен; не надо подо-
зревать его в дурных намерениях.

Маргарита поняла: мать нашла себе очередного идола.

Она была глубоко подавлена: так испортить отношения од-
новременно и с братом и с матерью! От переживаний Маргарита
заболела «долгой, тяжелой лихорадкой». Это была крапивная ли-
хорадка — эпидемия, часто свирепствовавшая в те времена. Бо-
лезнь походит на корь, но в довершение ко всему у больного на
теле появляются ужасные гнойные раны. От нее умерли уже два
королевских медика. Встревоженная состоянием дочери Екате-
рина чувствовала себя чуть ли не виноватой в ее болезни.

А болезнь стала принимать все более опасное течение. «Я была
в столь критическом состоянии, — пишет Маргарита, — что ко-
ролева-матушка, зная его причину, делала все, чтобы меня
спасти, и, пренебрегая опасностью, в любое время заходила ко
мне, что и в самом деле облегчало мои страдания. Так же, как
безмерно увеличивало их двуличие моего брата, который, со-
вершив столь жестокое предательство и проявив такую небла-
годарность ко мне, днями и ночами не отходил от изголовья
моей постели, стараясь проявлять столько заботы обо мне, как
если бы все еще продолжалось время нашей когда-то великой
дружбы».

В декабре 1569 года Сен-Жан-д'Анжели капитулировал, и
королевский двор возобновил свои путешествия, взяв путь на
Анжер. Марго все еще была больна, но и она продолжала путь
вместе со всеми — на носилках. Вид больной сестры беспокоил
короля. Хотя крапивная лихорадка болезнь заразная, Карл пре-
небрегал опасностью и «каждый вечер, отходя ко сну», приказыв-
вал поставить носилки сестры у изголовья своей постели.

В Анжере Марго опять встретила — нетрудно представить ее
радость — обворожительного герцога де Гиза, которого привел к

ней в комнату сам Анжу. «С тех пор мой брат, дабы покрепче сплести свои интриги, стал каждый день приходить ко мне, увлекая за собой месье де Гиза, которому он всячески демонстрировал свою притворную любовь. Обнимая герцога, он не раз говорил: «Молю Бога, чтобы ты стал моим братом!» На что месье де Гиз почти не откликнулся. Но я, — заключает Марго, — зная всю его подлость, едва сдерживалась, чтобы не сказать о его лицемерии».

Наконец больная пошла на поправку, да и эпидемия отступила, и вот уже Маргарита, полная радости, которую приносит с собой здоровье, снова оказалась в объятиях своего возлюбленного. Анжу, который и привел в ход пружину всей этой интриги, поручил мадам де Кюртон следить за парочкой в оба глаза:

— Предупреждайте меня о каждой их встрече, но ни король, ни королева-матушка знать ничего не должны.

И все же королю вскоре пришлось вмешаться в эту любовную историю. Назначая своему возлюбленному свидание, Марго имела неосторожность добавить чересчур нежный пост-скрипtum к письму, которое Генриху де Гизу отнесла ее фрейлина, мадемуазель Пик де ла Мирандоль. Этим документальным источником мы не располагаем, однако известно, что письмо со страстным пост-скрипtumом попало в руки дю Гаста. Каким же образом? Фаворит герцога Анжуйского, как и его господин, не отличался разборчивостью во вкусах, — его любовницей была одна из горничных мадемуазель де ла Мирандоль.

Компрометирующее письмо из рук мадемуазель де ла Мирандоль попало в руки ее горничной, а из рук горничной в руки дю Гаста, который и вручил послание своему ненаглядному герцогу Анжуйскому. Довольный, что план его удался, сей последний отнес заплутавшую эпистолу королеве Екатерине и, не жалея красок, расписал ей наглые притязания этого лотарингского выскочки. Разве впервые интересы де Гизов «пересекаются с интересами Валуа»? Королева разделила его возмущение и немедленно поставила в известность Карла IX. В те дни двор располагался в замке в пригороде Гайона, крупного города, за которым расстилалась Нормандия. Здесь, в обширных покоях архиепископа Руана, и разыгрался драматический финал.

25 июня 1570 года, на рассвете, даже не сняв ночной рубашки, король прямо из постели, босиком, направился в большую залу, куда вызвал свою мать, герцога Анжуйского и кардинала Лотарингского. Дав выход своей ярости, Карл IX велел, чтобы герцог де Гиз не паял больше глаз на первую деву Франции. Пусть кардинал позаботится довести до сведения всего своего семейства, что никакое жениховство с королевским домом не пройдет. Выдернутая из постели, Маргарита также явилась пред

ясны очи короля в сопровождении графа и графини де Рец. Графиню король отослал, а графу велел встать у дверей и никого не впускать.

Разговор перешел в крик.

Страсти разгорелись такие, что герцог Анжуйский и кардинал предпочли улизнуть из залы. Маргарита осталась с королем и Екатериной. Она пробовала защищаться. Ее амуры с герцогом де Гизом — это гнусные измышления, «рожденные в лавке месье дю Гаста». Но Карл и королева-мать держали в руках злосчастное письмо, которое не оставляло никаких сомнений ни в чувствах Маргариты к ненаглядному де Гизу, ни в характере их любовных встреч. Екатерину и ее сына переполнила такая злоба, что они набросились на Марго с кулаками и стали рвать ее одежды. Потом Екатерине понадобится добрый час, чтобы скрыть следы этого побоища и вернуть дочери презентабельный внешний вид, прежде чем отправить ее к себе.

Но еще не скоро уляжется гнев короля. Неуравновешенность Карла часто доводила его до буйных припадков, когда иступление граничило уже с садизмом. Ничто не возбуждало его так сильно, как вид крови. Достаточно было увидеть, с каким сладострастием он вонзал на охоте свой кинжал в горло оленухи. В этот день, 25 июня, он, увы, был не спокойнее обычного. Прямо с утра король вызвал своего сводного брата, графа Овернского, будущего графа Ангулемского, внебрачного сына Генриха II, и приказал ему убить герцога де Гиза на предстоящей псовой охоте. Да так, чтобы представить убийство как несчастный случай. И в каких выражениях он говорил об убийстве! Это была не речь короля, а откровенная брань:

— Из этих двух шпаг, которые ты видишь, одна умертвит тебя, если завтра, когда я отправлюсь на охоту, ты не убьешь герцога де Гиза.

Неведомыми путями Маргарита проведала о приказе короля. Быть может, от герцога Алансонского, который весьма ревниво воспринимал мнимый союз своего брата Анжу и Маргариты? Как бы там ни было, Марго поспешила предупредить своего милого. Генрих де Гиз должен был любым способом уклониться от участия в охоте. Осторожный герцог исчез и появился при дворе лишь несколько дней спустя. Когда он преклонил колени перед Карлом IX, тот положил руку на эфес своей шпаги и грубо набросился на него:

— Зачем вы явились?

— Я прибыл служить Вашему Величеству.

— Я не нуждаюсь в вашей службе! — отрезал Карл и повернулся к нему спиной.

Герцог поклонился и вышел. Теперь он должен был как мож-

но скорее покинуть этот опасный двор, где царил закон кинжала. Бегством пришлось спасаться и кардиналу Лотарингскому. Анна д'Эсте, их мать, посоветовала Генриху как можно быстрее жениться, иначе гнев короля не умерить. Герцог де Гиз согласился. Без промедления устроилась его женитьба на Екатерине Клевской, принцессе Порсиан*, молодой вдове Антуана де Круа. Однако герцог Анжуйский при следующей встрече с герцогом де Гизом все же пригрозил ему:

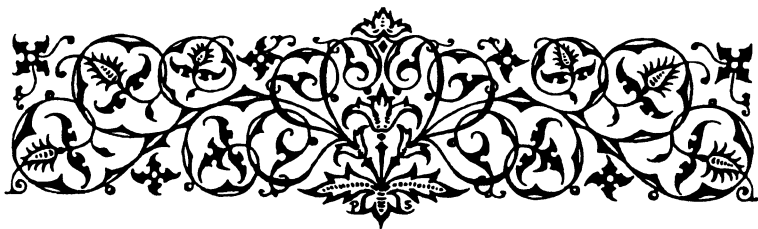
— Советую вам не пытаться снова увидеть мою сестру и даже не думать о ней, иначе я вас убью.

В этом новом семействе Атридов** злыми демонами поселились зависть и вражда!

* Область старой Франции, Порсиан, которую Карл IX сделал княжеством, находилась в Шампани к северу от Реймса.

** А т р и д ы: в греческой мифологии — потомки Артея, царя Микен, который убил трех сыновей своего брата Тиеста и угостил его на пиру блюдом, приготовленным из их тел. Его самого убил четвертый сын Тиеста — Эгист. Атриды — символ ненависти между родственниками.

Глава V

МАРГО ВЫДАЮТ ЗАМУЖ

В 1571 году Карл IX женился на Елизавете Австрийской, и с тех пор Екатерина строила планы замужества своей дочери. Но Маргарита отличалась такой утонченной чувственностью!

— У нее слишком горячая кровь, — сокрушалась мать.

Всякий раз за столом она заставляла дочь выпить «винный сок», как называла королева шавелевый отвар. Однако не похоже, чтобы это снадобье остудило кровь Маргариты. Семья рассчитывала выдать ее замуж подальше от Парижа: только в этом случае молодая женщина могла успокоиться и позабыть о Генрихе де Гизе.

Однако плохо же ее знали.

Маргарита была уже чуть ли не просватана за молодого эрцгерцога Австрийского. Императору Максимилиану II очень хотелось, чтобы она стала его невесткой, супругой его сына Рудольфа, короля Венгрии, большого любителя астрологии. Но в то же время речь снова шла и о сыне Филиппа II, дон Карлосе, которому однажды показали целое множество портретов невест на выданье.

— Вот эта крошка самая красивая, — ткнул он пальцем в портрет Маргариты.

Узнав, что у дон Карлоса внешность заморыша, что вдобавок он хромоног и обладает на редкость жестоким нравом, Екатерина сочла за благо не настаивать на подобной партии для родной дочери: однажды из окна дома, перед которым проходил дон Карлос, на его голову пролилась вода. Он тут же приказал казнить всех жильцов и сжечь дом. А уж после того, как Филипп II заключил сына в темницу, о женитьбе и вовсе нечего было говорить. В темнице несчастный проглотил кольцо с жемчужиной, которое, вопреки всем ожиданиям, переварил, да к тому же это возбудило

его аппетит. С невероятной жадностью набросившись на еду, он умер от пресыщения. А было ему тогда всего двадцать три года... Что правда, то правда: среди испанских и австрийских престолонаследников часто попадались дегенераты, страдавшие — не говоря уже о хрупком здоровье — психическими расстройствами.

Ничего не поделаешь, надо было думать о других возможных партиях для Маргариты. Из всех соискателей ее руки ближе всех к цели оказался дон Себастьян, король Португалии. Его послы прибыли из Лиссабона, чтобы просватать юную принцессу, сестру Карла IX. Однажды вечером Екатерина попросила дочь «принарядиться к приходу гостей». Кто знает, что испытывала Маргарита в ту минуту, когда узнала, что будет женой португальского короля. О нем ходили самые дурные слухи. Говорили, что он мистик, что он окружил себя монахами, на мнения которых полагается больше всего.

— Мои желания, — сказала маленькая хитрунья матери, — всегда предопределялись вашей волей. Мне всегда доставляло удовольствие то, что доставляло удовольствие вам.

Но Екатерину было не так просто провести:

— Все, что вы мне говорите, дочь моя, вы говорите не от чистого сердца.

В самом деле, сердце Маргариты безраздельно принадлежало ее любимому де Гизу, но она отвечала королеве-матери только то, что от нее хотели услышать:

— Когда я пойду под венец с королем Португалии, вы убедитесь в моем послушании.

Все следующие дни, вспоминала Маргарита, она только и слышала о португальском союзе, которым ее буквально «изводили». Как вдруг — о, какой камень с плеч! — уже намеченную свадьбу расстроил испанский король. Он сообщил, что у молодого короля-соседа здоровье весьма неважное и что «он состарится раньше своего возраста». На самом деле испанскому владыке очень не хотелось, чтобы у него под боком начались чисто французские интриги, тем более что он был наслышан о репутации, характере и уме Марго.

Ну и что же теперь? Как дальше быть с Марго?

Екатерина, которую неспроста звали Ее Величество, вроде бы искренно стремилась примирить католиков и протестантов. Но не лучший ли способ для этого — связать брачными узами Маргариту де Валуа с Генрихом Наваррским, которому уже девятнадцать? А вдруг из такого союза родится согласие и в самой Франции? По крайней мере, почему бы об этом не помечтать? «Мы все-таки надеемся обрести в этой стране чуть больше покоя, нежели это удавалось нам до сих пор», — не пряча горечи, писала герцогу Флорентийскому королева-мать.

Однажды после ужина Шарль де Монморанси, выполняя просьбу королевы, посвятил Маргариту в планы короля Карла и Ее Величества королевы. Юная принцесса невольно состроила гримасу. О наваррце, с которым в детстве пришлось провести немало времени, она была весьма невысокого мнения — и надо ли говорить, как она заблуждалась!.. Но и на сей раз она готова была беспрекословно подчиниться матери:

— Ее воля для меня превыше всего.

Тем не менее Марго весьма искусно разыграла свою последнюю карту: вызванная в кабинет Екатерины, она умоляла королеву «принять во внимание, что для нее, истинной католички, был бы глубоко оскорбителен брак с человеком другой веры». Ей всего восемнадцать лет, и мысль связать свою жизнь с этим корольком-кальвинистом, которому и править-то суждено всего лишь грядкой капусты, с этим деревенщиной, от которого за версту несет луком, ее не очень вдохновляет.

Гугенот? Но если разобраться — какой из него гугенот! Генрих Наваррский насмехается над сутанами, во время мессы ест черешню и запускает косточки в священников. Один из них из-за этого чуть не лишился глаза. Нет, что бы там ни говорили про Генриха, он человек от земли, весельчак, любитель девушек, войн и вина. Никаких сомнений, что при случае он позабудет о своем протестантстве. Екатерина в этом почти уверена...

И все же, к радости Марго, возникли новые затруднения. Королева Наваррская, Жанна д'Альбре, согласна женить своего сына на католичке, но — вот дивный торг! — взамен потребовала уступить ей город Лектурн. Чтобы договориться обо всех деталях, Екатерина предложила Жанне д'Альбре оставить свое королевство и прибыть в Париж, одной, без сына. Пусть сама оценит красоту и ум своей будущей невестки. Но из-за неожиданной простуды, «которая перешла на зубы», королеве Наваррской пришлось отложить приезд. По всей видимости, это был стреляющий синусит. Так же внезапно болезнь и прошла — по мнению докторов, благодаря... дизентерии. Поистине, диагнозы той эпохи подчас поражают!

Пока Мадам д'Альбре собиралась в путь, двор, сделавший остановку в Блуа, предавался диковинным играм с перевоплощениями... Вымазав сажей лицо и взгромоздив на себя седло, король изображал лошадь, в то время как его брат Анжу перевоплотился в женщину: от него веяло тонкими духами, щеки были нарумянены, в ушах серьги. При этом он не забывал «приударять за дамами» — одно нисколько не мешало другому, тем более что Анжу все еще был без ума от Марии Клевской, красавицы-принцессы, супруги Генриха де Конде, сына Людовика I.

Наконец строгая мамаша Жанна д'Альбре прибыла — без сына — в Блуа. Здесь она выторговала фантастическое приданое для своей будущей невестки: города Ажан и Кагор, не считая трехсот тысяч экю. Екатерина верила, что очаровательная Маргарита заставит будущего зятя перейти в католицизм. Тем более что для него это означало бы всего лишь возврат к вере своего детства.

Марго с первых же слов обрезала Жанну д'Альбре, едва та лишь заикнулась о переходе невестки в протестантизм:

— Всем известно, к какой религии я принадлежу!

В свою очередь будущий Генрих IV не менее тверд и прям:

— Какие бы силки ни расставляли король Карл и его мать, в свою веру им меня не заманить.

Увы, еще очень далеко до той его знаменитой фразы: «Париж стоит обедни»... Раздосадованная крахом своих планов, Екатерина отбросила всякую любезность в обращении с особой, в которой уже было свыклась видеть будущую свекровь своей дочери. «Королева-мать встречает меня в штыки, — жаловалась Жанна сыну. — Она только и делает, что высмеивает меня и искажает мои слова... Это чудо, что мне еще удастся сдерживать себя, я ведь дала себе обещание никому не показывать свое раздражение... Только бы от всего этого не рехнуться!»

В глазах Жанны нравы двора Валуа были не чем иным, как вызовом строгой протестантской морали:

— Какая мерзость! Здесь не мужчины ухаживают за женщинами, а женщины за мужчинами!

Столь же строго судила она и Маргариту: «Я нахожу, что у нее хорошая талия, но уж чересчур она ее перетягивает. А свое лицо она просто испортит, столько на нем всего намазано, тошно смотреть; правда, так принято при этом дворе...»

Предстоящее бракосочетание внушало ужас в равной степени и Его Католическому Величеству Филиппу II Испанскому, и протестантской королеве Елизавете Английской:

— Надеюсь, Бог не допустит этой свадьбы! — восклицала она.

Зато Карл IX и его мать сгорали от нетерпения поскорее увидеть Генриха Наваррского в Лувре. Однако переговоры о свадьбе затягивались. «Я подозрительна от природы», — заявляла Жанна д'Альбре, придирчиво разбирая пункты будущего контракта.

Ее подозрения не мешали Екатерине относиться к «предприятию» как к делу уже решенному и вести переговоры с Римом, откуда надеялись получить благословение на брачный союз католички с протестантом, а заодно и на кровное родство брачующихся. Ведь Маргарита Ангулемская, бабушка Генриха Наваррского, была сестрой Франциска I, дедушки Маргариты де Валуа. Таким образом, Марго и Генрих — троюродные сестра и брат!

Упреждая приезд сына, Жанна посылала ему бесчисленные со-

веты: «Я прошу вас неукоснительно следовать трем вещам: всегда держаться с изяществом, говорить отважно, притом и в беседах с глазу на глаз, ибо, помните, о вас составят то впечатление, которое вы произведете при своем первом появлении».

Не забывала она и о внешности жениха: «Приучите ваши волосы стоять прямо, но не так, как это было принято в старину; я вам рекомендую последнюю моду, наиболее отвечающую моей фантазии...» Она даже не задумывалась о том, воспримет ли такую прическу «фантазия» невесты.

И, конечно, назидания: «Остерегайтесь соблазнов, которые вам будут отовсюду навязывать, чтобы сбить вас с жизненного пути или поколебать в вопросах веры, ибо я знаю, что это их цель, которой они даже и не скрывают; вы должны выработать в себе непобедимую силу духа».

Да уж, такая свекровь, как Жанна д'Альбре, быстро оказалась бы помехой для всех. Марго и та вздохнула с облегчением, узнав, что ранним утром 10 июня 1572 года королева Наваррская, во время парижских переговоров гостившая у своего племянника принца Генриха де Конде на улице Гренель-Сент-Оноре, неожиданно скончалась «от сильной горячки, вызванной болезнью легких». Иначе говоря, у несчастной обнаружилась чахотка в последней стадии. Конечно, тут же разнесся слух об отравлении. Поговаривали даже, что якобы Екатерина отправила будущей свекрови Маргариты перчатки, пропитанные ядом. Было произведено вскрытие, однако медики не обнаружили в желудке покойной никаких подозрительных признаков. Похороны ее прошли весьма скромно, на них присутствовала, как замечает Маргарита, «лишь гугенотская знать».

Итак, после свадьбы Маргарита станет королевой Наваррской. Что и говорить, королевский титул звучит внушительно; однако само королевство такое, что его можно проскакать на одной ноге... Хотя на самом деле земли, унаследованные Антуаном де Бурбоном, отцом Генриха, весьма многочисленны, — есть чем утешиться.

Екатерина приказала отчеканить золотую медаль: лента, окаймленная вязью, обвивает инициалы молодоженов *Н* и *М*, по краю выгравирован девиз на латыни, а на обороте медали — символ Вечности: змея, кусающая свой хвост.

Двор размещался теперь в Мадридском замке, на опушке леса, который в свое время назовут Булонским. 12 июня Генрих Наваррский, находившийся в Шонэ-ан-Пуату, с великим прискорбием узнал о смерти матери. Гонец доставил ему это известие всего за два дня — по тем временам скорость немыслимая. Но жених не стал спешить. Только 20 июля 1572 года двоюродные братья Бурбоны, оба Гиза — герцог и кардинал, а также маршалы Франции

в сопровождении пятисот всадников встретили его в Палезо. Жених прибыл не один: его свита насчитывала девятьсот дворян-гугенотов, в основном гасконцев. Все были в черном — в знак траура по королеве Жанне. Просто нашествие протестантов!

Новый король Наварры немедленно отправился в Лувр, где ему отвели покои в аттическом крыле, которые некогда занимала королева Элеонора, вторая супруга Франциска I. Наверняка он и предположить не мог, что ему придется прожить здесь четыре года.

На следующий же день по прибытии Генрих встретился со своей девятнадцатилетней невестой. Он помнил ее совсем девочкой, теперь перед ним предстала обольстительная и образованнейшая женщина, «неземной» — по всеобщему мнению — красоты, для которой уже не было тайн в светских беседах, дворцовых интригах и искусстве любви. Элегантная, увлекающаяся поэзией Маргарита выглядела чересчур роскошной для наваррского мужлана. И он, при всем своем гасконском самообладании, явно смущался, сравнивая себя с этими лощеными придворными, особенно со своим соперником, обаятельным герцогом де Гизом.

Поскольку свита короля Генриха состояла из многочисленных представителей самых знатных протестантских семей, адмирал Гаспар де Колиньи, их глава, чувствовал себя достаточно сильным, чтобы опять вынести на всеобщее обсуждение свой самый сокровенный проект: война в Нидерландах против испанских оккупантов, в союзе с протестантом принцем Оранским*. И тут выяснилось, что недружелюбие к испанцам объединяет всех.

Однако вряд ли французской победе сильно обрадовались бы за Ла-Маншем. Позицию королевы Елизаветы один британский дипломат изложил так:

— Англия твердо стоит на том, что ни Франция, ни Испания не должны выходить за пределы своих нынешних владений. Со стороны Франции было бы крайне неосмотрительно пытаться завладеть Фландрией, этого Англия не потерпит** ни при каких обстоятельствах.

* Лига принца Вильгельма Оранского объединяла часть нидерландского дворянства и рассчитывала на союз прежде всего с немецкими лютеранскими князьями, Англией, Францией. После освобождения Нидерландов от испанского владычества, согласно проекту Лиги, к Франции должны были отойти Фландрия и Артуа, к Англии — Голландия и Зеландия, сам же принц Оранский на правах курфюрста Брабантского планировал войти в состав Германской империи с Брабантом и рядом других областей.

** В этой связи понятней станет и восклицание Наполеона, спустя много веков: «Я хочу превратить Антверпен в револьвер, направленный в сердце Англии!» (Прим. авт.)

И все-таки мрачный Колиньи продолжал стоять на своем — не надо бояться конфликта с Испанией. Аргумент, который он привел на заседании Королевского совета, за месяц до прибытия наваррца, звучал вполне убедительно:

— Лучшее средство против гражданской войны — направить силы воюющей нации на чужие земли. Тогда как большинство народов, обретя мир, возвращаются к своим будничным занятиям, немного найдется французов, которые, взявшись однажды за меч, отбросят его добровольно.

Если бы французы дрались вне родных стен, утверждал Колиньи, дома воцарился бы мир, а, кроме того, поход во Фландрию мог бы снискать Карлу IX славу ее освободителя. Король пришел в восторг от изложенного плана. Екатерина, напротив, отнеслась к нему более чем сдержанно, опасаясь, как бы один конфликт не повлек за собой целую череду других конфликтов, а значит, риск войны с Испанией, то есть с зятем, Филиппом II. У противников войны был и еще один весомый аргумент: конфликт наверняка примет затяжной характер — не окажется ли тогда король «повязанным с гугенотами»? Решение по этому вопросу должны были принять на следующей неделе, 26 июня. Но это несколько не помешало многочисленным гугенотским отрядам тотчас же отправиться в Нидерланды, а торговцам обеих стран до блеска надраить оружие, предназначенное для грядущей войны.

Но и 26 июня Королевский совет не принял никакого решения. Обе стороны остались при своем мнении.

— Ну хорошо, — в гневе заключил адмирал, — поскольку Ваше Величество встали на точку зрения пацифистов, я не могу больше противиться вашей воле, хотя уверен, что вы в этом раскаетесь. Как бы там ни было, Ваше Величество не осудит меня за то, что, держа свое слово о поддержке и помощи принцу Оранскому, я постараюсь предоставить в его распоряжение своих друзей, родственников и слуг, а также самого себя, если мои услуги потребуются.

Ярость Колиньи заставила Карла IX усомниться, уж не совершает ли он ошибку, отказываясь встать вместе с гугенотами на тропу войны. «Мой двор и мой Совет состоят из одних дураков», — изрек он. Наливаясь желчью, адмирал повысил голос и — в надежде, что все-таки побудит Карла IX переменить решение — бросил королеве-матери предупреждение:

— Мадам, король отказывается вступить в войну. Молитесь, дабы Господь Бог не ниспослал ему другую войну, отказаться от которой будет уже не в его власти.

Неприкрытая угроза прозвучала в его словах.

Благословения из Рима на свадьбу Маргариты и Генриха все

не было, Григорий XIII явно уклонялся от этого богопротивного решения. Он уже пережил одно светопреставление, когда протестант принц Генрих де Конде женился на католичке Марии Клевской.

Но Карлу IX настолько нетерпелось, чтобы Марго наконец и думать перестала о своем прекрасном герцоге де Гизе, что он не удержался от заявления:

— Я не гугенот, но и не дурак, и если задурит папа, я сам возьму за руку Марго и поведу ее под венец!

Екатерина, эта вездесущая «змея», устроила так, что из Рима пришло фальшивое письмо за подписью посла Франции, в котором извещалось, что папское благословение вот-вот прибудет в Париж. Кое-как уладили одну проблему, как тут же возникла новая: на сей раз виновником оказался кардинал Бурбонский. Он согласился обручить Маргариту и Генриха при условии, что ему будет прислуживать кто-то из епископов, ибо тогда ему легче будет отважиться на этот сомнительный шаг. Однако на обращение герцога Анжуйского прелаты Шалона, Анжера и Дамьетта ответили отказом.

— Монсеньор, — воскликнул прелат Дамьетта, — раз король предоставляет гугенотам свободу совести, он должен дать такое же право и нам!

— В таком случае, не кажется ли вам, — ответил брат Маргариты, — что не только у вас, но и у нас, остальных католиков, тоже есть совесть?

— Ваше Высочество и Его Величество обязаны принимать наши советы в вопросах совести, я же спрашивать совета у Вашего Высочества не обязан.

Наконец епископ Диня согласился помочь кардиналу совершить этот акт непослушания Риму, и бракосочетание назначили на понедельник, 18 августа 1572 года. Так решила королева-мать, которая, чтобы перехватить вероятный папский запрет, со свойственной ей сноровкой распорядилась вплоть до указанной даты арестовывать на границе любых курьеров из Италии.

Маргарита почувствовала: ловушка захлопывается.

Гиз женился, теперь и ее выпихивают замуж за наваррского мужлана, который через несколько дней умчит ее из Парижа в свое далекое, немывое королевство! Она решилась и неожиданно заявила королеве-матери и герцогу Анжуйскому, что отказывается выходить замуж за мужлана и гугенота Генриха Наваррского, каким бы он там ни считался королем. Последовала бурная, долгая сцена. Сколь резкими словами обменялись ее участники, истории не известно, но когда мадам де Кюртон проникла в комнату, где все это происходило, она увидела, что король сидит на кровати своей матери и перебирает четки, замаливая свою вспыш-

ку гнева, а Маргарита, побежденная, сломленная, сдавшаяся, плачет навзрыд.

Дабы несколько утешить невесту, решено было в ее брачном контракте увеличить вдовью часть, король же Наварры в свою очередь преподнес ей сто восемь тысяч фунтов драгоценностей* — не так уж мало, если оценить на вес, — но и это никак не утешило суженую. Вечером 17 августа, накануне свадьбы, которую Рим объявил «богопротивной», Марго на всю ночь заперлась в церкви архиепископства.

Слезы на ее лице к утру не просохли...

Свадебная церемония была назначена в Соборе Парижской Богоматери. Погода в день свадьбы стояла изумительная, но даже яркому солнцу не под силу было растопить сердце невесты. И все же, несмотря на покрасневшие веки, краше, чем она в этот день, уже невозможно было быть. Когда, натертая жасминовым маслом, она предстала взорам двора, восхищенный Брантом признал, что большей прелести он еще не видел: «Так красива, что на свете просто не с чем сравнить, ибо, не говоря уже о прекрасном лице и изумительно стройной фигуре, на ней был восхитительный наряд и необыкновенные украшения. Ее красивое белое лицо, похожее на небо в минуты самой высокой чистоты и безмятежности, обрамляло такое множество огромных жемчужин и драгоценных камней, особенно бриллиантов в форме звезд, что невольно эту естественность лица и искусственность окаменевших звезд можно было принять за само небо, когда оно бывает усеяно звездами настолько, что благодаря им словно оживает».

Карл IX в своих королевских одеждах был «подобен солнцу», и даже Екатерина, впервые после поединка в Турнели, сняла свой траур и надела почти прозрачное шелковое платье, украшенное бриллиантами. Двойной кортеж — жениха и невесты — приблизился к собору.

Перед собором они разделились.

Католики поднялись на круглую площадку, построенную на паперти перед самым входом в Собор Парижской Богоматери. Именно здесь будут служить мессу кардинал и епископ, сопротивление которого удалось сломить. Между тем жених со своими

* В старой Франции денежная единица и единица веса выражались одним понятием — *livre*. В денежном значении 3 ливра были равны 1 эку, 24 ливра составляли 1 луи. В весовом значении ливр, или фунт, варьировался, в зависимости от департамента, от 300 до 550 граммов, или примерно полкило, что было зафиксировано лишь с установлением метрической системы в 1801 году. В эпоху, о которой идет речь, еще можно говорить о «ливре денег», когда эти понятия были почти равнозначны или существенно близки.

друзьями-протестантами демонстративно и шумно прогуливались в галерее и вокруг собора.

— Мы заставим вас войти внутрь! — кричали им зеваки из толпы.

В желтом костюме, сверкающем бриллиантами и жемчугом, у алтаря вместо Генриха Наваррского стоял Анжу. Все такая же безжизненная и заплаканная, невеста даже не услышала ритуального вопроса, с которым в ходе церемонии обратился к ней кардинал Бурбонский. Королю пришлось резко толкнуть сестру, чтобы заставить ее наклонить голову в знак согласия. Спустя много лет этот жест зачтется, когда встанет вопрос о разводе... Долгая церемония окончена, жениха пригласили занять свое место, он приблизился к супруге и едва коснулся ее губ.

Затем в огромном зале Кариатид — превращенный в музей, он существует в Лувре поныне, — был дан роскошный обед. После пиршества, по традиции, бал открыла невеста. «Столько удовольствия доставила она своим исполнением испанского павана, итальянского пассамаццо, танца с факелами, столь изящны, величественны и плавны были все ее движения, — свидетельствует Брантом, — что весь зал, восхищенными взглядами следивший за этим прекрасным спектаклем, не мог ни наглядеться, ни налюбоваться ею...»

Чтобы заставить повеселеть адмирала, на суровом лице которого никто никогда не видел улыбки, специально в его честь было устроено морское дефиле. Следом за колесницами, разукрашенными ракушками и «посеребрёнными морскими львами», гарцевала раззолоченная лошадь, на широком крупе которой уместился целый ворох морских богов и музыкантов. А дальше вперевалку двигался гиппопотам, грузно кланяясь Нептуну, в котором все узнали короля Карла.

Стала ли в эту ночь Маргарита — уже королева Марго — в полном смысле женой своего мужа? Несчастливая новобрачная, не перестававшая думать о своем ненаглядном герцоге де Гизе, проплакала большую часть дня. Обычно «подвижная, как ртуть», в этом ужасном настроении она, конечно, стала сама на себя непохожа. Что же до Генриха, то и одного вида его было достаточно, чтобы понять, как он робеет перед этим почти божественным созданием. Много позже Маргарита призналась:

— Примерно семь месяцев мы спали рядом, не разговаривая друг с другом.

Возможно, они любили друг друга молча... ведь в один прекрасный день, когда церковные судьи зададут Генриху вопрос: «А принес ли вам брак удовлетворение?» — он ответит без обиняков:

— Мы оба, королева и я, были молоды и полны жизни, разве могло быть по-другому?

А Марго со временем скажет и того больше:

— Мы оба в день свадьбы были уже настолько грешны, что воспротивиться этому было выше наших сил.

Да и с какой бы стати им — жизнелюбам и греховодникам — лишать себя радостей любви, даже если и тот и другой занимались ею без сердца?

На следующий день, во вторник, наступила очередь жениха дать бал для двора, и зрители снова могли «наглядеться и налюбоваться» танцующей Марго.

В среду 20 августа странное представление свершалось перед Бурбонским дворцом. Длинная сцена, утопающая в зелени и всевозможных цветах, превратилась в сад под названием «Рай любви», сходство с которым дополняли двенадцать прекрасных, «богато наряженных» нимф. Позванивая колокольчиками, в небе вращалось огромное колесо с двенадцатью знаками зодиака. Настоящий звездопад сопровождал семь планет — Нептун и Плутон тогда еще не были открыты... «Искусно встроенные сзади них» лампы и факелы создавали причудливую игру света и тени. Добавьте к этому тот факт, что колесо, вращаясь, брызгало лучами света как бы со всех сторон одновременно.

Правая сторона сцены символизировала Елисейские поля, или рай. Ад представлен был рекой с клубящимися испарениями серы. Это Тартар, самое глубокое место в аду, где подвергаются наказаниям враги. Среди бенгальских огней, полыхавших на берегах реки, носились черти и чертенята, «гримасничая и галдя на все лады». Наша эпоха, создав спектакли со светомузыкой, как видим, ничего особенно нового не привнесла.

А спектакль был, что называется, на злобу дня. Вот Генрих Наваррский и его кузен Генрих де Конде, с толпою «нечестивцев», нападают на ангелов, одетых в легкие серебристые одежды. Защитники католической веры, в чьих предводителях можно было узнать короля и его братьев, победоносно оттеснили своих врагов в страшный, источающий серные испарения Тартар. Там враги сделались пленниками чертей, а победители смешались с ангелами, среди которых легко было распознать Маргариту и принцессу Конде. Прежде чем закружиться в танце со всеми участниками представления, они станцевали сначала со своими мужьями. Так оба Генриха обрели спутниц жизни.

Как обычно, праздничная неделя завершилась турниром. На этот раз Амазонки — в их образе выступали Карл IX и его братья, с обнаженной грудью, — победоносно громили Неверных Турок, представленных, разумеется, Генрихом Наваррским, Генрихом де Конде и их сподвижниками. Апофеоз представления — псалмы на темы любви в исполнении певца Этьена Ле Руа, звезды той далекой эпохи.

Как и следовало ожидать, протестанты не испытывали восторга от того, что четыре дня подряд их подвергали дурному обращению и насмешкам, а также от того, что они постоянно терпели поражения... пусть пока это было лишь на сцене. Обида копилась в их сердцах — эта обида очень скоро вспыхнула ненавистью — и брызнула кровью в ходе той страшной трагедии, до которой осталось уже совсем немного...

* * *

Свадьба, которая заставила Марго пролить столько слез, призвана была упрочить Сен-Жерменский мир между католиками и протестантами. Тогда как все помыслы королевы-матери направлены были исключительно на мир, насупленный адмирал де Колиньи не переставал думать о том, как протянуть руку дружбы принцу Оранскому и помочь ему в освобождении Нидерландов от испанского ига. Но Екатерина своего мнения не изменила: конфликт с Испанией должен был обернуться неисчислимыми бедами для французской монархии.

Гордому Колиньи слышать это было смешно.

Как мажордом Франции, он видел для себя только одну цель: подобная операция увеличила бы его влияние на государственные дела. И правда, Карл IX настолько доверял Колиньи, что называл его не иначе, как «мой отец»! Значит, было необходимо решительно избавиться от дурного влияния адмирала. Эта решимость зрела в головах Екатерины и ее сына Анжу, разделял ее с ними и герцог де Гиз. Он-то не забыл, что именно адмирал, пусть и не прямо, был ответствен за смерть его отца: разве не он вложил оружие в руку убийцы, Жана Польтро де Мере?

Итак, покушение. Екатерина уверена: другого выхода нет. И королева-мать возложила на герцога Анжуйского подготовку заговора против адмирала, подчеркнув, что в задуманном деле промах недопустим.

В пятницу утром 22 августа 1572 года Гаспар де Колиньи присутствовал в Лувре на заседании Совета, который подтвердил неизменность позиции Франции: нет, она не готова двинуться войной на равнины Фландрии. Ибо конфликт с Испанией, повторим в который раз, окончился бы для нее катастрофой. Король отправился на мессу, председательство на собрании перешло к герцогу Анжуйскому. Должно быть, в ходе дебатов герцог оказался несколько рассеян, словно чуть не позабыл, что, по плану заговорщиков, именно на это утро намечалось убийство адмирала!

Поначалу Екатерина и ее сын хотели доверить эту операцию некоему капитану-гасконцу, но когда этот хвостун со своей типичной болтливостью стал излагать оригинальный план, с помо-

шью которого он намеревался «поторопить адмирала на тот свет», они едва не расхохотались. Однако время для смеха еще не пришло...

Вот тогда-то мать герцога де Гиза, Анна д'Эсте, внучка Людовика XII, ставшая герцогиней Немурской через свое замужество с Жаком Савойским, порекомендовала заговорщикам сеньора Моревера, Шарля де Лувье, шевалье ордена Сен-Мишель, бывшего пажа Лотарингского дома. Анжу этот выбор одобрил: «Надежный человек, нам его хвалили, и уже испытанный в убийствах».

Какое место выбрать для покушения?

Не вернее ли всего опытному Мореверу устроить засаду где-нибудь на пути, по которому непременно пройдет адмирал, следуя из Лувра, с заседания Королевского совета, в свой дом на улице Бетизи? Как раз по дороге, на улице Фосе-Сен-Жермен, жил бывший наставник Генриха де Гиза, каноник Пьер де Пиль де Вильмюр. Моревер снял у него комнату на первом этаже дома, с зарешеченным окном, выходившим на улицу, представившись вымышленным именем — Бондо, конный лучник короля. Перед окном он повесил несколько простыней, чтобы замаскировать ствол своей тяжелой аркебузы, установленной прямо на подоконнике. И стал ждать...

На его счастье в доме был запасной выход к монастырю Сен-Жермен, а уж там стоял на привязи берберский жеребец, готовый умчаться своего седока.

Ждать пришлось долго.

В ту роковую пятницу Совет затянулся дольше обычного. Моревер нервничал. Естественно, он не мог знать, что, покидая Лувр, адмирал встретил короля, который как раз выходил из часовни. Карл увлек своего «отца» в находившийся рядом зал для игры в мяч. Некоторое время адмирал наблюдал за игрой, затем, в сопровождении дюжины протестантских вельмож, жуя, по обыкновению, зубочистку, направился к себе, на улицу Бетизи. На ходу он проглядел какую-то записку, которую ему вручили. Справа от него шагала месье де Герши, слева — месье де Прюно. За ними следовала когорта дворян-протестантов. Вдруг Колиньи остановился и наклонился — это движение спасло ему жизнь, — чтобы завязать шнурок башмака. В этот момент Моревер нажал на курок аркебузы. Пуля, оторвав указательный палец Колиньи, застряла в предплечье, точнее, в локте. Но адмирал не упал:

— Теперь вы видите, — крикнул он, — как поступают во Франции с благородными людьми! Стреляли вон из того окна... Оттуда еще идет дым!

Несколько человек из его свиты бросились к дому каноника, но дверь оказалась на замке. Наконец она поддалась их натиску, и гугеноты устремились в комнату нижнего этажа. Еще не остыв-

шая аркебуза лежала на кровати, но стрелок уже сбежал... С мостовой доносился удаляющийся цокот лошади, пущенной в галоп.

Друзья доставили окровавленного адмирала в дом на улице Бетизи и спешно послали за незаменимым Амбруазом Паре.

— Что? Опять! — воскликнул Карл IX, узнав о покушении, и в сердцах швырнул наземь ракетку. — Неужели у меня никогда не будет покоя?

Оставив игру в мяч и скорым шагом направляясь в Лувр, король даже не догадывался о том, что этот заговор был сплетен его матерью и братом. В Лувре он распорядился принять несколько неотложных мер. Крепостной страже и городскому ополчению усилить наблюдение за городскими воротами. Всем католикам, обитающим на улице Бетизи, немедленно покинуть свои дома и оставить их протестантам, чтобы те почувствовали себя в полной безопасности. На всякий случай были арестованы служанка и лакей каноника с улицы Фосе-Сен-Жермен. Наконец, «лучникам, арбалетчикам и аркебузирам» предписывалось собраться с оружием на Гревской площади, перед ратушей.

Адмирал, прикованный к постели, Генрих Наваррский и его кузен Генрих де Конде требовали королевского возмездия зачинщикам покушения. Узнав, что Моревер промазал, Екатерина мастерски скрыла свою досаду; внешне она оставалась совершенно спокойна. Зато Карл IX был в ярости: «Виновных ждут такие кары, что адмирал и его друзья наверняка останутся довольны!»

Как подтверждает в своих «Мемуарах» и Маргарита, Карл IX был убежден, что оружие в руки убийцы вложил герцог де Гиз, при этом ему даже в голову не приходило подозревать свою мать и брата.

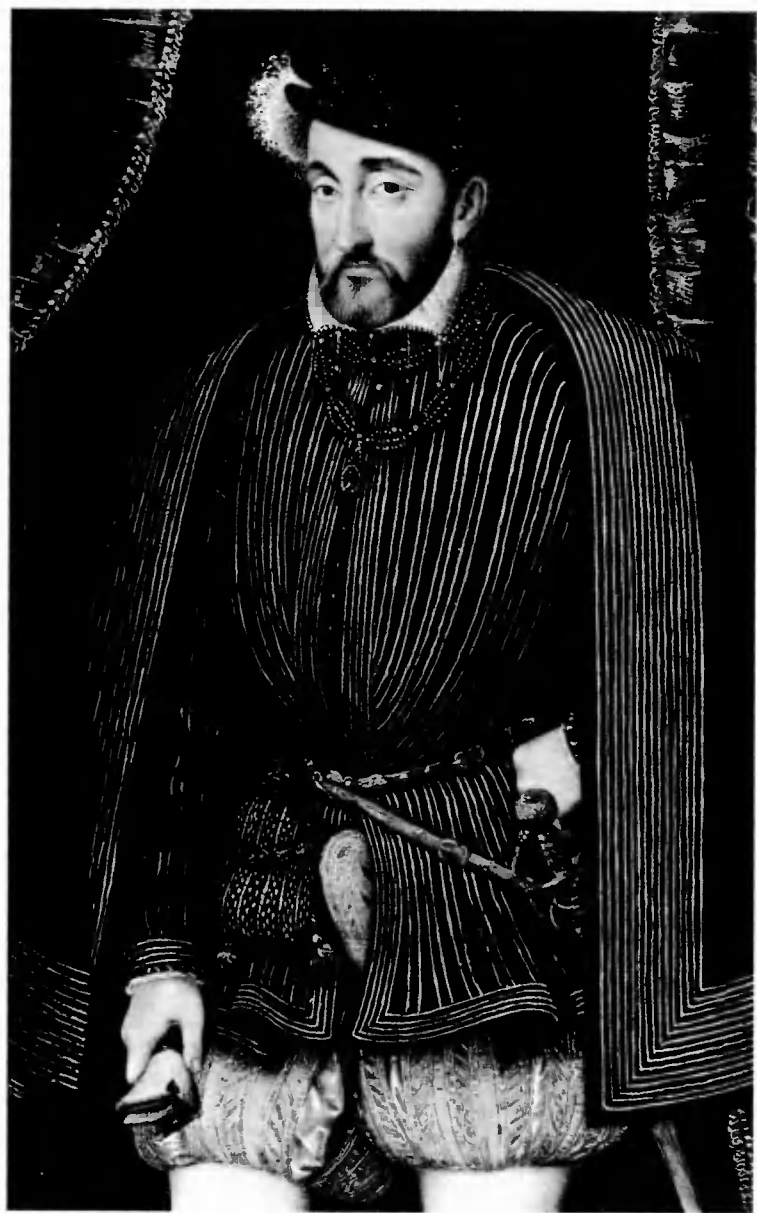
Прибыв на улицу Бетизи, Амбруаз Паре поначалу склонился к решению ампутировать адмиралу левую руку. Но, к счастью, поразмыслив, он удовлетворился минимумом: с помощью ножниц отрезал указательный палец правой руки и извлек свинец, застрявший в локтевом суставе левой. Удивительным мужеством обладали люди той эпохи — такие операции им приходилось переносить без какого бы то ни было обезболивания. Ни малейшего стога не издал Колиньи, пока доктор кромсал его плоть. Зато вокруг него заливались слезами Генрих Наваррский, его кузен Конде и другие соратники.

— Друзья мои, — обратился к ним адмирал, — к чему эти слезы? Сам я считаю за честь получить подобное ранение во славу Господа.

Однако он все же не удержался от обвинений в адрес Лотарингского дома:

Маргарита Валуа в возрасте двадцати лет.

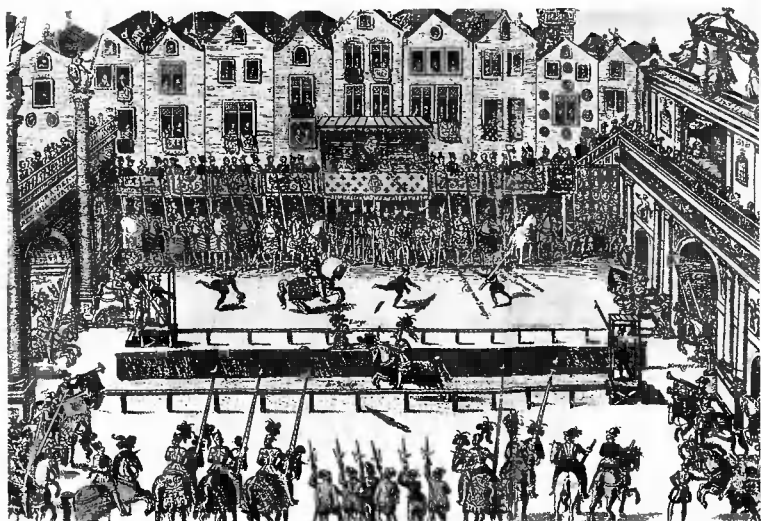

Венчание Екатерины Медичи
и Генриха, герцога Орлеанского,
второго сына Франсуа I,
28 октября 1533 года в Марселе.
Вазари. Фрагмент.
Папа Клемент VII соединяет
руки жениха и невесты.
Флоренция.

◀ Генрих II. *Франсуа Клуэ.*
Лувр.

Диана де Пуатье,
возлюбленная Генриха II.

Екатерина Медичи,
королева Франции.
Франсуа Клуэ. Музей
Шарнавале.

◀ Турнир на улице
Сент-Антуан. Гравюра
Ф. Гогенберга.

◀ Генрих II на смертном
одре.

Лувр, реконструкцию которого вслед за отцом проводил Генрих II.

Франциск II и Мария Стюарт, король и королева Франции в 1559—1560 годах. Миниатюра из «Часослова Екатерины Медичи». Лувр.

Карл IX и Елизавета Австрийская. Миниатюра из «Часослова Екатерины Медичи». Лувр.

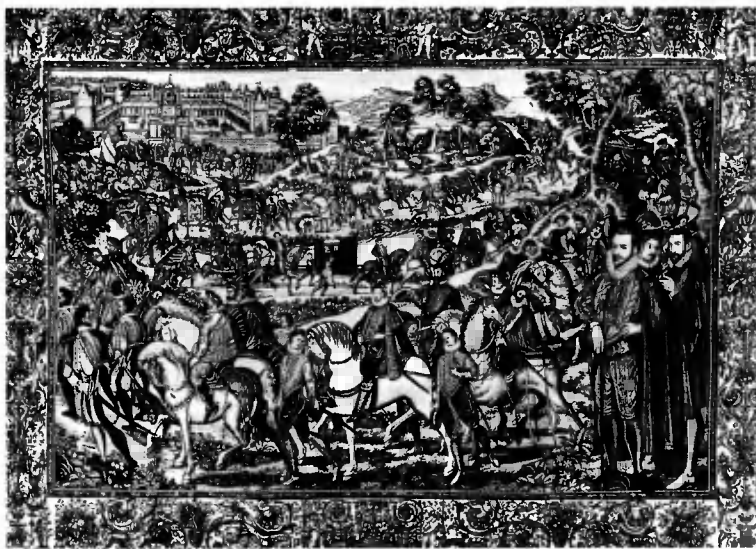
Встреча Нострадамуса и Екатерины Медичи в Салон-де-Прованс 16 октября 1564 года во время путешествия короля Карла IX с двором по Франции.

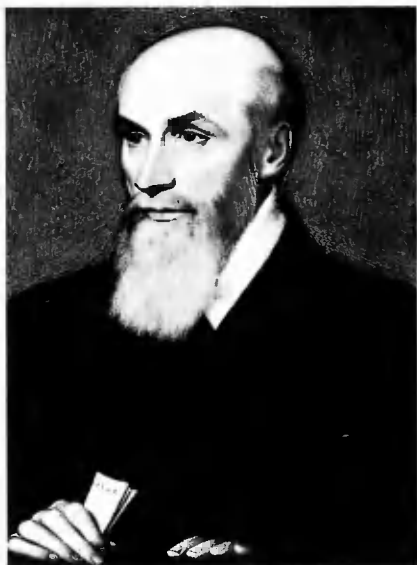

Филипп II, король Испании и
Елизавета Валуа. Миниатюра
из «Часослова Екатерины
Медичи». Лувр.

Путешествие двора короля Карла IX по Франции. Прибытие в Ан.

Мишель де л'Оспиталь
(1505/1506—1573). Канцлер
Франции в 1560—1573 годах,
католик, не допускавший
применения силы
в религиозных спорах.
XVI в. Музей Конде, Шантийи

Избиение в Кагоре 19 ноября 1561 года. *Гравюра Ф. Гогенберга.*

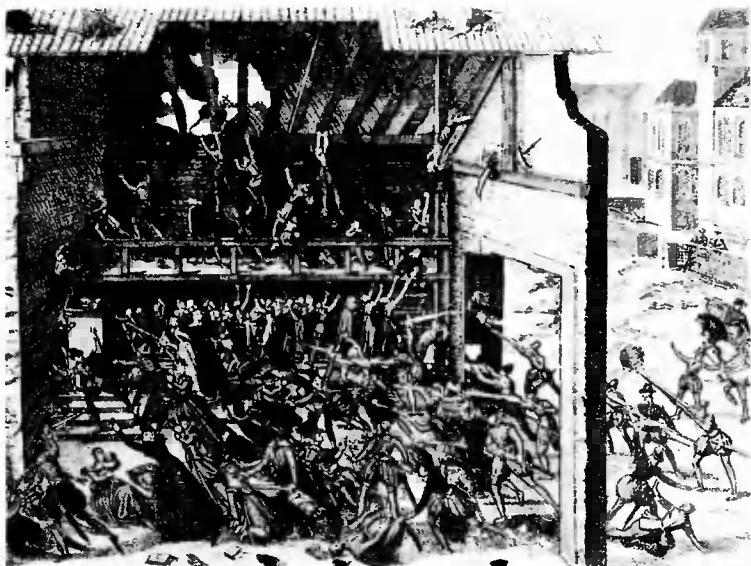

Гаспар де Колиньи
(1519—1572), с 1552 года
адмирал Франции. Убит
в Варфоломеевскую ночь.

Избиение в Сансе. Католики, преследуя протестантов, убивали их
и бросали в реку. Телаплыли вниз по Сене до самого Парижа.
Гравюра Ф. Гогенберга.

Избиение гугенотов в Васси 1 марта 1562 года, осуществленное Франсуа де Гизом.

Франсуа де Гиз (1519—1563),
защитник Меца и
освободитель Кале.
Рис. XVI века.

Убийство герцога Франсуа
де Гиза 18 февраля 1563 года.

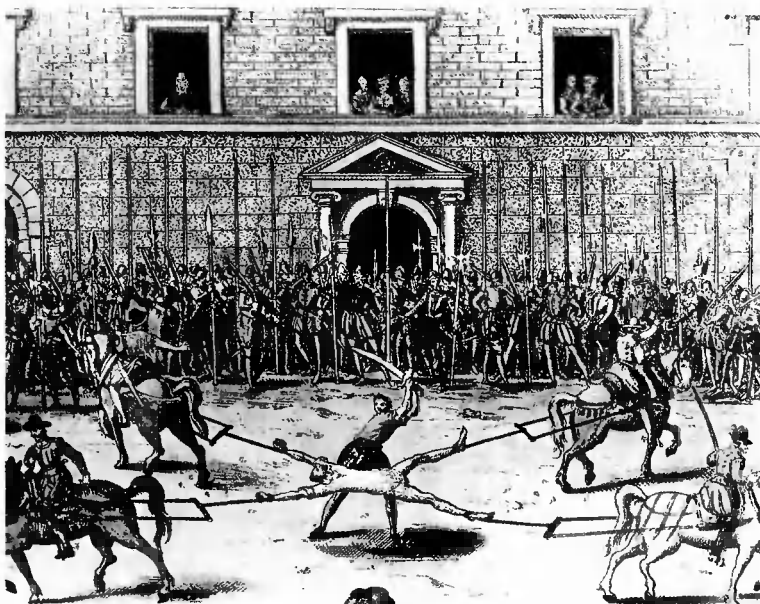
◀ Зверства, творимые
гугенотами. После
избиения в Васси
гугеноты стали нападать
на католиков. Монахов
подковывали, как
лошадей, или
расстреливали в упор.

Карл IX. Франсуа Клуэ.
Музей Конде, Шантийи.

Казнь 18 марта 1563 года
в Париже на площади Грев
Польтро де Мере, убийцы
герцога де Гиза.

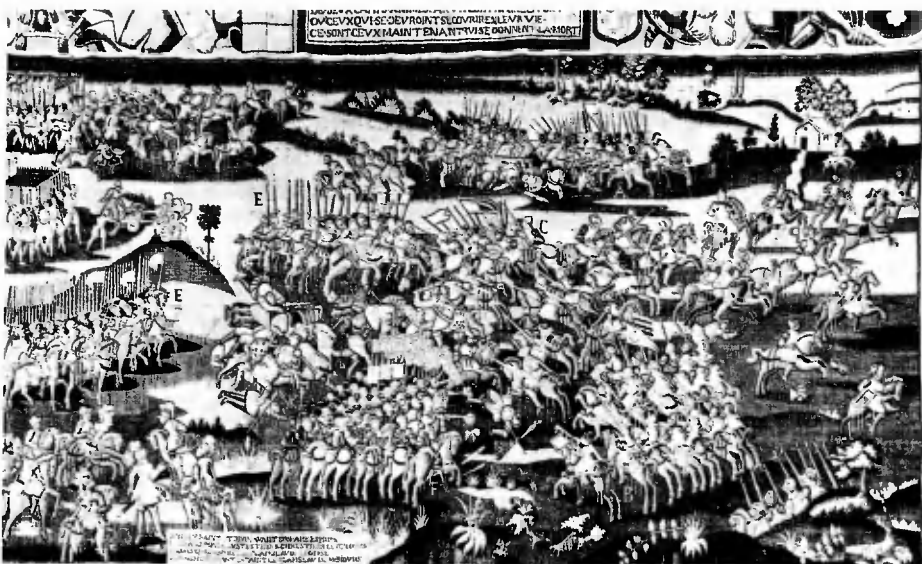

Маргарита в четырнадцать лет. Именно в это время она была влюблена в своего брата, будущего Генриха III.

Генрих де Гиз, Меченый
(1549—1588). XVI в. Париж.
Музей Карнавале.

Битва при Жарнаке 13 марта
1569 года. Королевские войска
под командованием герцога
Анжуйского, будущего
Генриха III, разбили
протестантов.

Антуан де Бурбон, отец
Генриха IV, глава
протестантской партии.
В 1560 году обратился
в католичество. Был
смертельно ранен 16 октября
1565 года при осаде Руана.
Музей Конде, Шантийи.

Жанна д'Альбре, мать
Генриха IV, королева Наварры.
В 1560 году обратилась
в протестантство.
Музей Конде, Шантийи.

Генрих Наваррский
и Маргарита Валуа.
Миниатюра из
«Часослова Екатерины
Медичи». Лувр.

Венчание Генриха Наваррского и Маргариты Валуа.

— В содеянном я подозреваю господ де Гизов. Ничего не утверждая, хочу сказать, что, благодарение Богу, я давно уже знаю, что не должен страшиться ни своих врагов, ни даже смерти... И если что-то удручает меня в этом ранении, так лишь то, что сейчас я не могу доказать королю, насколько хотел бы быть ему полезен.

Невзирая на свое состояние, Колиньи не оставлял мысли о войне во Фландрии.

— Я очень желал бы, — продолжал он, — чтобы король захотел прислушаться к моим словам; речь идет о вещах, чрезвычайно для него важных, к тому же, я думаю, кроме меня, никто их ему не скажет.

Легкий на помине, на улице Бетизи в сопровождении огромного эскорта появился Карл IX со своей матерью и братьями Анжу и Алансоном, а также маршалом де Таваном, новым министром правосудия. Королевский гнев все еще не остыл:

— Ты, адмирал, — возгласил король, — принужден терпеть боль, а я принужден испытывать стыд! Но из всего этого воспоследует такое страшное мщение, что люди его вовек не забудут!

Воспользовавшись случаем, Колиньи еще раз изложил свои доводы:

— Моя верность и усердие в защите ваших интересов обязывают меня умолять вас о том, чтобы не упустить нынешний благоприятный шанс... Ваше Величество вполне ясно изложили свои намерения относительно войны во Фландрии. Но если вы ограничитесь только принятием обязательств, не доведя до конца все то, что было начато, вы подвергнете королевство большой опасности...

Ясно, что королю решительно не хотелось вступать на зыбкую почву, с которой так легко соскользнуть к конфликту с Испанией: он желал мира и потому предпочитал говорить о ранах Колиньи, дабы его успокоить:

— Вы говорите слишком горячо, и я боюсь, как бы ваше столь возбужденное состояние не пошло вам во вред. Оставьте мне позаботиться об остальном, я отомщу за ваши раны и покараю зачинщиков.

— Их не так трудно найти, — заметил Колиньи, — приметы достаточно красноречивы.

Разговор принял опасный характер, и королева Екатерина перехватила инициативу:

— Мы не должны так долго утруждать больного...

Тут же она перевела разговор на пулю, которую Амбруаз Паре извлек из раны адмирала, — ее, мол, нужно подвергнуть тщательной экспертизе, не то может получиться, как в случае с покушением Жана Польтро де Мере на герцога Франсуа де Гиза:

— Я вспоминаю, когда де Гиз был убит под Орлеаном, его доктора говорили мне, что если бы удалось извлечь пулю, то, будь

она даже и отравлена, смертельного исхода удалось бы избежать.

Амбруаз Паре внес ясность:

— Мы не только извлекли пулю, Мадам, но также дали адмиралу настой против яда, чтобы предотвратить любую опасность...

Король и Екатерина вышли, но герцог Анжуйский, прироченный лицемер, — ведь аркебуза принадлежала одному из его гвардейцев, — посчитал за благо еще на несколько секунд задержаться среди протестантов, вздыхавших у постели раненого.

Однако Колиньи подобными уловками провести было невозможно... Недаром многие мемуары той эпохи донесли до нас фразу, которую якобы адмирал успел прошептать королю, когда тот собрался уходить:

— Царствуйте сами и остерегайтесь вашей матери и герцога Анжуйского...

Маргарита в свою очередь тоже осведомлялась о состоянии больного. Присутствовала ли она при разговоре между Колиньи и Генрихом Наваррским, когда решено было отправиться в Лувр с новым требованием о наказании виновных? Король вновь и вновь повторял, что этим он займется сам и что он уже распорядился предоставить в распоряжение гугенотов всю улицу Бетизи. Он даже предложил перевезти Колиньи в Лувр, где ему могли обеспечить лучший уход.

— Клянусь Богом, я отдал приказ найти герцога де Гиза и взять его под стражу! Я не потерплю, чтобы подобные проступки оставались безнаказанными!

* * *

Париж начало лихорадить. Лавки закрывались одна за другой. Все более тревожные слухи носились по городу. «У горожан закипала кровь», но еще сильнее она закипала у восьми или десяти тысяч гугенотов, приехавших на свадьбу Маргариты и Генриха.

— Что все это значит? — изумлялся король. — Мне докладывают, что народ бунтует и берется за оружие!

— Это не совсем так, — поспешно отвечала Екатерина, — но, если вы помните, вы сами отдали приказ городскому совету довести до сведения всех граждан, что с нынешнего утра никто не должен покидать свои кварталы, дабы предотвратить беспорядки.

— Да, это правда, — вздохнул король. — Но при этом я также запретил брать в руки оружие. Во всяком случае, я требую взять под охрану дом адмирала.

Главарь протестантов считали, что оставаться в Париже небезопасно, тем более что постепенно гугеноты прозревали истину. Они запросили разрешения покинуть город. Король успокаивал: бояться нечего! Для вящей убедительности он повторил

предложение перевезти Гаспара де Колиньи в Лувр. Его предлагали поселить в покоях Маргариты Наваррской, расположенных в южном аттике дворца.

Генрих Наваррский и принц де Конде отклонили предложение: пусть адмирал остается в своем дворце на улице Бетизи, где, по крайней мере, охрана надежнее, чем в Лувре.

А в городе уже вовсю собирали кирасы и шпаги на случай возможной осады. Следуя какому-то своему собственному плану, герцог Анжуйский отправил на улицу Бетизи пятьдесят стражников с аркебузами, к которым Генрих Наваррский добавил пять гвардейцев из своей личной охраны.

Следующий день, субботу 23 августа, Карл IX начал с того, что справился о здоровье раненого. Екатерину его заботливость вывела из себя. Дела, по ее убеждению, шли все хуже. В это утро гасконец Пардаян с вызовом заявил королеве-матери, что, если со стороны короля возмездие не последует, гугеноты совершат его сами. Королева-мать восприняла эту угрозу как пощечину.

Беспокойство в Париже продолжало нарастать, уже целая толпа гугенотов дефилировала перед дворцом де Гизов, сотрясая воздух криками и шпагами... Конечно, эта ненависть выплескивалась по адресу лотарингцев, но в равной степени она предназначалась и королю, и герцогу Анжуйскому. По просьбе Генриха Наваррского гугеноты-гасконцы отправились в Лувр, чтобы там обеспечить защиту своего короля.

Королеве-матери стало страшно.

И она решила первой нанести удар. Составился новый заговор, на сей раз против короля. 23 августа, пополудни, Екатерина прогуливалась в тенистых аллеях сада Тюильри с герцогом Анжуйским, герцогом де Гизом, маршалом де Таваном и еще несколькими приближенными. Среди них — флорентиец Альбер де Гонди, сеньор Реца. Он был воспитателем Карла IX и, если верить Брантому, сохранял большое влияние на короля. Ему и поручена была «перевербовка» Карла, а для этого флорентийцу доверили сказать ему правду. Он должен «начать», как бы наметив место для гвоздя, а Екатерина — продолжить, загнав гвоздь вглубь. Де Гонди прибыл в Лувр и пришел к Карлу IX, только что закончившему свою вечернюю трапезу. Опустив ненужные преамбулы, флорентиец сразу изложил суть:

— Как ваш вернейший слуга, я не могу от вас скрыть, сир, в сколь опасную ситуацию Ваше Величество рискует ввергнуть себя, настаивая на возмездии месье де Гизу. Вы должны знать, что покушение на адмирала было подготовлено не одним месье де Гизом, но также вашим братом и королевой — вашей матерью.

Карл IX онемел. Опасаясь, как бы его не настиг нервный припадок, посланец Екатерины пустился в долгие многословные

объяснения: католики настроены чрезвычайно враждебно к идее вооруженного вторжения в Нидерланды. Внушив королю этот пункт, он перешел к Колиньи, который не просто желает, а уже готовит гражданскую войну. Королю не удалось даже слово вставить в речь Гонди. Когда же, уловив паузу, он собрался что-то сказать в защиту своего любимца адмирала, вдруг, как в хорошей драматической пьесе, открылась дверь и...

Вошли Екатерина и Анжу.

Оба были бледны. Королева знала своего сына и, лучше чем кто бы то ни было, умела им управлять. Она с ходу заявила, что узнала страшные новости, и нарисовала картину ужасающей распри, в которую рискует погрузиться Франция. Гугеноты — на этот счет сомнений больше нет — решили взяться за оружие и отомстить за своего вождя. Речь идет о самой жизни королевской семьи, более того, о жизни государства!

— Да, мой сын, гугенотская партия вооружается против вас. Адмирал отправил гонцов в Германию, откуда ждут прибытия десяти тысяч рейтаров, и в швейцарские кантоны, где надеются собрать столько же пеших ратников. В самом вашем королевстве капитаны гугенотов повсюду трубят сбор своих отрядов. К этой армии примкнут союзники гугенотов из соседних стран. Зная, как мало у вас людей и средств, я не поручусь, найдется ли во Франции убежище хотя бы для вас!

Короля все больше охватывали сомнения, и королева-мать нанесла последний удар:

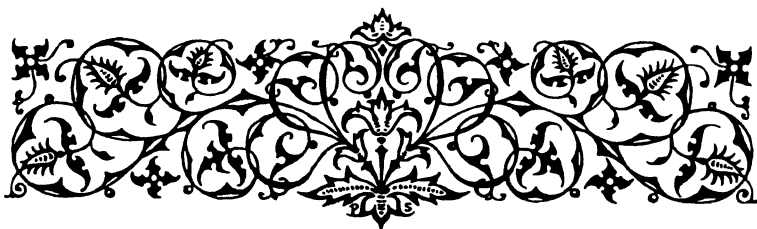
— От величайшей опасности, которой подвергаетесь вы и, более того, ваше государство, от разрушений, бедствий и смерти многих тысяч людей спасти теперь может только одно: необходимо сегодня же вечером взяться за шпаги...

Так она подвела легальную почву под предстоящую бойню. Вопреки ожиданиям понадобилось не более часа, чтобы совершенно переубедить Карла, и когда мать спросила, не страшно ли ему взвалить на себя ответственность за столь тяжкое решение, в ответ король затопал ногами и закричал:

— Перебить их всех, никому не дать уйти живым, чтобы никто не посмел даже упрекнуть меня в этом!

Екатерина победила. Страшная машина смерти запущена, хотя никто еще не успел отдышаться после танцев на свадьбе Марго...

Глава VI

«ПЕРЕБИТЬ ИХ ВСЕХ!»

Король вызвал к себе старосту парижского купечества Ле Шаронна и, в присутствии королевы и герцога Анжуйского, объявил, что «люди новой религии надумали, путем заговора, поднять мятеж против него и его государства, возмутить общественное спокойствие в стране и Париже». Он перечислил меры, которые необходимо срочно принять:

— Возьмите ключи от всех городских ворот и тщательно запирайте их. Все лодки переведите на правый берег Сены и свяжите их цепями между собой. Призовите к оружию всех капитанов, лейтенантов, армейских и флотских, горожан, способных носить оружие, велите им собраться на перекрестках и ждать моих приказаний. Кроме того, вся артиллерия города должна быть стянута к Гревской площади и к городской ратуше.

С победоносным видом Екатерина дополнила:

— Королю нанесено величайшее оскорбление. Если это стерпеть сегодня, завтра такое же оскорбление ему дерзнут нанести в самом Лувре!

Вернувшись к себе, королева-мать вызвала Генриха де Гиза и своих советников. Разумеется, пока у нее и в мыслях не было устраивать массовое избиение протестантов. На этом этапе драмы речь шла лишь об устранении главарей гугенотов. По версии маршала де Тавана, Екатерина даже попробовала отвести угрозу от своего зятя Генриха Наваррского и его кузена Конде:

— Нельзя допустить, чтобы два молодых принца пострадали за чужую вину. Если их воспитание будет поручено служителям Господа, которых для них выберут Наши Величества, есть надежда, что они вернутся в лоно католической церкви и сочтут за благо для себя послушание королю и своим родственникам...

Однако маршал де Таван с неожиданной горячностью возразил: — Я убежден в противоположном, Мадам: убить нужно всех! Эти молодые принцы, вскормленные в реформированной религии, затаившие в душах жестокую обиду за смерть своего дяди и своих друзей, так легко ее не простят — тем более что всегда найдутся охотники подтолкнуть их ко мщению. Кстати, нельзя наказывать наполовину. Вспомните о Бруте: объявив виновным только Цезаря, он не желал смерти Марка Антония, но впоследствии именно Антоний поднял народ против Брута и привел его к падению. Если вы ставите перед собой чрезвычайные цели, нужно прежде всего взвесить, насколько они необходимы и справедливы — и уж если вы считаете их таковыми, то нельзя упустить из виду ничего, что могло бы помешать их осуществлению. Если уж нарушать закон, то, ради собственной безопасности, лучше его нарушить до конца, ибо грех одинаково велик — будь то малое нарушение или великое.

Будущий Генрих III, разумеется, предпочел бы увидеть труп Генриха де Конде, дабы ни с кем не делить свою горячо любимую Марию Клевскую, чей портрет он постоянно носил под колетом, на шее. С другой стороны, Карл IX никак не мог допустить, чтобы Марго стала вдовой на следующий день после свадьбы. Что касается Екатерины, то она предпочитала удержать зятя при себе в качестве политического заложника. Одна мысль неотступно преследовала ее: надо же, так тщательно спланировать покушение на адмирала — и из-за какого-то шнура на ботинке все провалить...

Де Гиз без колебаний взял на себя адмирала и его зятя Телиньи. Расквитаться с подстрекателем убийства своего отца — это для любовника Марго было делом совести, а не закона. Для исполнения зловещего замысла в его распоряжении не только лотарингцы, но и — вот уж поистине парадокс! — пятьдесят стражников с аркебузами, присланных королем на улицу Бетизи для круглосуточной охраны раненого.

В Лувр был вызван также ювелир Клод Марсель, бывший купеческий староста Парижа. Вернувшись, он собрал командиров кварталов и объявил им приказ:

— Этой ночью в каждом доме по человеку должны быть готовы выступить с оружием в руках. Пусть каждый приготовит для себя также факел, а на левую руку наденет белую повязку. И пусть в каждом окне горит фитиль.

* * *

В субботу 23 августа, когда солнце уже склонилось к закату, чувство тревоги томило Маргариту — но тут лучше передать слово ей:

«Что до меня, то в происходящее меня никто не посвящал. Я видела, что все кругом возбуждены, а гугеноты, разгневанные покушением на адмирала, шепчутся друг с другом. Гугеноты относились ко мне с подозрительностью, потому что я была католичка, а католики — потому, что я вышла замуж за короля Наварры, гугенота. Так что мне никто и ничего не говорил до самого вечера, когда я, по обыкновению, зашла к матери пожелать ей спокойной ночи и застала здесь свою сестру, герцогиню Лотарингскую*, чем-то сильно опечаленную, а когда королева-матушка, сидевшая с ней рядом на сундуке и с кем-то разговаривавшая, заметила меня, она велела мне идти спать. Но так как я сделала перед ней реверанс, сестра схватила меня за руки и не отпускала. Громко расплакавшись, она сказала:

— Боже мой, сестра моя, не ходите туда!

Это меня до крайности напугало. Королева-матушка заметила мой испуг и, окликнув сестру, сильно на нее рассердилась и запретила ей что бы то ни было мне говорить. Моя сестра ответила ей, что нет никаких резонов таким образом приносить меня в жертву и что, несомненно, как только им что-то откроется, так на меня же и может пасть их месть. Королева-матушка ответила, что, если Богу угодно, он отвратит от меня всякое зло, но как бы там ни было, сейчас я должна отправиться к себе, не то как бы они не заподозрили что-то неладное и тем самым сорвали все дело.

Я хорошо видела, что они сговорились о чем-то, — продолжает Марго, — но не понимала смысла их слов. Еще строже мать приказала мне идти спать. Сестра моя, заливаясь слезами, сказала мне «спокойной ночи», не посмея к этому пожеланию добавить ни слова. Я ушла оттуда, вся похолодевшая и растерянная, не в силах даже вообразить, чего именно должна бояться...»

И вот на Париж опустилась ночь...

Глухим шумом наполнился город, во весь опор по его улицам скакали гизовские гонцы, чтобы передать по назначению королевские приказы. После того как все отряды соберутся в назначенных местах, через Сену будут перекинуты тяжелые заградительные цепи. Наконец первые командиры стали сходить у де Гиза:

— Волею короля, наступил час отмщения богопротивным отступникам: птичка в наших сетях, и нельзя допустить, чтобы она вылетела!

В мерцающих отблесках факелов королевские отряды запол-

* Клод де Франс, вышедшая замуж за Карла II, герцога Лотарингского. В момент описываемых событий ей было 25 лет, после Варфоломеевской ночи она проживет всего три года.

нили Лувр. Чтобы в ночи опознавать своих, мужчины нашили на шапки, согласно указаниям Клода Марселя, белые кресты, а шеи обмотали белыми шарфами.

В Лувре Генрих Наваррский, отправляясь спать, позвал Маргариту присоединиться к нему. Страшная тревога разрывала сердце молодой женщины. Она побежала в опочивальню короля Наваррского. От тридцати до сорока дворян охраняли его. «Вся похолодевшая и растерянная», Маргарита легла к мужу в постель. Однако сон не шел, не спалось и гугенотской страже. «Слезы моей сестры проникли мне прямо в сердце, — пишет Марго, — чувство неясной опасности, которое передалось мне от нее, не давало сомкнуть глаз. Так, без сна, и прошла ночь».

У всех было одно и то же предчувствие: назревает какая-то гроза. В этой давящей атмосфере сон бежал от Генриха и Марго. Да к тому же, чтобы забыться и прогнать неприятное ощущение, они проболтали до самой зари.

Занималась заря святого Варфоломея, заря самого красного в истории Франции дня.

Воздух опять стал раскаленным и тяжелым. «В ожидании, когда проснется король Карл, — продолжает свое повествование Маргарита, — мой муж внезапно принял решение обратиться к нему с просьбой о наказании заговорщиков. Он вышел из комнаты, за ним вышла вся стража. Видя, что уже занялся день, и посчитав, что опасность, о которой говорила моя сестра, миновала, сломленная бессонницей, я попросила свою кормилицу: «Притвори дверь, я хочу спокойно поспать».

Быть может, когда писались эти строки, а писались они спустя много лет после событий, возлюбленная герцога де Гиза забыла, что в этот час «спокойно поспать» было уже невозможно, ибо все церкви Парижа били в набат, а улицы оглашали вопли жаждущих крови убийц...

Карл IX решил укрыть у себя своего друга-протестанта, графа Франсуа де Ла Рошфуко, одного из своих фаворитов.

— Фуко, — попросил он, — останься со мной, давай поболтаем остаток ночи.

Но Ла Рошфуко должен был отлучиться по галантной причине: у него свидание со своей любовницей, Франсуазой, второй женой Луи де Бурбона-Конде. И он ответил:

— Мой милый король, нужно ложиться и спать.

— Ты будешь спать с моими камердинерами, — возразил король.

— Это невозможно, я не переношу запаха немытых ног.

И, сам того не ведая, из объятий любовницы Фуко попадет прямо в объятия смерти...

Король решил спасти Амбруаза Паре, о котором ходили слухи, что он протестант. «Он послал за ним и велел явиться в королевские покои, советуя при этом как можно меньше попадаться кому бы то ни было на глаза». Свое решение король объяснил тем, что «неблагоразумно подвергать смерти того, кто может быть полезен всем». Однако хирург чуть свет отправился на улицу Бетизи, к адмиралу.

Воскресенье, 24 августа, уже рассвело. Герцог де Гиз, прибыв на место раньше предусмотренного времени, прохаживался перед домом адмирала — сто шагов вперед, сто назад. Вот-вот должны были появиться швейцарцы от герцога Анжуйского в своих черно-бело-зеленых одеждах. Наконец они прибыли и принялись стучать в дверь. Управляющий Лабонн спросил, не открывая, кому мог понадобиться его господин в столь ранний час.

— Откройте, именем короля! — приказал один из швейцарцев. — У меня поручение к вашему господину.

Лабонн открыл и упал, сраженный кинжалом. Убийцы проникли в дом, оглашая его грозными криками. Стали сбегаться слуги... Когда Колиньи, еще спавшего в своей комнате на втором этаже, разбудили выстрелы аркебуз, на лестнице и в узком коридоре уже кипел бой. Он встал, сбросил с себя ночную одежду. В спальню набилось несколько верных друзей, среди них Амбруаз Паре, который закрывал дверь на ключ. Перед дверью быстро воздвигли баррикаду.

— Монсеньор, — вздохнул пастор Мерлен, — это Господь Бог призывает нас к Себе!

— Я уже давно приготовился к смерти, — заявил адмирал. — А вы, все, кто может, спасайтесь, меня вам все равно не защитить. Я вверяю свою душу милосердию Божьему.

Противу сердца, друзья Колиньи подчинились его приказу и успели выбраться на крышу дома, когда дверь спальни разлетелась в щепы под тяжелыми ударами топоров и рогатин. История сохранила нам имена двух наемных убийц, представших лицом к лицу перед адмиралом: Пикар Артен и Ян Симанович, чех из Богемии, по кличке Бем.

— Это ты, мошенник, адмирал? — спросил сей последний.

— Молодой человек, — ответил Колиньи, — ты должен был бы испытывать почтение к моей старости и к моим ранам.

Бем нанес ему смертельный удар рогатиной, затем, вместе с другими наемниками, жертву прикончили кинжалами.

В нетерпении вышагивая перед домом, герцог де Гиз осведомился:

— Бем! Неужели еще не кончили?

— Уже, монсеньор!

— Очень хорошо, вышвырните его в окно!

Гиз едва успел отскочить, как к его ногам с глухим стуком упало грузное тело адмирала. Герцог наклонился, достал носовой платок, оттер кровь с лица трупа и выпрямился с улыбкой на губах. Он, адмирал! В этот самый момент прибыл посыльный от герцога Анжуйского. В последнюю минуту брат короля, внезапно «объятый ужасом и страхом», распорядился не предпринимать ничего, что угрожало бы жизни адмирала. Королева Екатерина, если верить ее сыну, также испугалась «страшных беспорядков, которые могут разразиться вослед».

Увы, было уже поздно.

Теперь, когда непоправимое свершилось, некуда было отступать: час чудовищной резни пробил. Генрих де Гиз с презрением отшвырнул труп ногой. Несколько помешавшихся от крови убийц набросились на полуголоое тело и принялись отрезать клочки мяса, для сувениров. Забальзамированную голову адмирала отошлют папе в горшке с медом... как наглядное доказательство. Обвязав веревкой окровавленный и изуродованный труп, его по камням мостовых дотащат до виселицы Монфоко.

Колокол церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа продолжал звонить беспрестанно. В течение многих часов этот заунывный звон сопровождал дикую резню.

А что же Генрих?

В это почти невозможно поверить, но после ночи, проведенной в оживленной беседе, супруг Марго находился в двух шагах от дома адмирала, на улице Астриус, прямо напротив Бурбонского дворца, и, совершенно не ведая о происходящих в городе событиях, предавался игре в мяч со своим кузеном Конде... Их затянувшуюся партию прервало появление королевской стражи.

Король Карл требовал их обоих к себе.

Проходя по Квадратному дворику Лувра, Генрих заметил человек тридцать гугенотов, среди них и своего наставника Шарля де Лавардена. Их только что арестовали, и они попытались проследовать за своим господином, но охранники преградили им путь.

— Прощайте, друзья, — крикнул все понявший мгновенно Генрих, так как и его уводили вместе с Генрихом де Конде. — Бог весть, увидимся ли еще?

Карл IX из окна наблюдал за умерщвлением собранных во дворе «безбожников». Когда ввели принцев, он повернулся к ним и произнес:

— После того как войны, которым подверглось мое королев-

ство, переполнили чашу наших страданий, я наконец нашел выход, способный положить конец любым поводам для беспорядков: я отдал приказ расправиться с адмиралом, на котором лежит вина за бесчисленные подстрекательства к мятежам, и применить те же методы ко всем еретикам в городе, от которых исходит крамола. Я хорошо помню все то зло, которое причинили мне вы, а вы его причинили не меньше адмирала.

Отдаст ли он приказ убить их? Король был в таком гневе, что ждать от него можно было чего угодно.

— Однако, — продолжил Карл IX, — чтя королевскую кровь, которая течет в ваших жилах, и принимая во внимание ваш юный возраст, я искренно хочу забыть прошлое, но лишь при условии, что вы сами исправите свои ошибки, доказав мне свою преданность и послушание, и что вы оба вернетесь в лоно нашей матери Римской церкви — ибо в будущем в моем королевстве будет существовать только одна религия: религия королей, которые предшествовали мне на троне. Но если вы не намерены проявить послушание, то лучше об этом сказать сейчас же, ибо в этом случае вас ждет такое же наказание, какому подвергаются сейчас ваши сообщники еретики! — Обедня, смерть или Бастилия? — выкрикнул король.

Для Генриха Наваррского, которому с детства приходилось уже не раз вставать перед таким выбором, предпочесть смерти обедню было как раз не сложно. Про себя он посмеялся бы над самой дилеммой, но сейчас было совсем не до шуток. Он попросил лишь поднатаскать его в вопросах исполнения католических обрядов, ибо, по его собственным словам, он уже почти утратил религиозное чувство. Конде оказался упрямее, быть может, из-за чинимого над ним насилия: его сопротивление удалось сломить лишь через несколько дней.

«Поскольку я очень крепко заснула, — повествует Маргарита, — я даже не услышала, как кто-то с криками: «Наварра! Наварра!» стал колотить в дверь. Моя кормилица, решив, что это сам король, мой супруг, побежала открывать. Оказалось, что это стучал дворянин месье де Леран, раненный шпагой и алебардой в руку и в плечо. За ним гнались четыре лучника, ворвавшиеся вслед за ним в мою комнату. Чтобы спастись от преследователей, он бросился к моей постели. Он крепко вцепился в меня, и я сползла в проход между стеной и кроватью, увлекая его за собой. Я совершенно не знала этого человека, не ведала, с какими намерениями он явился ко мне и чья, собственно, жизнь нужна была лучникам, его или моя. Мы оба были напуганы и оба кричали. Наконец Богу было угодно, чтобы месье де Нанси, капитан гвардейцев, вошел в это время в мои покои и, увидев меня в самом жалком и незащищенном положении, сначала расхохотался, потом

напустился на лучников за их бестактность и выставил их вон, а нам отдал жизнь этого несчастного, все еще не выпускавшего меня из своих объятий. Мы перевязали его раны и уложили в моем кабинете... Я сменила рубашку, поскольку вся она была в крови».

Марго продолжает: «Месье де Нанси рассказал мне, что происходило в городе, и заверил меня, что король, мой супруг, находился у короля Карла и с ним ничего опасного не случилось. Заставив меня накинуть ночной плащ, он проводил меня в покои моей сестры графини Лотарингской, куда я ступила скорее мертвая, чем живая. В прихожей все двери были настежь. Едва мы вошли, как туда влетел дворянин Бурс, а за ним лучники, которые и проткнули свою жертву алебардами в трех шагах от меня. Я почти лишилась чувств в руках месье де Нанси, уверенная, что эти алебарды проткнули и нас обоих. Немного придя в себя, я вошла в спальню моей сестры...»

Затем королева Наваррская спустилась в покои своего брата, где она спасла жизни Иссор-Жана д'Арманьяка и Жана д'Альбре, барона Миоссенса, кузена короля Наваррского и его первого камердинера. «Я бросилась на колени перед королем и королевой, умоляя отдать их мне, на что в конце концов они дали свое соизволение».

Юная королева поднялась к себе. Весь ее путь — лестницы, коридоры, галереи Лувра — представлял жуткую картину побоища, везде лежали убитые и раненые. К потрясенной и трепещущей Маргарите все утро поступали новые подробности о резне.

Город, задыхавшийся от жары, теперь еще впал в безумство от запаха крови. Протестантов проводили по улицам с приставленными к горлу ножами — чтобы заколоть на набережной Сены и сбросить трупы в воду. Полуживых добивали баграми и камнями...

Кошмарное зрелище! По всему городу разносился рев загнанных животных, булькающих кровью и захлебывающихся в ней, грохот аркебузов, грубый хохот и победные крики убийц, которые под улюлюканье зевак: «На гугенотов! На гугенотов!» — вышвыривали из окон трупы своих жертв. В эти часы сир де Таван сказал фразу, которая вошла в историю:

— Пускайте кровь, пускайте кровь! Кровопускания так же хороши в августе, как и в мае!*

Убийства, изнасилования, грабежи — все самые низменные человеческие инстинкты вырвались наружу. «С невиданной алчностью парижане предались мародерству, — докладывал в Рим папский нунций Салвиати, — множество людей даже представить себе не могли, что когда-нибудь окажутся владельцами лошадей

* В то время существовал обычай каждую весну пускать себе «лишнюю кровь». (Прим. авт.)

и серебряной посуды, которые так легко достались им в этот вечер». Кстати, сам Карл IX предоставил своим швейцарцам право поживиться награбленным.

По свидетельству Агриппы д'Обинье, якобы сам король, встав у окна с аркебузой, «как на дичь, охотился на прохожих». Вольтер говорит, что много позже у маршала де Тессэ состоялся такой разговор с бывшим стражником Карла IX, в ту пору уже столетним старцем. Он спросил его, правда ли, что король сам стрелял в тот день в гугенотов.

Тот ответил: «Да, месье, причем его аркебузу перезаряжал я!»

Когда перечитываешь свидетельства современников, живших рядом с предпоследним королем династии Валуа и оставивших описания его кровавых выходов, ничто не кажется невозможным.

Сколько жестоких изуверств явил миру этот знойный день! Вот сцена из мемуаров, относящихся к той эпохе: «Голую малолетнюю девочку обмакнули в кровь ее отца и матери, которых, прежде чем растерзать, предупредили, что если и она гугенотка, то с ней поступят, как с ними».

На беременных протестанток велась прямо-таки охота. Одна из них, графиня, обитавшая на улице Сен-Мартен, пробовала спастись на крыше своего дома. Ее нашли, закололи кинжалами и сбросили вниз. Другую швырнули в воду, вспоров живот, «так что видно было, как там шевелится ребенок».

Ревущие толпы убийц разбудили молодую королеву Елизавету Австрийскую. Узнав, что происходит, она удивилась:

— Как же так! А король, мой супруг, знает, что происходит?

— Да, Мадам, это делается по его приказу.

— О Господи, да что же это? Какие же советники надоумили его?

Она опустила на колени и стала молиться:

— Боже мой, прошу Тебя, умоляю Тебя, отпусти ему грехи его, ибо если и у Тебя не найдется к нему жалости, то, боюсь, такого ему никто не простит.

Под начальством капитана Англареза погромщики постучали в дом Ла Рошфуко. Несчастный подумал, что это всего-навсего розыгрыш короля Карла, и, смеясь, крикнул непрошеным гостям:

— По крайней мере, не колотите так сильно!

Фуко так и умер с улыбкой на устах...

Герцог де Гиз устремился в погоню за отрядом протестантов во главе с Габриэлем де Монтгомери, печально известным героем памятного турнира. Этой небольшой группе удалось ускользнуть из Парижа, и она во весь опор понеслась по дороге на Понтшатрен. Под Монтгомери была кобыла, которая, кажется, могла мчаться

«невероятно долго без воды и без пищи». Догнать его так и не удалось. В Монфор-л'Амори Гиз прекратил преследование.

Бедняга Телиньи, зять адмирала, бежавший по его приказу по крыше и спрятавшийся на чердаке, был обнаружен там солдатами герцога Анжуйского и заколот кинжалами.

Наутро перед окнами короля навалили целую грудку трупов. Непохоже, однако, чтобы он пришел от этого зрелища в ужас. Лишь к обеду король приказал купеческому старосте Парижа, явившемуся по его вызову, организовать патрульные разъезды по городу, вменив им задачу «прекратить вышеупомянутые убийства, грабежи, мародерства, мятежи и следить за порядком ночью и днем...». Резня остановлена, но еще долго новые ее вспышки будут сотрясать город.

* * *

Утром 25 августа по Лувру разнеслась весть, которая тотчас достигла Маргариты: на кладбище Невинноубиенных второй раз зацвел боярышник — «высохший, мертвый, изломанный куст выбросил зеленые побеги и завязи цветов». Это чудесное цветение истолковали однозначно: Бог одобряет избиевание еретиков!

Карл IX приказал «больше не причинять никаких огорчений» протестантам. Жестокая резня была названа королем всего лишь «огорчением». Правда, в XVI веке это слово имело несколько иной смысл...

— Все, что произошло в Париже, — признался король, — было сделано не только с моего согласия, но по моему желанию и под моим водительством. И я готов к тому, что вся хвала, или же вся хула, будут обрушены на одного меня!

Однако «огорчениям» не было конца. Только Париж принялся наводить чистоту, как уже заметили человека, опорожнившего целую корзину от трупикув грудных младенцев. Тела гугенотов целыми телегами сваливали в Сену. Одиннадцать сотен трупов скопилось в изгибе реки, перед холмом Шаййо. Ратуша прислала могильщиков, которые закопали трупы на острове, посреди реки... Впоследствии этот остров свяжут с берегом и именно тут построят Эйфелеву башню. Когда станут рыть землю для ее фундамента, извлекут бесчисленное количество костей: это жертвы Варфоломеевской ночи, кровавой свадьбы королевы Марго и короля Генриха...

* * *

Несколько дней спустя Маргарита впервые посвятила свое перо делам супруга и написала следующий текст, который вышел за подписью Генриха Наваррского: «После нашей свадьбы насту-

пил праздник святого Варфоломея, и все сопровождавшие меня сподвижники подверглись избиению, хотя большинство из них во время смуты не выходили из дому. Среди прочих был убит и Бове, который был моим наставником с девятилетнего возраста. Можете представить всю горечь, с какой воспринял я смерть тех, кто поехал со мной, положившись на одно мое слово, не считая письменных заверений, которых удостоил меня король, уверявший, что будет обходиться со мною, как с братом. И столь велико было мое огорчение, что я искал искупить его ценой собственной жизни, как и они приносили свои жизни в жертву ради моей, так густо устлав своими телами путь вплоть до изголовья моей постели, что мне уже грозит остаться на свете одному, без друзей».

Маргарита вспомнит встревожившее всех событие, которое приключилось на восьмой день после резни. Опишет его и Генрих IV, став королем Франции: «Огромное количество ворон опустилось на крыши Лувра. Они производили такой шум, что все вышли посмотреть, в чем дело, и женщины сказали королю, что им страшно. В ту же ночь, не проспав и двух часов, король вдруг вскочил, разбудил всех, кто находился рядом, и, среди прочих, послал и меня во двор послушать, что это за страшный ночной галдеж и концерт орущих, стонущих, воющих голосов, совершенно похожий на тот, что приходилось слышать в дни резни».

Карл IX решил, что опять начались массовые убийства, и послал в ратушу гонца: во что бы то ни стало прекратить новую бойню! Но гвардейцы вернулись в Лувр с сообщением, что в городе все спокойно и «только в воздухе царит воронья смута». Все парижане до крайности встревожились: «ночные беспорядки продолжались семь дней, всегда в одно и то же время».

В среду 27 августа 1572 года по приказу Екатерины собралась мрачная процессия, в которой вынуждены были принять участие король и королева Наваррские. Весь высший свет выехал к виселице Монфокон, где был подвешен за ноги обезображенный и обезглавленный труп Колиньи. Запах тления ударил в нос.

Труп врага всегда приятно пахнет. Приписываемая Екатерине, эта фраза останется в веках.

Но какая же утонченная жестокость: двух сыновей Колиньи также принудили ехать к виселице отца. Старший всхлипывал, младший смотрел растерянно, как бы не понимая...

Сразу после Варфоломеевской ночи была напечатана «Новая песенка»:

Сколько людей убито в те дни,
Только и ведают трупы одни.
Уже невозможно их сосчитать:
Трупы, известно, умеют молчать.

Не скажет и Сена, сколько людей —
Женщин, мужчин и даже детей —
Без кораблей, вобрав их в себя,
Сплавили воды ее до Руана.

29 сентября 1572 года Маргарита и ее муж со всем двором отправились на ежегодную мессу французских кавалеров ордена Сен-Мишель. Когда наступил момент подношения даров, Маргарита увидела: король Карл, предшествуемый священнослужителями со свечами в руках, направился к хорам, за ним следовали герцог Анжуйский и Генрих Наваррский. Все трое преклонили колени пред алтарем. Возвращаясь на свое место и проходя мимо Екатерины и толпы окружающих ее дам, Генрих, мастер двойной игры, сделал глубокий реверанс. Королева-мать повернулась тогда к иностранным послам с победоносной улыбкой на лице, как бы говоря им: «Вот видите, как этот ничтожный Генрих присмирел!»

По ходу мессы к королю явился курьер с известием, что протестанты, плененные в Монсе герцогом Альбой, истреблены. Генрих Наваррский выслушал новость с совершенно невозмутимым видом...

* * *

Террор, обрушившийся на Париж и кровавым пятном расплзшийся по всей Франции, менее всего на свете опечалил королеву-мать. Барон Ронийский, Максимилиан Сюлли, донес до нас такой факт: уже на третий день после драмы Екатерина Медичи и ее фрейлины доставили себе «сладострастное удовольствие сощерцать известные мужские органы у голых трупов». Вот уж что-что, а угрызения совести флорентийку не мучили! Да и с какой стати? Разве не сама она и спровоцировала эти чудовищные зверства? К тому же сама и поздравила себя с достигнутым результатом, одобрив и расписав в письме Филиппу II Испанскому, который громче всех католических монархов приветствовал истребление протестантов во Франции, «энергичный способ, использованный для избавления от мятежных подданных...».

3 октября этот дьявол в облике королевы принудил своего зятя отправить папе Григорию XIII — не исключено, что она и диктовала письмо — нижайшее прошение «даровать ему отпущение грехов и принять его в веру, в которой он был крещен». Так смиренно простерся король Наваррский перед тем самым святым понтификом, который с радостью, как волю провидения, воспринял новость о Варфоломеевской ночи... Он явно не «плакал от отчаяния» при этом известии, что подтверждает даже благочестивый «Словарь пап». В самом деле, того побоища ему было мало —

20 ноября святой отец попросил своего посла-кардинала, монсеньора Орсини, настоять на полном истреблении всех французских гугенотов. Но этому воспротивилась даже королева Екатерина, не меньше папы поднаторевшая в двойной игре. Она ответила ему так:

— Отныне я не позволю, чтобы папа вмешивался в дела Франции.

Королева-мать предложила теперь Маргарите аннулировать ее брак. Но в ответ королева Наваррская гордо вскинула голову и отказалась:

— Это была ваша воля, и я должна остаться с ним!

Да, она плакала накануне этого брака по расчету, который ей навязала мать, и ее теперешнее благородное поведение больше походило на месть родне, чем на откровение любви. Однажды она уже отпраздновала свой маленький реванш — это когда Екатерина спросила у дочери, счастлива ли она со своим мужем в постели. Подняв очи к небу с выражением притворной невинности, Марго не без иронии ответила:

— Да я еще ничего не знаю о том, что вы имеете в виду.

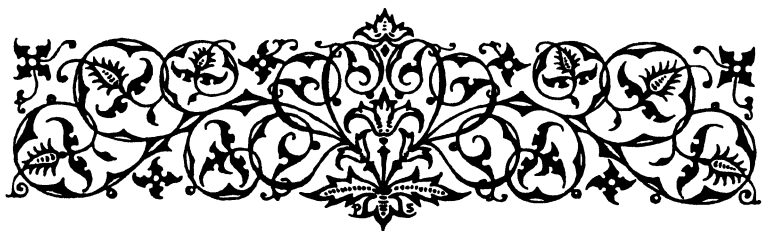
И, говорят, еще добавила:

— Я могла бы ответить, как та римлянка, на которую разгневался ее муж за то, что она его не предупредила о плохом запахе изо рта. Она ему ответила, что считала всех мужчин похожими, так как донныне ни с кем, кроме него, не была близка.

Если эти слова дошли до слуха ее экс-любовника, герцога де Гиза, то можно представить себе, как он хохотал... Как бы там ни было, когда Генрих Наваррский стал ее супругом, Маргарита уже, разумеется, не была простодушной девицей. Что он и сам подтвердил со свойственной ему вольностью в разговоре:

— Она прекрасно дебютировала еще до нашей женитьбы, так что все могут оставаться в полной уверенности, что от меня потребовалось не так уж много усилий — только надеть на палец обручальное кольцо.

Глава VII

ДВОР В ШЕЛКАХ И В КРОВИ

Теперь Маргарита нежно привязалась к молодой принцессе Марии де Конде, которая все так же до головокружения любила своего герцога Анжуйского, который, в свою очередь, обожал ее... Однажды в Лувре милейшая принцесса, заразительно смеясь, с блеском в глазах, объявила Маргарите, что припасла для нее прекрасный, необычайный сюрприз. Она повела ее к Малому Бурбонскому дворцу, а там двух молодых женщин поджидали герцог Анжуйский и герцог де Гиз. Свидание, которое должно было закончиться увеселительной прогулкой вчетвером. Однако Марго, ставшая большей недотрогой, чем во время «задранной юбки», не испытывала ни малейшей тяги к такого рода пикантным развлечениям. Она утверждает, что предпочла удалиться, а Филипп Депорт, во второй книге своих «Элегий», излагает это приключение в стихах, которое, если верить поэту, имело для четырех партнеров более приятную развязку:

О Амур, мой дружок, веселья легкого Бог,
Ты один лишь на свете сосчитать бы и мог
Объятия, взгляды, вздохи, восторги,

Первые «нет» с поцелуями долгими,
Жаркие речи, притворство обид
И желанную смерть — но только на миг...

* * *

Война угрожала вспыхнуть в четвертый раз, и Екатерина требовала от зятя, чтобы он принял участие в осаде королевскими войсками гугенотской крепости Ла Рошель. Жан Эритье очень

точно подметил, что речь шла о портовом городе, жители которого прониклись «протестантским республиканизмом... странной смесью феодальных или общинных пережитков с библейскими догмами».

Вельможи, друзья и враги партии убийц собрались в Нье-ле, где была расположена ставка католических войск под командованием герцога Генриха Анжуйского. Все подсматривали друг за другом, все друг друга ненавидели, все интриговали... Пока длилась осада, образовалась и третья партия, собравшая недовольных с обеих сторон, как католиков, так и протестантов, преданных идее терпимости. Иначе их звали еще «политиками». Стоит ли продолжать братоубийство ради обедни? Тот, кто однажды сделается королем Генрихом IV, в свой час напишет: «Столь странного двора больше нигде не найти. Мы почти всегда готовы перерезать горло друг другу. Мы носим кинжалы, кольчужные рубашки, а нередко еще и кирасу под плащами».

Герцог Франсуа Алансонский — в это время ему было восемнадцать лет — встал во главе «политиков», но не за тем, чтобы примирить французов — это как раз заботило его меньше всего... — а из личных амбиций, чтобы досадить своему брату королю. Черные волосы, гладко бритое лицо, изрытое оспой... Это был человек, обделенный природой и сердитый на весь мир.

Генрих Наваррский охотно выслушивал проекты, с которыми носился Алансон, и даже соглашался сотрудничать с ним, питая тайную надежду однажды улучшить благоприятный момент, чтобы покинуть двор и бежать наконец в свой милый Беарн. Тем временем, невозмутимый внешне, непоколебимый внутри, он разыгрывал из себя «преданного и отважного соратника». Генрих на самом деле участвовал в осаде Ла Рошели. Он даже отдал приказ своим гвардейцам принять участие в генеральном штурме города. Но не он ли заодно и посоветовал своим людям, начиная атаку, издавать громкие крики, чтобы предупрежденный таким образом гарнизон легко ее отразил?

Солдат из Гаскони, в каком бы из двух лагерей они не оказались, не проведешь. Они знали, что их король участвует в этой войне не по своей воле, а по принуждению. И не раз случалось, что солдат-протестант, осажденный за крепостными стенами, успевал спросить у приблизившегося к нему с атакующими гасконца, католика из осадной армии, что слышно нового об «их короле Наварры»? Многие могли подтвердить, что видели, как наваррец прицеливался из аркебузы во «врага». Но зажигал ли он при этом фитиль?

Осада Ла Рошели была снята вследствие события, которое переволновало двор Валуа. Благодаря мастерским интригам Екатерины, Анжу был избран королем Польши и великим герцогом Литвы.

При одной мысли, что он должен покинуть Марию де Конде, Генрих готов был отречься от этого слишком далекого трона. Кроме того, здоровье бедного Карла IX становилось все хуже. Он уже харкал кровью, и брат его действительно вскоре мог стать королем Франции. Однако королева-мать и Карл IX требовали, чтобы герцог Анжуйский согласился на королевство Польское.

Когда сто пятьдесят польских послов явились в Лувр, чтобы возложить корону на своего нового властелина, уже одним их видом Анжу был не на шутку напуган. Какой темный народ! Все они носили длинные седые бороды, а одежды их ниспадали до самой земли, тогда как французы демонстрировали ноги от пятки до бедра... Кроме того, на поляках были высокие собольи шапки, на боку у каждого болталась кривая турецкая сабля, не говоря уже о колчанах за спиной, из которых торчали пучки стрел, что придавало им вид дикарей из Нового Света. Те из них, кто не уместился в фуры, запряженные четвериками или шестериками лошадей, скакали на боевых конях, покрытых попонами золотого шитья, с уздечками сплошь из серебряных пряжек. Сопровождавшие их слуги носили на плечах тяжелые железные дубины.

Польские послы нанесли визит Маргарите, которая приняла их «в таких роскошных нарядах и с таким королевским величием», что палатин Сираду Альбер Ласко заявил по окончании аудиенции: «После того как довелось увидеть такую красоту, больше на свете нечего желать увидеть». Краковский епископ Адам Ронарский произнес длинную речь на латыни, и «Жемчужина Валуа», ко всеобщему изумлению, ответила ему столь же искусно на том же языке — и притом не менее длинной речью, — тогда как всем остальным членам семейства пришлось прибегнуть к услугам переводчика.

Вечером был устроен торжественный прием в Тюильри. Целый час нимфы, олицетворявшие шестнадцать провинций Франции, танцевали и декламировали вирши Пьера Ронсара. А взоры присутствующих были прикованы к королеве Наваррской, «одетой в платье бледно-розового испанского бархата, богато украшенного блестками, и в колпаке того же бархата, искусно отделанном драгоценными камнями и перьями. Этот наряд ей настолько шел, что с тех пор она стала надевать его довольно часто и позировала в нем для портрета: из всех ее портретов этот, несомненно, самый лучший...» Брантом влюблен в очарователь-

ную Маргариту — кстати, ходили слухи, что он тоже был ее любовником.

Для Карла IX присутствие Анжу было невыносимо и он требовал его скорейшего отъезда в Польшу. Никаких отсрочек!

— Брат мой, если вы не уедете сами, именем моей любви к вам я заставлю вас уехать силой.

Генриху Анжуйскому пришлось подчиниться, но, опасаясь, как бы он не уклонился от цели, Карл решил сопровождать его до границы Лотарингии. Королева-мать, Маргарита и герцог Алансонский также отправились в путь.

От Жана д'Альбре, барона Миоссенса, жизнь которого она спасла утром после Варфоломеевской ночи, Маргарите стало известно, что гугеноты, решив отомстить за убитых товарищей, устроили широкий заговор с целью освободить Генриха Наваррского и Генриха де Конде при пересечении Шампани королевским кортежем. Молодая Наваррская королева вместе с Миоссенсом пришла к выводу, что предприятие это «гиблое», способное «навредить как им, так и государству». Именно поэтому она решила их выдать: «Я отправилась к королю и королеве, моей матери, и сказала, что должна сообщить им что-то очень важное, но что никогда, нравится это им или нет, не открою рта без обещания с их стороны, что тем, кого я назову, не будет сделано ничего плохого и что король и королева-матушка помогут исправить зло, не подавая виду, что они посвящены в суть дела».

Карл и Екатерина заверили, что так и будет сделано.

«Тогда, — продолжает Марго, — я им сказала, что мой брат и мой муж король должны были послезавтра присоединиться к гугенотским отрядам. Те настойчиво искали связи с ними после отречения от протестантского дела, на которое они согласились после смерти адмирала и которое нельзя им поставить в вину».

И она умоляла их простить. Екатерина согласилась на «торг», но, выведенная из себя, заставила обоих «мятежников» следовать дальше в ее карете, чтобы с этой минуты они были у нее перед глазами. Прибыв в Витри-ле-Франсуа, кортеж остановился: Карл IX слег. Герцог Алансонский, к которому уже стали обращаться «Месье» — титул герцога Анжуйского, — очень надеялся, что с отъездом старшего брата в Краков к нему перейдет и все оставшееся во Франции наследство нового короля Польши. Он уже видел себя главнокомандующим войсками королевства — в ожидании также и герцогства Анжуйского.

Но Карл IX резко отказал ему.

В Нанси Генрих «Польский» поймал на себе восторженный взгляд юной Луизы Лотарингской, кроткой и застенчивой дочери графа Водемона. Биение сердца молодой девушки передалось новому королю — он попросил молиться за него.

И мы увидим дальше: они встретятся...

Наконец доехали до Бламона, что невдалеке от Луневилля. Прощаясь с Маргаритой, Генрих «Польский» напомнил ей о былых разговорах в парке замка Плесси-ле-Тур. Разве не говорил он тогда: «Боюсь, как бы мое отсутствие не пошло мне во вред»? Теперь он повторил те же самые слова и попросил сестру еще раз оказать ему услугу. Молодая королева обещала блюсти его интересы, как когда-то. «Он старался таким способом, — говорит Маргарита, — заставить меня забыть о дурных следствиях своей неблагодарности и восстановить нашу дружбу на таком же доверии, какое существовало между нами в те первые годы...»

Обливаясь слезами, Генрих обнял свою возлюбленную Марию Клевскую и подтвердил ей свое намерение добиваться у Рима аннулирования ее брака с принцем де Конде. Тогда она сделается королевой Польши, а потом и королевой Франции, ведь Карл уже совсем на ладан дышит...

Несколько мгновений спустя Екатерина, обнимая нового короля, предсказала ему:

— Прощайте, мой сын, вам не придется отсутствовать долго.

Глаза Маргариты — это заметил папский нунций во Франции кардинал Сальвиати, — когда она смотрела вслед любимому брату, были полны слез.

* * *

Маргарита вновь влюбилась без памяти, на сей раз ее избранником стал элегантный офицер из Прованса Гиацинт-Бонифас де Ла Моль, которому шел уже сорок четвертый год. (В XVI веке — грустная эпоха! — это был порог старости.) Он всегда надушен, у него на редкость изысканные манеры, а по красоте ног с ним не мог сравниться ни один мужчина двора. У него была странная привычка — впадая в гнев, он покусывал перья своей шляпы. Его заостренная бородка мягкостью своей напоминала шелк, а уж сколько побед на ниве любви одержал обладатель этих достоинств, — так просто не счесть. Он сильно надеялся завоевать принцессу де Конде, однако Анжу был начеку, так что к лету 1573 года, о котором идет наш рассказ, этой цели Ла Моль не достиг. Стоило только ему заметить, что Маргарита, вернувшаяся из Бламона, то и дело посматривает на него с улыбкой, как сейчас же воспламенился и он. Итак, спустя десять месяцев после свадьбы в жизни Маргариты начался страстный роман — это был один из самых бурных романов в ее судьбе — с вельможей, который, если верить Пьеру де л'Этуалю, «больше умел побеждать на полях Венеры, чем на полях Марса...» Он выстаивал по три, а то и четыре мессы в день, все остальное время отдавалось любви, «исходя из

убежденности в том, что благочестиво выслушанная месса искупает все грехи и буйства, какие бы ни пришлось совершить». Сам король, знавший о новом увлечении сестры, не раз говаривал смеясь, что «тому, кто вознамерился бы составить реестр блудных походов де Ла Моля, достаточно сосчитать количество посещенных им месс!..»

Карл IX даже устроил однажды заговор с намерением застукать этого сорокалетнего обольстителя на одной из лестниц Лувра, ведущих к покоям Марго. Но план провалился, так как Ла Моль, чтобы попасть к королеве Наваррской, избрал иной путь...

В свою очередь Ла Моль принимал участие в заговоре герцога Алансонского. Первая их цель состояла в том, чтобы приобщить Маргариту к делу «политиков». Герцог «употребляет всевозможные уловки и средства, лишь бы быть мне приятным, — пишет Маргарита, — и добиться такой же дружбы, какая у меня была с королем Карлом... Сочтя, что всей своей услужливостью, бесчисленными знаками покорности и любви он достаточно доказал свою привязанность ко мне, я решила ответить ему взаимностью и принять участие в его делах».

Генрих Наваррский лишь посмеивался над мимолетными увлечениями своей супруги: сам он предпочитал ворковать у ног одной из самых соблазнительных фрейлин из «летучего эскадрона» Екатерины. Ее звали Шарлотта де Сов. Как утверждал один из современников, у нее были «длинные ножки и соблазнительная попка». Аппетит ее был поистине ненасытен, она удовлетворяла и Алансона, и де Гиза, и дю Гаста, и Ла Моля, и любовника герцогини Неверской итальянца Аннибала де Коконата, или Коконаса, чье имя при одном произношении вызывало смех. Заговорщики планировали побег Генриха Наваррского, де Конде и Алансона, избрав для них в качестве убежища Седан, тогда независимое княжество. Но Генриху изменила осторожность... в постели он доверил свои секреты Шарлотте де Сов. Она известила Екатерину. Екатерина предупредила Карла, который впал в буйный гнев, обычно заканчивавшийся припадками. Он настолько не владел собой, что опрокинул стол с криком:

— Арестовать их всех!

«Дело дошло до разбирательства в суде парламента*, — пишет Маргарита, — откуда к моему брату и моему мужу отрядили комиссаров, чтобы их выслушать. Не имея никого в Королевском совете, последний попросил меня письменно изложить его ответы, чтобы случайно не навлечь неприятности ни на себя, ни на других. Провидение Божье помогло мне составить защитную речь,

* Во Франции, при старой системе, парламент, собственно, и был высшей судебной инстанцией королевства.

которой он остался очень доволен, а комиссары пришли от нее в восторг». Генрих спасен, а вместе с ним и Алансон, который, в свою очередь, заверил брата и мать, что любит их и не намерен их покидать... Оба утверждали, что не нарадуются своей жизни в Лувре. Больше того, Генрих называл клеветой выдвинутое против него обвинение, будто бы он намеревался с оружием выступить против короля и что это он глава «политиков». Ла Моль и Коконат были осуждены на смерть, тем более что у любовника Марго нашли восковую статуэтку короля, пронзенного стрелой... После пыток и казни «их тела будут рассечены на четыре четверти», которые должны быть «подвешены к четырем виселицам перед главными воротами Парижа, а их головы выставлены на башне позора на Гревской площади».

Напрасно герцог Алансонский хлопотал о помиловании Ла Моля и Коконата. На глазах у Маргариты и герцогини Неверской двухколесная повозка доставила осужденных на Гревскую площадь. Ла Моль перебирал четки, Коконат молился. Взойдя на эшафот, последний вздохнул:

— Вот видите, месье, мелких сошек казнят, а сильных мира сего, даже виноватых, не трогают.

Ла Моль прошептал:

— Господи! Пресвятая Дева Мария, помилуй мя.

И добавил:

— Я поручаю себя молитвам королевы Наваррской и других дам.

Той же ночью 30 апреля Маргарита и герцогиня Неверская сели в карету с наглухо задернутыми кожаными шторками. Экипаж остановился на Гревской площади у подножия эшафота. Пажи двух дам вручили палачу тугой кошелек. Управляющий Маргариты Жак д'Орадур выкупил головы осужденных, воздвигнутые на столбы башни позора. Набальзамировав головы своих возлюбленных, женщины сами похоронили их в часовне Сен-Мартен, «под Монмартром». Назавтра, не страшась скандала, обе дамы появились в Лувре в траурных платьях, на которых были вышиты черепа. Их ожерелья и прически также украшали символы смерти*.

* * *

Король Наваррский и герцог Алансонский большую часть времени проводили взаперти в своих покоях. «Если они и могли

* Читатель, знающий роман Александра Дюма «Королева Марго», обратит внимание на то, как сильно романтизированы судьбы Ла Моля и Коконата, связанные с судьбой Маргариты Валуй и послужившие писателю главной сюжетной линией повествования.

чем-нибудь себя занять, — рассказывает будущий герцог Сюлли, — так только тем, что пускали перепелок полетать в своих комнатах».

Хотя Генрих Наваррский и вынужден был отказаться — по крайней мере на время — от мысли о побеге, тем не менее он считал необходимым объяснить Екатерине и королю, почему у него созрело желание покинуть Париж. И опять Марго со своим пером пришла мужу на помощь. «Видя, какое недоверие Ваши Величества питают к нам, — писала она от имени мужа, — и получая множество предупреждений, все новых и новых, в том числе от людей, делавших это помимо своей воли, Месье герцог (Алансонский. — А. К.), дабы обезопасить свою жизнь, принял решение удалиться от двора, я же обещал сопровождать его и, таким образом, намеревался добраться до моей страны, как из соображений личной безопасности, так и повинуюсь необходимости навести порядок в Беарне, где за время моего отсутствия совсем забыто послушание королю. И когда мы, чтобы спасти наши жизни, пришли к решению избавить Ваши Величества от нашего присутствия, а случилось так, что Вы об этом узнали и призвали нас к своей венценосной особе для объяснений, мы не утаили от Вас ничего. Тогда Вы заверили нас, что нашей жизни ничто не угрожает и что король отдаст такие распоряжения, что впредь у нас не будет поводов для жалоб...».

Но уже через несколько часов после этого, продолжала Маргарита, «наши прежние тревоги вернулись, до нас даже дошел слух, что нас собираются заточить в Венсеннском лесу. Тогда от имени Ваших Величеств прибыл виконт Тюрен... он подтвердил нам те же причины для беспокойства и страха и нарисовал картину опасностей, которые нам угрожают...».

Несмотря на эти объяснения, оба принца оставались под несусыпным надзором. Каждый день — потом наваррец расскажет об этом — капитан гвардейцев наведывался в их жилища с зарешеченными окнами и «проверял, не прячется ли кто под кроватью». Для Екатерины это был еще и способ утверждать непрерываемость своей власти и показывать «свое умение распутывать то, что чаще всего она же сама и запутала». Узник Генрих Наваррский отныне жил одним желанием: обрести свободу.

Но теперь и Маргарита многое стала видеть по-другому, уже и ей было ясно, что жизнь ее мужа при французском дворе подвергалась все возрастающим опасностям и куда осмотнительней для него было бы покинуть Париж. Такое не могло продолжаться!

Чтобы устроить побег мужа, она придумала уловку, о которой упоминает в своих «Мемуарах»: «Так как я свободно въезжала и выезжала из Лувра и стражники никогда не заглядывали в мою карету и не требовали снять маски у сопровождающих меня

дам», королева предложила своему мужу и брату почище выбрить лицо, одеться в дамские платья, сесть в ее карету и в таком маскарадном виде покинуть двор. Они даже смогут надеть черные полумаски, как это было принято тогда у знатных, и даже не у самых знатных дам... Тем не менее для успеха операции ее следовало исполнить в два приема: «Никак они не могли договориться между собой, кто из них выйдет первым, — продолжает королева. — И в конце концов этот план пришлось отвергнуть». Сорвал его брат королевы. Снедаемый амбициями, Алансон питал тайную надежду встать во главе протестантского движения и войск. Но для этого непременно надо было пройти вперед шурина, Генриха Наваррского.

Жалкий Франсуа д'Алансон! У этого «чумазого малого с отечным лицом, мечтавшего только о войнах и бурях», талантов — никаких, зато он был достойным сыном своей матери. Этот чахоточный принц, в длинном имени которого присутствовало, столь неуместно, имя Эркюль (Геркулес), был не более чем изменник, но — увы! — без размаха Лоренцо Великолепного. В момент опасности он покидал своих друзей с вероломством, которое ошеломяло. Франсуа Алансонский прожил всего тридцать два года, два месяца и двадцать три дня, но он один успел отравить царствование Карла IX, а затем и Генриха III, больше, чем все протестанты, вместе взятые.

* * *

Карл IX, сутулый туберкулезник, с бледным лицом и мутными глазами, которые все находили «желчными и угрожающими», был поражен ужасным недугом: подкожной геморрагией. В Венсенне, ощутив приближение смерти, он призвал к своему изголовью Генриха Наваррского:

— Брат, — сказал он, целуя его, — вы теряете доброго господина и хорошего друга.

Само собой, королю наговорили о Генрихе немало дурного.

— Если бы я всему этому поверил, вас уже не было бы в живых, — признался он.

Утром 30 мая 1574 года, в новой часовне, королева-мать Екатерина и королева Елизавета молили Бога, чтобы смерть пощадила этого двадцатичетырехлетнего Валуа! Но их молитвы Карлу не помогали. От него остались лишь кожа да кости, а «колени короля были так слабы, что он уже не мог стоять». Иногда он вздыхал:

— Теперь, матушка, уж точно пришел час сказать вам «прощайте» и откланяться.

Он думал о страшных братоубийственных войнах. Сколько привидений толпилось в комнате! Все эти «забрызганные кровью

монстры» кружили в жутком танце вокруг его постели. Он звал свою кормилицу-гугенотку, дремавшую на сундуке:

— Кормилица, душечка, сколько крови! Сколько смертей! О! Сколько злых советов мне надавали!

— Сир, — отвечала ему кормилица, — смерти и кровь падут на головы тех, кто вас вынудил к ним, и на ваш злой Совет!

30 мая, в три часа тридцать минут пополудни, Карл IX испустил последний вздох и душа его отлетела в вечность.

Нового короля Франции звали теперь Генрих III... но он находился в Польше.

Часом позже некто в черном пересек двор Венсеннского замка. Это был Амбруаз Паре, который спокойно провозгласил странный диагноз:

— Король умер оттого, что слишком много дудел в охотничий рог на оленьей тропе.

Затем он произвел поразительную операцию: отделил голову от туловища короля и унес ее в аббатство Сент-Антуан-де-Шам, для вскрытия. Пока же происходило это обезглавливание, собралась огромная процессия: прах короля Карла IX перенесут из Венсенна в Сен-Дени. Пятьсот нищих, все в черном, с желтыми свечами в руках, уже ждали во дворе... и вздохнул Ронсар:

О, несчастен стократ, старый замок Венсен!
Горе парку и лесу, где приют нашел тлен!
Умер князь молодой, закрылись глаза —
Вовек не оплакать эту смерть небесам!

Похоронный кортеж медленно плыл по улицам, толпа расступалась, пропуская обезглавленное тело своего короля.

* * *

Новый король Польши уже сто двадцать дней царствовал в полупросвещенном анархическом королевстве, которое добрую часть года было объято ледяным холодом. Король довольно сносно расположился в старом краковском замке Вавель, но его многочисленные соотечественники — около пятисот человек — устроены были дурно. Они ютились в палатках, проклинали поляков и громко роптали.

Прерогативы короля Польши были настолько урезаны, что ни в какое сравнение не шли с могуществом короля Франции. Отношения с Сеймом ухудшались с каждым днем, пока не наступил час, когда Генрих, потеряв терпение, распустил депутатов по домам. Уязвленные, они заявили ему:

— О великий король, ты клятвенно обещал подтвердить наши

законы, не просто на скрижалях, но даже подписать их своей кровью, если бы это понадобилось. Сколь же несчастен сей день, когда ты отказался от своей клятвы, а мы уже никогда не сможем говорить во весь голос. Как же теперь наши сограждане встретят нас?

Денег ему не хватало: «Десять дней назад, — извещал один из послов, — польский казначей прекратил поставку вина королю. В четверг он прекратил поставку вообще всякого продовольствия, с тем чтобы денежное и продовольственное обеспечение дворца взяло на себя французское казначейство».

На следующий день после смерти Карла IX, 31 мая, Екатерина с печалью известила Генриха III о кончине «лучшего христианина, который когда-либо жил на свете. После причащения и исповеди последнее сказанное им слово было: «О матушка!» Это не могло не причинить мне крайнюю боль, и нет для меня другого утешения, чем скоро увидеть вас здесь... так как ваше королевство нуждается в вас и в вашем добром здравии, ибо если бы я потеряла вас, то приказала бы живой похоронить себя рядом с вами...».

Ехать обратно она советовала через Австрию и Италию, «так как я не думаю, что путь через Германию самый верный для вас». Генрих теперь король Франции, и немцы «найдут слишком много поводов придаться к вам...». Екатерина также рекомендовала сыну «ни в коем случае не медлить со своим отъездом из Польши... Не поддавайтесь ни на какие уговоры!» — добавляла она.

Это длинное письмо от матери достигло Генриха III две недели спустя, 17 июня 1574 года. Он был в нерешительности. Какой выбор сделать? Назначить герцога Алансонского своим преемником в Польше или, еще проще, отдать ему пост главнокомандующего в Кракове? Но ненависть к младшему брату была так велика, что решение так и не было принято. Быть может, он вспоминал мудрое наставление Филиппа Красивого: «Взвесьте эти слова: что значит быть королем Франции!» Да, самое важное сейчас — как можно скорее вернуться в Париж. Опасаясь, как бы его против желания не удержали поляки, он решил бежать из Кракова тайно. Ночью 18 июня, после короткого сна, он встал, камердинер дю Альд помог ему быстро одеться, Вилькье, дю Гаст и трое других близких друзей доложили, что у городских ворот ждут оседланные кони. Вилькье и дю Гаст без малейшего чувства стыда сунули за пазуху изумруды польской короны. И — в путь! Да во весь опор! Беглецов почти настигла татарская конница, посланная палатинами в погоню, но Генриху удалось пересечь австрийскую границу в Плесе. Здесь замертво пал его конь.

Он был спасен. Ему было двадцать три года, он стал королем

Франции и вот-вот опять наконец обнимет свою любимую Марию Конде, чтобы, добившись отмены ее брака, наконец жениться на ней.

* * *

В то же примерно время, 22 июля 1574 года, муж Маргариты попытался удрать из Парижа на лодке, которую к самым стенам Лувра подогнал один из его родственников, внебрачный член семейства Бурбонов. Но у Екатерины на заговоры был особый нюх. Еще одна неудача, и клещи пуще прежнего сжались вокруг наваррского короля. Теперь и Марго хотела покинуть двор. Как отреагирует Генрих III на все эти события, от сговора его брата и шурина до смерти Ла Моля и Коконата? Ведь они ясно покажут новому королю Франции, что молодая королева Наваррская, невзирая на обещание, которое дала королю Польши при прощании в Бламоне, на самом деле несколько не озаботилась его интересами.

Как далека была теперь та давняя встреча в Плесси-ле-Тур, которая, подарив им короткую духовную близость, заставила переступить и моральные нормы!.. Невозможно отрицать и то, что теперь Маргарита взяла сторону герцога Алансонского. Вот почему в ее душе царил смятение, когда вместе с мужем и королевой-матерью она выехала навстречу своему венценосному брату.

6 сентября 1574 года, спустя два с половиной месяца после своего отбытия из Кракова, Генрих III въехал во Францию. Сначала он предавался развлечениям в Австрии, затем задержался в Венеции, где покупал духи — лишь на мускусные благовония было истрачено 1 125 экю! — и открыл для себя необыкновенный прибор, во Франции еще не известный, — столовую вилку с четырьмя зубцами.

Екатерина ждала прибытия любимого сына в Лионе. Навстречу новому монарху разрешили выехать также Алансону и королю Наварры. Три принца крови сошлись на мосту Бовуазен. Генрих III раскрыл объятия своему брату и шурина и обнадежил их: прошлое будет забыто. Все трое медленно потрусили в Лион, ведя приятную беседу. Генриху III было известно, что когда-то горячо любимая сестра теперь в рядах сторонников герцога Алансонского. Как встретит он свою сестру?

Когда в тот же день, 6 сентября, в пятом часу вечера, Маргарита предстала перед братом, она чуть не лишилась чувств. «Меня стал бить такой озноб, — рассказывает она, — такая дрожь прошла по всему телу, что стоило большого труда это скрыть». А Генрих заверил, что счастлив ее видеть и обнять. Как будто все позабыто.

Вся следующая жизнь нового суверена будет омрачена трагическим событием, которое произойдет 30 октября 1574 года: принцесса де Конде разрешилась мертворожденным ребенком и скончалась несколько часов спустя. Никто не осмелился сообщить об этом Генриху III, и траурное сообщение замешали в стопку писем, которые доставлялись ему по утрам. Прочитав фатальную новость, он целую минуту, как оглушенный, не мог произнести ни слова и, став мертвенно бледным, упал в обморок. Засуетились врачи... Им потребовалось долгих четверть часа, чтобы привести короля в чувство. Придя в себя, он испустил страшный вопль, стал биться головой о стены, «стена, царапал себя». Решив затем придать официальный характер своему горю, Генрих оделся во все черное и заказал десятки траурных одежд. Даже на его туфлях появились черепа. Много раз на дню он уединялся в часовне и часто посещал монастыри и церкви.

* * *

Какой контраст отныне являет нашим глазам жизнь двора Валуа! Легкомысленные развлечения, тон на которых задавал разодетый женщиной король, с серьгами в ушах, перемежались серьезными и драматическими событиями, в ходе которых всеми осмеянный и никем не понятый Генрих III сумел сохранить и передал наваррцу свое королевство могущественным и единым.

Генрих III и в самом деле — настоящая находка для историков. В зависимости от их настроений, вкусов, любви к парадоксам, политических убеждений, склонности шокировать прошлым либо восстанавливать утраченную истину они могут, основываясь на одних документах и оставляя без внимания другие, набросать сколько угодно совершенно правдивых или, по крайней мере, правдоподобных портретов последнего Валуа*.

Нужно признать, что беспристрастный историк часто бывает озадачен, пытаясь сопоставить свидетельства эпохи. Один из хронистов представляет нам Генриха как «влюбчивого вояку», другой настаивает на версии «кроткого короля», уподобляя его «юноше, всецело поглощенном женщинами», третий рисует портрет «неукротимого и мужественного солдата». Это человек, писал посол Испании королю Филиппу II, «истощенный близостью со слишком большим числом женщин». Но это же и государь, «при-

* Жан Эритье дал лучший диагноз: «Генрих III, ярчайший тип изменчивой и вырождающейся натуры, удивительное сочетание королевского величия и личной ничтожности, постоянно ускользает от историков, чтобы сделаться предметом исследования исключительно психологов и психиатров». (Прим. авт.)

ятный в беседе, любитель книг». И, наконец, — тут мы приближаемся к наиболее распространенному и наименее льстивому портрету — Генрих III после смерти принцессы де Конде: надушенный франт в неизменных перчатках, засыпающий со своими собачками посреди океана подушек: комичный король во взъерошенном плюмаже, сверкающий десятками перстней!

Но этот игрок в бильбоке* умел также, и на этот счет не может быть никаких сомнений, в нужный момент становиться государственным деятелем и, страдая, с грустью наблюдать раздор в своем королевстве, получившийся в результате бесконечной религиозной войны.

* * *

Прежде чем уехать из Лиона, двор отправился в Авиньон. Во вторник, 16 ноября 1574 года широкая баржа, на которой плыли король и королева Наваррские, потерпела крушение на Роне, у Пон-Сент-Эспри. Генрих и Маргарита остались невредимы, но от тридцати пяти до сорока человек, плывших вместе с ними, утонули. Рассказывая об этом событии, Пьер де л'Этуаль уделяет гораздо больше внимания пропаже изумительной мебели Маргариты, нежели тем несчастным, которым не удалось спастись.

11 февраля 1575 года Маргарита присутствовала на коронации Генриха III в Реймском соборе. Церемония, согласно обычаю, продолжалась долгих пять часов. А спустя два дня король женился на очаровательной крошке Луизе де Водемон, которую, уезжая в Польшу, заметил в Нанси и которая не знала теперь, как и выразить ему свою признательность. В самом деле, наименее приметнейшая во французской истории королева всю свою жизнь пребывала в столбняке от упавшей на ее голову короны Франции. В день свадьбы Генрих сам наряжал свою жену, разглаживал складки ее одежды, причесывал, накладывал на лицо макияж. Он снова и снова все начинал сначала и делал это так тщательно, что мессу пришлось перенести на более позднее время... За это парижане прозвали своего короля «укладчиком воротничков и завитушек королевых».

* Билья (мяч) был изобретен парижским столяром Боке.

Глава VIII

«Я НЕ ХОЧУ НИЧЕГО ДРУГОГО, КРОМЕ ВАС»

Неисправимая Маргарита на короткое время стала любовницей весельчака и дуэлянта по имени Сен-Люк. Но как только в Реймсе, на коронации Генриха III, она заметила могучего и обворожительного Луи де Клермона Бюсси д'Амбуаза, она опять влюбилась до самозабвения. Он также увлекся этой молодой, но уже легендарной женщиной и старательно слагал в ее честь трогательные стихи:

Мои глаза не видят, если устремлены не на вас,
Мое сердце не бьется, если ваша красота
Его не согревает.

Я не хочу ничего другого, кроме вас,
Моя жизнь — как темная ночь,
Если в ней нет света вашей любви.

Этого высокомерного бретера, по любому поводу выхватывавшего шпагу, причисляли к знаменитым «миньонам» Генриха III, тем самым, коих Маргарита называла поклонниками «грязного блуда», ибо сама она вполне вписывалась в рамки морали: в те времена любвеобильность не считалась развратом и даже не воспринималась как порок. А кровосмешительство было грехом молодости...

Итальянские дипломаты при дворе прозвали миньонов, которые, как и фаворитки, посыпали свои волосы голубой, фиолетовой или розовой пудрой, особым словечком: *favoritii*. Были ли они на самом деле возлюбленными короля или герцога — ведь за Алансоном их ходило по пятам ничуть не меньше, чем за королем? До какой черты доходила их противоестественная любовь? И к кому же в действительности, Франсуа или Генриху, относятся строки Филиппа Депорта:

Уж не женщина ль он, сей кудрявый миньон?
Для него вы — «сердечко», для вас «душечка» — он.

Где кончается реальность и начинается легенда? Кем считать хронистов того времени — историками или памфлетистами? Нельзя упустить из виду и столь немаловажное обстоятельство, что обвинения против Генриха III и его миньонов, использовавшиеся в политических целях, почти целиком исходили от сторонников Гиза или «лигистов». Однако бесспорно одно: эти надушенные, напомаженные господа отлично владели шпагой и не дрогнув пускали в ход кинжал. Многие из этих модных молодых людей, которые никогда не надевали дважды одну и ту же рубашку, «считая, что выстиранное белье им уже не по размеру», были отъявленные драчуны, бравировавшие презрением к чужой — да и к собственной — жизни, когда от них требовалось встать стеной за своего короля или князя.

Но вернемся к забияке Бюсси, который зажег в сердце Маргариты новый пожар. Для нее «его храбрость была беспредельна». Вот чем питалась эта великая страсть!

Не стеснялся в признаниях и Бюсси:

Нет ни неба, ни ночи, ни дня
Без ваших глаз голубого огня.
Небо, солнце — вы все для меня...

Между Бюсси, новым увлечением Маргариты, и дю Гастом, не переставшим шпионить за ней, возникла взаимная ненависть. Последний подослал пять наемных убийц, чтобы устранить любовника Марго. Раненный в ходе этого боя в руку*, Бюсси тем не менее отбилсЯ от нападающих, и снова в честь возлюбленной полились стихи:

Как бы ни желал я отомстить,
Ранить, обесчестить иль убить,
Принести вам кровь моих врагов, —
Знаю я, что никакая месть
Не воздаст вам должное за честь,
Страх всегда преследует любовь.

В конце концов неукротимый дух, неистощимая и бесстрашная бравада Бюсси надоели королю, а его неумемное честолюбие вызвало даже ревность.

— Уж это чересчур! — воскликнул король, наблюдая из окна, как добрых две сотни дворян с веселым гиканьем сопровождали Бюсси — ни дать ни взять почетный эскорт.

* На самом деле, когда дю Гаст подстроил это покушение, Бюсси уже носил правую руку на перевязи: накануне он был ранен на дуэли с Сен-Фалем, что подтверждает в своих «Мемуарах» Маргарита.

И баловню короля было приказано покинуть Париж. Перед тем как исполнить его волю, любовник Маргариты попросил Брантома поклониться его даме, в честь которой «он носил два доказательства своей преданности, одно на шляпе, другое на груди»: после боя с наемными убийцами его рука висела на перевязи, сделанной из подаренного возлюбленной шарфа.

Что до Алансона, то и он жил одной мечтой: покинуть двор и бежать в герцогство Анжуйское. 15 сентября 1575 года закутанный в плащ человек с изрытым оспой лицом преспокойно вышел из Лувра, добрался до ворот Сент-Оноре, где стояла карета, а оттуда — до аббатства Сен-Жермен-де-Пре, где его ждал верный Бюсси. Монастырская ограда в то время была составной частью городской стены. Через проделанную в ней дыру Алансон выбрался из города и поскакал в направлении Эвре. Несколько дней спустя он был уже на берегах Луары.

Генрих III приказал искать его в апартаментах у дам, все были подняты по тревоге, однако в конце концов пришлось признать: брат короля ускользнул из Парижа. Владетельным господам приказали сесть на лошадей и привезти беглеца «живым или мертвым». Но все напрасно.

Маргарита разыграла настоящую комедию, чтобы убедить короля и мать, что к побегу младшего брата она не причастна. Она заперлась в своих покоях и рыдала... Невозможно было подступить к ней с расспросами: у нее даже поднялась температура и держалась несколько дней кряду.

Настроение Генриха III было прескверное. Алансон, его брат — и к тому же наследник престола — встав во главе протестантской армии, придаст коалиции видимость законности и легитимности.

Что касается супруга Марго, остававшегося узником Лувра, то он продолжал свои шашни с Шарлоттой де Сов, чьи «упругие белые груди так приятно щекотали мужскую ладонь». Но не менее сладостные минуты переживал Генрих Наваррский и с девицей Руэ, фрейлиной королевы. По словам одного из современников, Екатерина приказала этой молодой изворотливой плутовке «разжигать его влюбчивость и удовлетворять все его прихоти». Королева-мать была убеждена, что это лучший способ заставить Генриха позабыть о серьезных делах. Да он и сам теперь не выказывал желания присоединиться к Алансону. Наблюдая отстраненно за головокружительными любовными похождениями Маргариты, он даже не пытался ей помешать. Он так научился скрывать свои чувства, что пытался провести своими притворными вздохами даже своего друга и оруженосца, протестанта Агриппу д'Обинье. И однажды Агриппа не выдержал:

— Что я слышу, сир, — воскликнул он, отдернув балдахин

королевской кровати, — неужто Святой Дух еще не покинул вас? Вы жалуетесь Богу на то, что ваши друзья не с вами. Между тем они живут с оружием в руках, тогда как вы проливаете бессильные слезы. Они клянутся побить ваших врагов, тогда как вы этим врагам служите; они им внушают чувство страха, тогда как вы им угодливо льстите! Они на коне, вы — на коленях... Вы преступно расточаете свое королевское величие и покорно глотаете наносимые вам обиды. Тем, кто устроил Варфоломеевскую ночь, это более чем лестно.

И Агриппа заявил, что намерен бежать из Лувра:

— Помните, сир: те, кто будет служить вам после нас, не колеблясь прибегнут к яду и ножу.

И хотя все это было сказано в сердцах, зловещее предсказание вполне могло сбыться. И Генрих Наваррский не мог этого не знать. Однако он все еще колебался. Конечно, в Лувре он король понарошечный, но намного ли лучше оказаться в провинции — на вторых ролях после герцога Алансонского или кузена Конде, которому тоже удалось бежать, — признанных вождей протестантского дела? Если уж на то пошло, не лучше ли ему возглавить третью партию, которая уже нарождается во Франции? Однажды он скажет об этом с надеждой — и с оптимизмом:

— Может статься, что различие между двумя религиями не столь велико, как кажется из-за вражды между теми, кто их исповедует. Когда-нибудь настанет день, и данной мне властью я постараюсь их примирить.

Осталось лишь дожить до этого дня.

* * *

Фаворит Генриха III дю Гаст — командир полка королевской гвардии, один из самых свирепых убийц в ночь святого Варфоломея, — называл Марго не иначе как «королевой шлюх». Она в свою очередь прозвала его Тыквой, — он был ужасно толст. Однажды, надеясь помириться с Маргаритой, он сам доставил ей письмо короля.

«При его появлении, — сообщает Брантом, — она впадала в неопишемый гнев», который даже и не пыталась скрыть. В этот раз она ему заявила:

— Ваше счастье, дю Гаст, что вы предстали передо мной с письмом от моего брата, который вам покровительствует, ибо я люблю его так сильно, что чистосердечно доверяю ему во всем. Иначе я наверняка поучила бы вас, как следует разговаривать с урожденной принцессой, сестрой ваших королей, господ и суверенов.

Сообразительная мадам де Дампьер попробовала все уладить. Почему бы ей не помириться с дю Гастом? Разве это не благоразумно? Маргарита гордо вскидывала свою красивую голову:

— Мадам де Дампьер, ваши советы годны только для вас, ибо вы нуждаетесь в покровительстве, удовольствиях и милости. Мне же, дочери короля, сестре королев Франции и супруге короля, они ни к чему.

Дальнейшее повествование требует от нас вывести на сцену двух новых персонажей. Прежде всего друга и сообщника дю Гаста — Филиппа де Вольвира, маркиза де Рюффе, которого близкие и знакомые звали «толстяк Рюффе». И нового любовника Марго, коим, после отъезда Бюсси в Анжу, стал Шарль Бальзак д'Антраг по прозвищу «красавчик Антраг». Еще один бесшабашный дуэлянт и еще одна безоглядная любовь Марго.

Двор снова остановился в Лионе; Антраг болел и из дому не выходил; а дом его находился рядом с аббатством святого Петра. Как-то раз королевская карета, полная приближенных, среди которых были также король Наваррский и толстяк Рюффе, проезжала мимо. «Увидев, что моя карета стоит пустая, — рассказывает Марго, — барон Келюс* повернулся к моему мужу и сказал:

— Вон там коляска вашей жены, а вот это дом Биде — иначе говоря, д'Антрага... Держу пари, она у него.

Генрих III, продолжает свое повествование Маргарита, «приказал толстяку Рюффе, другу и порученцу дю Гаста в подобного рода плутнях, пойти в дом и проверить; никого там не обнаружив, однако не желая разочаровывать короля, он громко заявил, обращаясь к моему мужу:

— Птички были там, но уже улетели.

«Зубоскальство не прекращалось всю дальнейшую дорогу». Генрих Наваррский лишь пожимал плечами в ответ: он не был убежден, что «птички были в гнезде». И в самом деле, как выяснилось, Маргарита в это время молилась в церкви аббатства святого Петра. Тем не менее Генрих III пребывал в уверенности, что сестра его проводит время в объятиях д'Антрага, сказывайся он хоть тысячу раз больным... Своей уверенностью он поделился с королевой-матерью, и та приказала дочери явиться. Об этом Маргарите со смехом объявил ее муж:

— Идите к королеве-матушке. Я убежден, что от нее вы вернетесь разгневанная.

Маргарита изумилась: чего от нее хотят? Генрих Наваррский пояснил:

* Миньон Генриха III; смертельно ранен на дуэли в 1578 году, описанной в романе А. Дюма «Графиня де Монсору».

— Да так, маленькие хитрости, чтобы поссорить нас с вами, а заодно уж и испортить ваши отношения с герцогом Алансонским*.

Сознавая, что мне по этому поводу сказать больше нечего, — пишет в «Мемуарах» Маргарита, — я отправилась к королеве-матушке. Войдя в зал, я застала там месье де Гиза, который, зная от моего мужа, какой в нашем доме может воцариться разлад, не только не опечалился, а, напротив, обрадовался возможности воспользоваться этим в своих интересах. Мне он сказал:

— Я поджидал вас здесь, чтобы предупредить, что королева приготовила вам хорошую взбучку...

Я увидела мадам де Немур с другими фрейлинами, которые тоже сказали мне:

— Мадам, ваша мать, королева, в таком гневе, что мы советуем вам к ней не ходить.

Несмотря на их предупреждения, Маргарита вошла в кабинет матери и, как могла, защищалась от навета: она молилась в аббатстве святого Петра, причем не одна, а в сопровождении десяти — двенадцати персон. У любого из них можно спросить, так ли это. Почему бы, например, не осведомиться у мадемуазель де Монтиньи и мадам де Лианкур, «которые зависят только от короля»?

Но королева-мать, «не умеющая слушать правду, зато желавшая угодить своему сыну королю, который все больше становился для нее идолом», отмела все объяснения дочери и закатила ей бурную сцену. Ее итальянский темперамент вновь вырвался наружу.

Тем временем Генрих III, опросив тех, кто сопровождал Маргариту на мессу, убедился, что по вине толстяка Рюффе произошла ошибка. Королева-мать после того объяснения с королем поспешила принести Марго свои извинения. Так до поры до времени буря сменилась полным штилем...

Очередное происшествие отдалило друг от друга короля Наваррского и Марго. Генрих III потребовал, чтобы шурин отослал горничную своей жены, некую Жигонну де Ториньи, у которой, по его сведениям, была дурная репутация. Однако королева Наваррская очень привязалась к ней и ценила ее услуги. Тем не менее под воздействием Шарлотты де Сов, которая выполняла волю Екатерины, Генрих уступил просьбе короля. Вне себя от гнева, Маргарита рыдала:

* Герцог Алансонский был любовником Шарлотты де Сов, так же как и дю Гаст, и «много других сеньоров», причем, по свидетельству Маргариты, все это происходило одновременно.

— Я больше не могу полагаться на мужа как на близкого мне человека!

В «Мемуарах» эту историю она заключила так:

«Больше мы не спали в одной комнате и не разговаривали друг с другом».

Но теперь уже и Генриху Наваррскому приходилось преодолевать немалые трудности, чтобы встречаться со своей возлюбленной Шарлоттой де Сов. Ему чинились препятствия по приказу короля, а король действовал по наущению дю Гаста. Шарлотте удалось убедить Беарнца, что все это происки Марго — это она стремится их рассорить. «Эта женщина, — объясняет Маргарита в «Мемуарах», — чтобы лучше разыграть свою роль, убедила моего мужа в том, что я его к ней ревную и что именно поэтому я встала на сторону брата. Мы легко верим тому, что говорят нам люди, которых мы любим. Мой муж принял все это за чистую монету и отдалился от меня, а потом и вовсе начал меня избегать, чего раньше никогда не бывало. Какие бы фантазии ему ни приходили в голову, прежде он говорил со мной совершенно свободно, как с сестрой. Он знал, что ревновать я совсем не умела и желала лишь одного — чтобы он был доволен».

Но, может быть, и Генриху Наваррскому хотелось, чтобы была довольна его дорогая женушка? Как бы там ни было, дю Гаст, который неусыпно шпионил за Маргаритой, делал это по поручению не мужа, а короля. Поведение королевского фаворита по отношению к королеве Наваррской стало просто оскорбительным. Он даже позволял себе пройти мимо, не здороваясь. Оскорбленная и преисполненная ненависти, Марго решила уничтожить своего врага.

Да, такие нравы царили при дворе последних Валуа. Маргарита не раз видела насильственную смерть, вокруг нее совершалось столько убийств, что она ни на минуту не задумалась о том, правильно ли поступает.

Прежде всего королева Наваррская навела справки, какой образ жизни ведет дю Гаст. При нем всегда находилась охрана, вокруг всегда увивались несколько раболепствующих дворянчиков — прямо-таки как настоящая свита. Из-за серьезной болезни кожи дю Гаст ежедневно принимал паровые ванны в своем доме на улице Сент-Антуан, рядом с Лувром. Проведя несколько часов в клубах ароматного пара, обсушенный, с посвежевшей кожей, прямо из лечебницы он направлялся в соседний дом к своей любовнице. Для этого даже не надо было выходить на улицу: в общей стене обоих домов была проделана дверь.

Превратившейся в Мессалину Маргарите оставалось лишь подыскать наемного убийцу. Поговорив с герцогиней Неверской, той самой, что была любовницей Коконата, Маргарита выяснила, что в таких делах ее подруга — весьма сведущий человек. Герцогиня указала ей на замечательного убийцу — если только такое слово можно применить к человеку подобной профессии. Когда-то под горячую руку он уколошил одного из миньонов Генриха III по имени Алегр и с тех пор был вынужден прятаться, найдя приют в монастыре Блаженных Августинцев. Звали его барон де Вито. Друзья пробовали вымолить для него прощение у короля, но безуспешно: воспротивился дю Гаст.

Ночью 29 октября 1575 года в монастырской часовне Маргарита встретила с незадачливым дуэлянтом. Она была в маске:

— Дю Гаст уверял короля, что вы имели намерение посягнуть также на жизнь Его Величества.

Само собою, кругленькая сумма перекочевала в руки барона, но — мало того — Марго тут же, на выщербленных плитах церкви Блаженных Августинцев, сама отдалась убийце. Так по крайней мере утверждает один современник*. Зная Маргариту, мы уже ничему не удивимся...

Через два дня, в канун праздника Всех Святых, Вито с четверкой наемных убийц забросил веревочную лестницу и через окно проник в дом дю Гаста на улице Сент-Антуан. Тот только что вышел из ванной комнаты. Он успел схватить палицу, висевшую у изголовья кровати, но убийцы набросились на этого великого врага Маргариты и закололи его четырьмя ударами шпаг и кинжалов.

Покидая дом, барон де Вито столкнулся лицом к лицу с супругой дю Гаста — и хладнокровно вытер окровавленную шпагу о подол ее платья. После этого убийства он бежал в Анжер, где присоединился к армии герцога Алансонского.

Когда до Марго, прикованной к постели болезнью, дошло известие о смерти этого «гения ненависти и раздора», которого она же и приговорила к смерти, с ее уст сорвалось:

— Это десница Божья его покарала! Как жаль, что я нездорова, а то бы на радостях отпраздновала его смерть!

В «Мемуарах» она вспомнит этого человека, чье «тело было во власти всевозможных пороков и потому тленье коснулось его задолго до смерти, а душа была во власти демонов, которым он постоянно поклонялся посредством магии и прочими нечестивыми способами».

* Это свидетельство приводит Жак-Огюст де Ту (1543—1618) в своей книге «*Historiorium mei Temporis*». Вслед за ним Мишле приводит этот факт уже как достоверный. (Прим. авт.)

В это самое время король Наваррский тоже решился на побег. Но он совершил роковую ошибку, доверив свою тайну нескольким ближайшим друзьям, среди которых оказался предавший его Фервакес. Это был урок на будущее. А 1 февраля 1576 года он все же исчез из Лувра. Была поднята тревога, кто-то клятвою заверял, что его только что видели с ключами в руках, Генриха искали повсюду... а он, улыбающийся, насмешливый, как ни в чем не бывало наутро появился у своей жены в охотничьих ботах, будто бы сию минуту вернулся с охоты. После первой удачной попытки можно было переходить к действию. 3 февраля Генрих Наваррский сообщил, что отправляется охотиться на оленей в Алаттский лес, севернее Санлиса. Маргарита ни о чем не догадывалась. На охоту его сопровождали капитан и лейтенант королевской гвардии. На следующее утро д'Обинье и Роклор присоединились к своему господину в предместье Санлиса. Агриппа д'Обинье сообщил, что накануне присутствовал при отходе короля Генриха III ко сну:

— Сир, королю все известно от Фервакеса. Возвращение в Париж — для вас дорога смерти и позора; все другие ведут к жизни и славе... Для вас настало время вырваться из когтей тюремщиков и слиться с вашими настоящими друзьями и верными слугами.

И Генрих отбросил сомнения: хватит увертываться от судьбы. Обоих гвардейских офицеров отправили в Лувр, приказав скакать галопом и доставить Генриху III послание, текст которого до нас не дошел. Похоже, в нем наваррец объяснял своему шурина, что ему стало не под силу выносить «гадости и унижения, которым он подвергался». Он предпочел вернуться в свою Наварру. И Генриху III пришлось с этим смириться: куда важнее было превратить наваррца в своего союзника, чем во врага. Тем не менее он приказал приставить стражу к сестре на случай, если ей придет в голову отправиться вслед за мужем.

Королева Наваррская была глубоко уязвлена побегом мужа, который не только утаил от нее свои намерения, но и поспешил вернуться в протестантскую религию, от которой отрекся в день святого Варфоломея. Вот до какой степени он от нее отдалился! Однако несколько дней спустя Марго получила от беглеца письмо, в котором тот просил извинить его за то, что покинул Лувр, не поставив ее в известность, — и лицо королевы опять озарилось улыбкой. Улыбка стала бы еще лучезарнее, знай Марго о том, что сказал ее муж, пересекая Луару:

— О двух вещах, оставленных в Париже, я сожалею: о мессе и о моей жене. Хотя без первой я попробую обойтись. Но вот без второй не смогу — я должен скорее ее увидеть.

Но бедную Маргариту продолжали содержать под стражей, тем более что Генрих III, уверенный, что сестра его знала об отъезде мужа, «обрушил на меня весь пыл своего гнева, — вспоминала Маргарита. — Если бы его не удержала королева-мать, он сотворил бы в отношении меня какую-нибудь жестокость». По распоряжению короля гвардейцы взяли в оцепление покои его сестры. Королева жаловалась брату на дурное обращение и просила разрешения как можно скорее отправиться вслед за мужем.

— Поскольку король Наваррский снова сделался гугенотом, — отвечал ей Генрих III, — я нахожу вашу поездку к нему невозможной. Все, что мы делаем, королева-матушка и я, все это ради вашего же блага. Я хочу объявить войну гугенотам и искоренить эту презренную религию, которая причинила нам столько горя... Кто знает, не желают ли они отнять у вас жизнь, чтобы поквитаться за то зло, которое теперь я намерен им причинить? Нет! Вы никуда не уедете!

Маргарита, писавшая свои «Мемуары» много лет спустя, приплетает к делу и дю Гаста, позабыв, по опрометчивости, что он был убит по ее же приказу тремя месяцами раньше...

* * *

Уже одно присутствие Генриха Наваррского среди протестантов вновь разожгло тлевшее пламя давнего конфликта. Победа Генриха де Гиза при Дормане 11 октября 1575 года* — в этой битве он был ранен выстрелом из аркебузы и, кроме того, после нее у него на щеке остался шрам на память. Это не помешало немецким рейтарам, которых поддерживала Англия, присоединиться к брату короля, под рукой у которого была теперь настоящая армия. Алансон пересек Луару, и Генриху III пришлось согласиться на переговоры.

Екатерина, сопровождаемая неизменным эскадроном фрейлин и магами, прихватив на этот раз и Маргариту, отправилась на свидание со своим сыном Франсуа. Их встреча состоялась в замке Шатенэ, около Санса. Напрасно «летучий эскадрон» пускал в ход все свои чары, напрасно и Марго осыпала ласками младшего брата, — герцог Алансонский остался непоколебим. Королю пришлось принять его условия. 6 мая 1576 года Генрих III со слезами на глазах подписал условия мира.

Протестантам гарантировалась безопасность их культовых

* В этой битве Генрих де Гиз разгромил немецких рейтаров, прибывших во Францию по призыву Франсуа Алансонского (к тому времени уже носившего титул герцога Анжуйского).

учреждений и реабилитация жертв Варфоломеевской ночи. Королю Наварры был добавлен титул правителя Гиени*. Но главным триумфатором был, конечно, герцог Алансонский, который наконец получил свой удел: помимо герцогства Анжуйского — с этого момента он и стал носить этот титул, — Турень, Мэн, Берри и годовое довольствие в размере сто тысяч золотых экю. Бюсси он назначил своим правителем в Анжере.

У Франции опять появился Карл Смелый**.

Побежденному королю пришлось взять на себя все расходы минувшей кампании. Только рейтары Казимира, сына курфюрста Пфальца, обошлись короне в двенадцать тысяч ливров, и, чтобы оплатить этот сущий пустяк, Генрих III вынужден был отослать во Флоренцию, в залог, свои драгоценности.

Мир, прозванный Уместным, стал всего лишь довеском к Мадридскому договору***.

Никогда еще тихая Турень не видела такого печального лета! Тот, кому суждено было стать ее последним удельным князем, въехал в Тур, свою столицу, 28 августа 1576 года. Герцог Франсуа Анжуйский, естественно, без малейшего смущения созерцал триумфальную арку у въезда в город со статуями Кастора и Поллюкса****, в чертах которых угадывались Генрих Французский и Франсуа Анжуйский. Поверх их голов сияла «яркая, разлетающаяся стрелами лучей звезда, символ их братской дружбы и единоволия, решимости строго карать всех возмутителей мира и гражданского покоя».

И вот когда «возмутитель гражданского покоя» приближался по парадной аллее, в толпе кто-то «весьма искусно воспроизвел сначала трель соловья, потом пение разных других птиц». У туренцев своеобразное чувство юмора: возможно, песнь насмеш-

* Гиень — старинное название английских владений в Аквитании, исторической провинции Франции.

** Карл Смелый (1433 — 1477), герцог Бургундии, самый опасный противник Людовика XI, которого он однажды взял в плен. Всю жизнь стремился воссоздать старинную Лотарингию, чтобы отделить Францию от Священной Римской империи, но в конце концов потерпел неудачу и был убит при осаде Нанси.

*** Мадридский договор был подписан в 1526 году между императором Священной Римской империи, королем Испании Карлом V и королем Франции Франциском I, плененным при Павии. Франциск обязывался уступить Карлу V все свои завоевания в Италии, Фландрию, Артуа и Бургундию и вдобавок жениться на сестре императора. Освободившись такой ценой из плена, Франциск немедленно денонсировал унизительный договор.

**** Кастор и Поллюкс, братья-близнецы, которые в греческой мифологии считались богами гостеприимства и покровителями атлетов.

ника дрозда прозвучала как раз в тот момент, когда новый герцог Анжуйский проходил под бандеролью, надпись на которой гла-сила

...увенчан славою земель,
Чьей доблести ты господин отныне.

Доблести!.. Франсуа сделался господином четырех самых богатых провинций королевства только ценою предательства.

6 декабря 1576 года король в окружении королевы-матери, своей супруги и сестры-королевы, председательствовал на ассамблее Генеральных Штатов, проходивших в Блуа. На Маргарите было оранжево-черное платье, «усыпанное множеством блес-сток...», и «большая, придающая ей таинственную величавость, вуаль». По свидетельству Брантома, она привлекала к себе «боль-ше внимания, нежели важные речи короля»... Осыпанному ми-лостями новому герцогу Анжуйскому не оставалось ничего дру-гого, кроме как поддержать политику своего брата Генриха III и объявить себя врагом протестантов, благодаря которым, однако, он только что добился своего удела! Генеральные Штаты — в них представлен был всего один депутат-протестант, от дворянства Сентонжа, — выдвинули требование, чтобы отныне во Франции существовала лишь одна, единая, религия. Голосование было предрешиено — отправление культов реформированной религии опять попало под запрет, снова объявлены были гонения на свя-щенников и пасторов, впавших в ересь.

По настоянию короля, от пения *Te Deum* решено было воз-держаться. Когда он подписывал мир, на глазах у него блестели слезы.

* * *

Между тем заговорщик Генрих Наваррский не прекращал своих перелетов от одной любовницы к другой; и все же Марго ему не хватало. Будучи узником в Лувре, он привык к продол-жительным беседам со своей супругой. Она, признавал навар-рец, — «само воплощение ума, осторожности и опыта», и до-бавлял:

— От нее зависело многое. Что бы ни замышляли против меня ее мать и сварливые братцы, перед силой ее мнения им приходи-лось отступать. С другой стороны, ее красота придавала мужества и мне!

Оказавшись во главе кальвинистов, герцог Анжуйский чуть ли не получил полкоролевства... А нельзя ли получить все, побив их? Без малейших угрызений совести он принял на себя коман-

дование королевской армией и открыл военные действия против своих бывших друзей, начав с осады Ла Шарите.

С высоты крепостных стен гугеноты распевали насмешливую песенку о герцоге Анжуйском:

Тщетны все осады и подкопы,
Пушки бессильны против Ла Шарите,
Глад и чума вас уморят в окопах,
В ком нету веры, тому милосердия нет*.

Однако голод и мор раньше сразили осажденных. Протестантский город капитулировал 1 мая 1577 года.

А две недели спустя в замке Плесси-ле-Тур закипела подготовка к торжествам в честь победы, одержанной братом короля. Безумие овладело французами. На шестьдесят тысяч ливров — сумма по тем временам нешуточная — накоплено было зеленого шелка, и в эту шутовскую униформу обрядились все — женщины, переодетые мужчинами, мужчины, переодетые в дам...

Теперь, когда наступил мир — точнее, перемирие, — Маргарита вновь получила подтверждение от мужа, что он весьма рассчитывает на ее приезд: «он всегда извлекал немалую пользу из нашей дружбы». Присутствие в Нераке сестры короля Франции, разумеется, придало бы Генриху Наваррскому дополнительный вес. Королева Марго становилась в некотором роде разменной монетой политической игры. Вот почему Генрих и отправил к своему шурину-королю гонцов, уполномоченных потребовать у него разрешения на отъезд Маргариты Наваррской. Но Генрих III опять запретил сестре покидать Лувр.

— Я отдавал ее за католика, а не за гугенота, — заявил он мрачно.

Это была неправда: наваррец отрекся от протестантской веры уже после свадьбы, наутро после Варфоломеевской ночи. И Генрих Наваррский не прекращал настаивать: он хочет видеть свою супругу подле себя! В итоге Генрих III пошел на шантаж: перед Маргаритой лишь тогда откроются двери Лувра, когда король Наварры вновь обратится в католическую веру. А молодая королева убеждала мать и брата-короля, что для нее «оставаться в Лувре неразумно ни по соображениям смысла, ни по соображениям приличий».

— Ибо раз я здесь торчу, мой муж может решить, что я веду здесь разгульную жизнь.

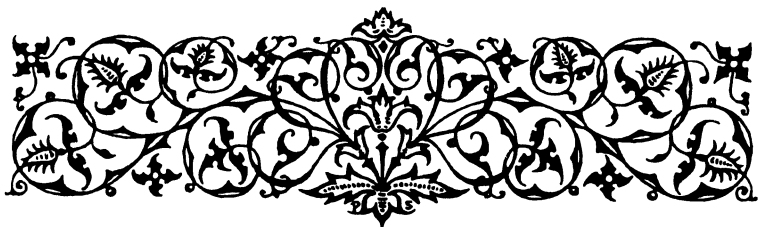
Собственно, не так уж это было и далеко от истины... Но дело касалось принципов, и разговор шел на повышенных тонах:

* Здесь игра слов: название города Ла Шарите переводится как «милосердие».

— Я вышла замуж не удовольствия ради и вообще не по своей воле. Раз уж вы предназначили мне в мужья короля Наварры, то вы не можете помешать мне разделить с ним его судьбу. Я хочу отправиться к нему! А если вы мне не позволите, я просто однажды исчезну, положась на Провидение.

— Ну полно, сестра, — холодно ответил Генрих III, — у нас все же будет время попрощаться.

Глава IX

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Моя жена — воплощение ума, осторожности и опыта...

Генрих Наваррский

Поскольку Генрих III упрямо не соглашался отпустить свою сестру в Наварру, почему ей было не попробовать уехать из Парижа во Фландрию, где она могла взять на себя какую-нибудь миссию первостепенной важности? Ведь если бы такая миссия ей удалась, по возвращении королю просто пришлось бы считаться с ее желаниями. Все семнадцать провинций Нидерландов — Бургундский Пояс, как иначе их называли, — переживали самый пик распада, особенно в южной части страны. Протестанты, сторонники принца Оранского, втянулись в борьбу против испанских католиков во главе с Филиппом II, номинальным господином этой страны, которого поддерживала и свирепая инквизиция. В зависимости от исповедуемой религии, фламандская знать разделилась на два лагеря, меняя хозяев подчас вместе с убеждениями, а то и просто по настроению. Для значительной ее части свобода вероисповедания служила лишь поводом к гражданской войне.

Испанские гранды даже не скрывали своего презрения к фламандцам. Все фламандские дворяне в их глазах были «гезами»*. «Ну да, мы «гезы» и есть!» — отвечали те и при этом гордо вскидывали головы.

Великая идея увлекла Маргариту: а вдруг именно ей суждено сыграть главную роль в судьбе герцога Анжуйского? Вдруг

* «Г е з ы» — оборванцы, сброд (флам.). (Прим. ред.)

именно она поможет ему присоединить к своим владениям католические провинции юга? Чтобы достигнуть этой цели, Маргарите необходимо было опереться на поддержку матери. Меж тем Екатерина помнила предсказание Руджиери, которое в свое время так ее впечатлило: все ее сыновья будут царствовать, но — поочередно. Если бы младший Анжу занял трон Нидерландов, а не трон Франции, предсказание исполнилось бы: все три сына Екатерины Медичи вззошли бы на престол... пусть даже не на один и тот же.

Поставленный в известность о планах сестры, Генрих III счел, что удалить из Франции брата, «этого вечного смутьяна», было бы весьма кстати. Последний сын Екатерины, уже побывавший в роли главы недовольных католиков, стал теперь лидером протестантской партии. Если бы удалось спровадить его в Брюссель, возможно, наконец наступил бы долгожданный мир. Впрочем, не слишком ли это рискованно?

Амбициозного Анжу весть о новом восстании подданных Филиппа II обрадовала. Помогая им скинуть испанское иго, он, быть может, добудет себе трон, подобно брату, ставшему в свое время королем Польши.

Последовав советам принцессы де Ла Рош-сюр-Йон, Маргарита объявила о своем намерении отправиться во Фландрию. С какой целью? Французский посланник в Брюсселе, месье де Мондусе, рассказал королю, как жестоко страдают фламандцы от испанского владычества, и заключил свою речь в том духе, что королева Наваррская могла бы сыграть весьма важную роль в умиротворении беспокойной Фландрии.

— Сир, — заверил он короля Генриха, — если бы у королевы Наваррской вдруг обнаружилась какая-нибудь болезнь, излечению которой помогают воды Спа! Туда как раз отправляется принцесса де Ла Рош-сюр-Йон, и это было бы весьма кстати для нашего дела во Фландрии. Она могла бы нам оказать большую услугу.

Генрих III, приняв правила игры, заявил Маргарите, посмеиваясь про себя:

— Королева, не ищите других причин, обязательно отправляйтесь на воды в Спа с принцессой де Ла Рош-сюр-Йон. У вас, помнится, когда-то было рожистое воспаление на руке. Объявите, что ехать в Спа вас заставили врачи.

Так она и поступила.

Как выглядела Маргарита в эту пору своей жизни, когда впервые взялась за столь важную миссию? По Ронсару, «она вспыльчива, но умеет владеть собой». Что же до внешности, то в свои двадцать пять, говорит Брантом, она обладала фигурой «настоль-

ко царственной, что ее принимали скорее за небесную богиню, нежели за земную принцессу». Добавим: единственную в Европе принцессу, способную взяться за столь деликатное дело. Тот же Брантом уверяет, что лицо ее «в зависимости от того, желает она выказать смирение или проявить учтивость, способно передать это чувство всем вокруг, — так прекрасны и совершенны его черты, так чисты и приятны глаза, от которых нельзя ничего утаить».

Гостей ослепляла пышность ее платьев, которые она с изысканнейшим вкусом подбирала себе сама. Ее фламандских собеседников с первых же встреч покоряет ее ум, редкая эрудиция и тонкий поэтический вкус, почти безукоризненная латынь — причем легкость, с которой она говорила на иностранных языках, поистине изумляла. Свободно владея греческим, она читала в подлиннике Гомера и Платона, говорила на испанском и итальянском. Не в силах сдержать свое восхищение, все тот же Брантом сравнивал ее письма с эпистолярным стилем Цицерона. Пожалуй, это было некоторым преувеличением... но его тоже ослепляла любовь к Маргарите... В довершение портрета следует добавить, что молодая королева весьма искусно играла на лютне и пела под ее аккомпанемент.

* * *

Итак, 28 мая 1577 года, в тот самый день, когда герцог Анжуйский начал осаду Иссуара, Маргарита в сопровождении внушительной свиты отправилась во Фландрию. Твердо уверовав в удачу, она была настроена весьма оптимистично. К тому же и посланник Мондусе доверительно заверил ее перед дорогой, что «многие сеньоры и городские общины уполномочили его передать королеве Наваррской, что сердцем они французы».

— Вам все протягивают руки, — горячо убеждал он.

Во время путешествия Маргарита передвигалась в паланкине, задрапированном испанским алым бархатом, расшитым золотом и шелком. Среди узоров на драпировках выделялись четыре десятка надписей на французском, итальянском и испанском языках. За Маргаритой следовали носилки принцессы де Ла Рошсюр-Йон и мадам де Турнон, первой фрейлины Маргариты, далее верхом ехали двенадцать фрейлин с их управительницей во главе. В каретах и многочисленных возках ехали два епископа, множество дворян, не говоря уже о толпе слуг, замыкавших шествие. «Я ехала через Пикардию, — вспоминала Маргарита, — и все тамошние города, куда поступило распоряжение короля, встречали меня как его сестру, устаивая почестей, о которых я могла только мечтать».

И вот Фландрия. Первая остановка в форте Ле Катле, где произошла тайная встреча Маргариты с герцогом де Гизом. Теперь уже не о любви вели они речи — о политике. Затем Маргарита прибыла в Камбрези, «суверенное государство под властью церкви». Его епископ, монсеньор Берлемон, принадлежал к одному из знатнейших семейств Фландрии, но, к сожалению, «сердцем был испанец». Это не помешало ему принять королеву Наваррскую с большими почестями «и с не меньшими церемониями». Столичный город Камбре показался Маргарите «намного приятнее французских городов. Его улицы и площади строго пропорциональны... Во Фландрии церкви, просторные и красивые, удачно вписаны в ее городские ансамбли. Но что в этом городе я нашла достойным особого восхищения, так это крепость, одну из самых прекрасных и совершенных цитаделей христианства...».

Еще бы, ведь комендантом крепости был граф д'Энши, Бодуэн де Гавр, который «ни любезностью своей, ни внешним обликом, ни поистине рыцарскими манерами не уступит самым блестящим вельможам нашего двора, во всяком случае в нем и следа нет той неотесанности, которая, похоже, присуща фламандцам».

Не довелось ли чувственной Маргарите в интимной обстановке испытать искушение шармом и «поистине рыцарскими манерами» коменданта крепости? Кто знает... Он увлек ее на один из балов, которые демонстративно не посещал епископ, «приверженный испанскому церемониалу». Затем граф д'Энши, которого Маргарита находила «самой привлекательной личностью» в своем новом окружении и упрямо называла Энси*, сопроводил ее на завтрак, запомнившийся обилием конфитюров.

Но как бы ни тянуло ее к коменданту крепости, она, разумеется, «помнила» об интересах брата. Камбре — это ключ ко всей Фландрии, вот почему «я пустила в ход всю силу своего ума, которым одарил меня Господь», чтобы понравиться «фламандцам или испанцам», в коих «душевного благородства и физических достоинств» неизмеримо больше, нежели в их епископе. Столь любезного ее сердцу коменданта крепости она увлекла с собой и в Намюр. «В ходе этой поездки, длившейся десять или двенадцать дней, он, обнажая до глубины свое французское сердце, только и говорил что о своем желании обрести в качестве господина и сеньора такого славного принца, как мой брат...»

По дороге в Валансьен она заметила «фонтаны и часы, сделанные с поистине фламандским искусством...». Французы даже не скрывали своего изумления «при виде часов, бой которых сопровождается столь приятной музыкой и таким количеством еже часно оживающих фигурок...».

* A i n s i — таким образом. Игра слов в силу их звуковой аллитерации.

От двух до трех сотен знатнейших граждан Валансьена пришли встретить Маргариту у городских ворот. Байи* провинции Эно граф Филипп де Лален в честь ее прибытия устроил знатное угощение. Граф хорошо помнил потрясение, которое он пережил девять лет тому назад, 5 июня 1568 года, на главной площади Брюсселя, где были казнены граф де Орн, протестант, и граф д'Эгмон, католик, которому он приходился племянником. С тех пор испанское господство стало для него невыносимым.

В Монсе Маргарита познакомилась с графиней де Лален, дочерью сеньора провинции Линь. «Непринужденность и жизнерадостность, вообще свойственные фламандским женщинам, в графине де Лален особенно впечатляли...» Маргарита была восхищена женой графа.

«У нас завязалась теснейшая дружба. Никаких кормилиц! — говорила графиня. Она сама кормила сына грудью. На следующий день после праздника мы сидели рядом за праздничным столом [...] Графиня была нарядна, вся в драгоценностях и вышивках [...] Прямо к столу ей принесли малыша в роскошных пеленках, так как подоспел час кормления. Она положила его на стол между нами и, спокойно расстегнув пуговицы своего жилета, дала малышу грудь. Со стороны это могло быть воспринято как неучтивость по отношению к окружающим. Она же делала это с таким простодушным изяществом, что вызывала живое одобрение у всех...»

Между двумя кормлениями графиня обратилась к Марго, которая в своих «Мемуарах» так воспроизвела ее слова:

— Эта страна была некогда частью Франции, здесь доньше все говорят по-французски, естественная привязанность к Франции все еще живет в сердцах большинства фламандцев. Что до меня, то с тех пор как я удостоилась чести видеть вас, это чувство с новой силой вспыхнуло в моей душе. Эта страна была в свое время привязана и к Австрийскому дому, но с казнью графа д'Эгмона, графа де Орна и других сеньоров, наших близких родственников, составлявших цвет Нидерландов, привязанность к Габсбургам вырвана из наших сердец. Господство испанцев нам ненавистно, и ничего мы не желаем так сильно, как освобождения от их тирании. Однако мы совершенно не представляем, как этого добиться, ибо из-за множества вероисповеданий страна расколота на части. Сумей мы объединиться, вместе мы наверняка выгнали бы испанцев, но раздробленность делает нас слишком слабыми. И мы молим Бога, чтобы он внушил вашему брату, ко-

* Б а й и — высшая административная должность (от стар. фр. *baillir* — администрировать) в пограничной с Францией провинции Эно (столица г. Монс), одной из 17 провинций Нидерландов.

ролю Франции, желание отвоевать назад эту страну, издавна принадлежащую его короне. Мы все придем ему на помощь.

Маргарита знала, что Генрих III и королева Екатерина решительно возражают против войны с Испанией. Подтолкнуть Францию на защиту Нидерландов удалось бы разве в том случае, если бы во главе фламандцев оказался ее младший брат Франсуа, ради которого она и предприняла это путешествие и которого принялась восхвалять, не жалея красок:

— Мой брат, герцог Анжуйский, который ни в доблести, ни в осмотрительности, ни в щедрости сердца нисколько не уступит моим отцам и братьям — королям Франции, готов взять на себя эту ношу, но, конечно, у него нет таких возможностей прийти вам на помощь, как у короля Франции. Он вырос с оружием в руках и считается одним из лучших полководцев нашего времени. Не случайно он назначен главнокомандующим королевской армией в войне против гугенотов, у которых он только что отбил, уже после моего отъезда из Франции, одну из самых сильных крепостей, крепость Иссеуар. Вряд ли вы сможете найти себе другого господина, который мог бы вам оказать такие же услуги, как он, хотя бы уже потому, что за ним — Франция, великое и благочестивое королевство, откуда он без труда сумеет черпать и людей, и средства, необходимые для предстоящей войны.

Маргарита не скупилась на обещания:

— И если мы можем рассчитывать на добрые услуги вашего мужа, графа, то будьте уверены, и вы можете рассчитывать на ответные услуги и заботу о его судьбе. Мой брат очень мягкий человек*, ему чужда неблагодарность, он умеет ценить оказанную ему поддержку и хорошо исполненный долг. Вот почему с ним весь цвет Франции, люди чести и совести. Я уверена, что вскоре мы отпразднуем мир с гугенотами, думаю, это произойдет, когда я вернусь во Францию**. Если граф, ваш муж, думает одинаково с вами и придерживается тех же намерений, пусть даст мне об этом знать, чтобы я могла подготовить брата, а я со своей стороны уверяю вас, что ваша страна и, в частности, ваш дом удостоятся всевозможных благ. Если благодаря вам брат мой сумеет обосноваться здесь, то, можете мне поверить, я стану вашей частой гостьей, ибо такую прекрасную дружбу, как между нами, не часто встретишь между братьями и сестрами.

Наговорившись, подружки отправились на бал. Не случайно писал венецианский посол Бадоаро: «Все свое время, которое

* Это, впрочем, некоторое преувеличение. (Прим. авт.)

** В самом деле соответствующий эдикт о примирении должны были опубликовать к возвращению Маргариты из Фландрии, 5 октября 1577 года. (Прим. авт.)

остается у фламандских женщин после исполнения их рутинных обязанностей, они отдают танцам, музыке и пению... У них вошло в привычку заниматься готовкой пищи не чаще одного раза в неделю, и в блюдах их так мало разнообразия, что более скудного стола уже и вообразить нельзя. Зато даже у самого бедного фламандца дом богато обставлен мебелью... Мужчины, как дома, так и на улице, запросто общаются с чужими женами и даже бесцеремонно обнимают их. Молодежь отлучается из дому, не спрашивая разрешения родителей. Но верно и то, что эта свобода отношений, как правило, дальше разговоров не заходит». Господин посол в своих докладах предпочитал обобщения...

Обе молодые женщины отправились «послушать вечерню» к канониссам*. По пути Маргарита спросила у подружки:

— Что это за религиозный орден?

— Он создан для девушек из благородных семейств: их помещают сюда во младенчестве и держат здесь до той поры, когда они становятся невестами. Никакой общей спальни — они живут в отдельных домах, каждая в своей келье, как каноники... Монашескую одежду надевают, когда идут в церковь, на заутреню или на вечерню. Но как только служба оканчивается, они наряжаются, как все девушки на выданье, свободно посещают балы и званые угощения. Так что переодеваются они по четыре раза на дню, и всегда их можно увидеть где-нибудь на пирах и балах.

Долгий разговор с графом де Лаленом оставил у Маргариты чувство, что ее план имеет шансы на успех. Было очевидно, что знать южных провинций Фландрии готова их поддержать. По возвращении во Францию Маргарита пообещала остановиться в городке Ла Фер, принадлежавшем ей по брачному контракту. Там к ней должен был присоединиться Франсуа. И туда же для переговоров должен был приехать граф де Лален.

15 июля Маргарита увиделась с внебрачным сыном Карла V доном Хуаном, прославившимся победой в бою при Лепанто**. Когда-то они уже встречались, это было на берегу Бидассоа во время «большого путешествия» Екатерины Медичи. «Испанизированный фламандец», обронит она в своих «Мемуарах». Милостью своего брата Филиппа II назначенный правителем Нидерландов дон Хуан чувствовал себя неуютно в этой стране — подданные не выражали покорности по отношению к его власти. «Он спешил и подошел к моему паланкину поприветствовать

* Старшие монахини в католическом монастыре.

** Морская победа испанцев над турками (1571 год), соперничавшими за господство над Грецией. Несмотря на победу, одержанную под началом дона Хуана Австрийского, испанцы не сумели подчинить себе эту страну.

меня», — пишет Маргарита. Ночью в сопровождении дона Хуана она въехала в Намюр, «город, светившийся открытыми окнами домов и огнями лавок».

Роскошь приготовленных для нее апартаментов ослепила Маргариту: «Комнаты были уставлены такой прекрасной, богатой, непревзойденной мебелью, какой я до сих пор еще никогда не видела, стены были завешаны бархатными коврами и атласными гобеленами, посреди комнат возносились огромные колонны, задрапированные серебряными тканями с узорами из толстой тесьмы и орнаментами, вышитыми золотой нитью... На колоннах были изображены крупные фигуры в античных одеяниях...» Не без гордости дон Хуан показал гостю ковер, изображавший его победу при Лепанто. Вечером, после мессы, «которая по испанскому обычаю сопровождалась музыкой скрипок и рожков», последовало пиршество. Маргарита и дон Хуан ужинали за отдельным столом.

В Льеж Маргарита прибыла по реке Мез в сопровождении целой флотилии суденышек, на которых расположились стайки музыкантов. Здесь и суждено было разыгаться эпилогу любовной драмы, которая впоследствии оживет под пером Шекспира в «Бесплодных усилиях любви» и послужит сюжетом для «Принцессы Клевской» мадам де Лафайетт. Всеобщей любимицей при дворе Маргариты была дочь ее первой фрейлины мадам де Турнон Елена, «само целомудрие и благородство». И само изящество: светлые волосы, перехваченные креповой лентой, чуть полноватый подбородок, голубые глаза, которые с такой любовью устремлялись на маркиза де Варанбона, что он, предназначавший себя служению церкви, решил пренебречь сутаной и тонзурой ради женитьбы на очаровательной Елене. Однако их союз не нашел одобрения у суровой мадам де Турнон, которая, по словам Маргариты, «принялась так ругать и распекать свою дочь, что у той не просыхали глаза». Брат маркиза Филибер де Рэ, барон де Балансон, рассчитывал на церковную карьеру младшего брата, которая должна была принести семейству немалые выгоды. Как глава семейства, он воспротивился женитьбе брата и сделался в некотором роде союзником мадам де Турнон. Когда молодой маркиз де Варанбон встретил в Намюре свою любимую Елену, он скрыл свою радость за маской холодности, чтобы успокоить одновременно и своего брата и ее мать, ибо их подозрительность зашла так далеко, что они не спускали глаз с влюбленных. Короче, он притворился, будто ее не узнал. Отчаяние сдавило сердце бедной девушки, «она была так уязвлена, что дыхание из ее груди вырывалось лишь криками смертельной боли». Восемь или десять дней длилась борьба со смертью, которая, увы, «стяжала свою победу», — пишет Маргарита, — и унесла девушку от матери и от меня».

Елена умерла от любви...

Похороны состоялись три дня спустя. Маркиз де Варанбон ничего не знал об ужасном несчастье. «Раскаиваясь в своей жестокости», влюбленный пуше прежнего, он вернулся в Льеж в тот самый момент, когда там готовились предать земле прелестную Елену. Четверо дворян несли на плечах гроб, покрытый белой вуалью и утопавший в цветах. Маркиз поинтересовался, кого это хоронят с такой пышностью. Ему назвали имя — мадемуазель де Турнон, и, сраженный горем, несчастный упал с лошади. Его отнесли домой, но несколько часов кряду он «не подавал никаких признаков жизни».

Маргарита Наваррская любила покойную и с острой грустью переживала случившееся. Слывущую целебной воду Спа ей доставляли прямо с источника, но и она не приносила облегчения... Маргарита пила ее малыми глотками, медленно прохаживаясь, как предписывали врачи. В конце концов разве не это и было предлогом ее поездки во Фландрию?

24 июля 1577 года дон Хуан внезапно принял решение овладеть крепостью Немюра. «Политическая ошибка», квалифицирует этот шаг историк Ив Казо. Тотчас же прервались его переговоры с Генеральными штатами Фландрии, которые предпочли замирились с принцем Оранским.

Тучи заволокли политический горизонт: решительно отвергая принца Оранского, фламандская знать вовсе не горела желанием признать господство Филиппа II. Герцог д'Арско, сеньор провинции Шиме, с которым Маргарита встречалась в Намюре, был провозглашен правителем Фландрии, а принц Оранский — правителем Брабанта. Воцарилась полная сумятица: жители Гента арестовали герцога д'Арско, но принц Оранский освободил его, а своим главнокомандующим назначил эрцгерцога Матиуса, племянника испанского короля. В январе 1578 года дон Хуан разогнал Генеральные штаты Фландрии. В такой ситуации Маргарита приняла решение перебраться в Ла Фер, где и должна была состояться условленная встреча с герцогом Анжуйским. К этому времени Генрих III стал уже сожалеть о миссии, порученной сестре.

Больше ей нечего было делать во Фландрии. Она рвалась уехать, но кошелек был пуст. Принцесса де Ла Рош-сюр-Йон открыла ей свой. Сколько злоключений! «Настоящий хаос», — скажет Марго в своих «Мемуарах».

Когда она прибыла к городским воротам Динана, их захлопнули у нее перед носом. Королева «страшно возмущена». Она выпрямилась в своем паланкине, сорвала с лица маску и принялась отчитывать бунтовщиков, ибо это был самый настоящий бунт. Лишь тогда ворота открылись. До отведенного ей жилища пришлось добираться сквозь толпы «пьяного и вооруженного люда».

Вдруг среди сопровождавших Маргариту лиц горожане узнали «своего смертельного врага», неоднократно усмирявшего фламандские Штаты монсеньора Жерара де Гребека, великого магистра, епископа Льежского. «Они стали осыпать его оскорблениями и решили его расстрелять. Великий магистр был почтенный старик восьмидесяти лет, с белой до пояса бородой. Я заставила его войти в мой дом, но эти пьянчуги уже принялись дырявить глиняные стены из своих аркебуз». Дом оказался буквально в осаде. Из окна Маргарита воззвала к бургомистру и его помощникам:

— Уверяю вас, — голос ее дрожал от гнева, — что самые именитые сеньоры ваших штатов, и прежде всего граф де Лален, сочтут недостойным прием, который вы мне оказали.

Как только было произнесено это имя, все сразу изменилось. Бунтовщики «чтили графа больше, чем всех французских королей, — продолжает Маргарита в «Мемуарах». — Самый старый человек из толпы, улыбаясь и заикаясь, спросил меня, в самом ли деле я друг графа де Лалена, и я, сознавая, что в эту минуту родство с ним для меня важнее, чем с христианскими властелинами всего мира, ответила:

— Да, я его друг, а также родственница.

Тогда они стали кланяться и целовать мне руку, с такой же готовностью выказывая вежливость, с какой только что являли дерзость. Они умоляли извинить их и обещали не причинять никакого зла этому доброму человеку, великому магистру, заверяя, что дадут ему возможность выйти из дому вместе со мной».

Однако появление на следующий день графа де Берлемона, верного дону Хуану, во главе отряда кавалерии вызвало переполох, посерьезней вчерашнего. Мятежный город выкатил пушки, «казалось, еще немного, и месье де Берлемону не поздоровится. Горожане потребовали от него отвести свой отряд от крепостных стен, иначе заговорит артиллерия...».

Я утомил бы читателя, пересказывая все фламандские злоключения нашей героини. Достаточно сказать, что королева Наваррская с большим трудом выбралась на дорогу, ведущую в Намюр, где, как ей сообщили, ее якобы поджидал дон Хуан... которого она так и не встретила. В трех лье от Динана, в замке, принадлежавшем дворянину де Флерину, королева собиралась переночевать, однако подъемный мост перед ней так и не опустился. Владелица замка отказалась впустить сестру Генриха III. Месье де Флерин, приехавший поздно ночью, исправил «неучтивость» своей супруги. Никакой возможности проехать на обратном пути через Монс уже не было, и Маргарите пришла в голову спасительная мысль напомнить о себе графине де Лален, послав ей платье «из великолепного черного бархата с вышивкой» стоимостью в восемь или девять сотен экю.

Уже на самой французской границе королева Наваррская — супруга короля Наварры! — с трудом избежала нападения гугенотских войск. Пришлось спасаться бегством. Наконец, на взмыленном коне, она въехала в форт Ле Катле, «по Божьей милости избежав всех ловушек и засад моих врагов». И вот уже Ла Фер! Только здесь она узнала последние новости с войны. Герцог Анжуйский взял Иссеуар, но удержать своих людей от мародерства не сумел. Город подвергся страшным грабежам и пожарам. Они «безжалостно убивали всех, кто бы ни встретился на пути, не различая жертв». И вслед за этим, в конце сентября, был подписан эдикт в Пуатье. Очередной мир, названный «королевским». И в очередной раз эфемерный мир.

Новостей много. Генрих III, принуждаемый с обеих сторон, приказал распустить Священную лигу католиков, так же как и Конфедерацию протестантов. А в Ла Фере Маргариту уже ждало письмо от Анжу:

«Мир заключен, и король возвращается в Париж. Для меня обстоятельства складываются все хуже и хуже. Каждый день мне и моим людям чинят обиды и демонстрируют неуважение. Ежедневно то Бюсси, то других самых достойных людей из моего окружения втягивают в бесконечные стычки. Все это заставляет меня с огромным нетерпением дожидаться вашего возвращения в Ла Фер, где я так надеюсь вас увидеть».

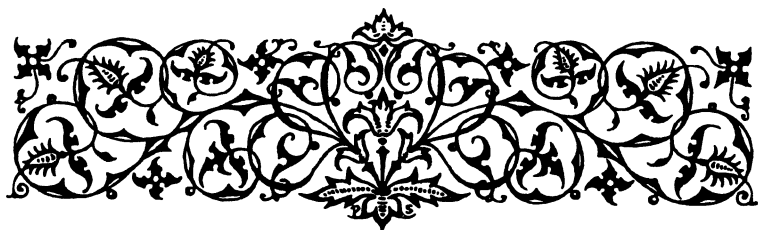
И герцог сдержал слово: с эскортом всего в пятнадцать или двадцать человек он примчался в Ла Фер. «Ничто не могло доставить мне большей радости, чем его приезд», — признавалась Маргарита. Два месяца брат и сестра наслаждались своим счастьем. Эти слова вряд ли покажутся преувеличением, если сопоставить их с теми признаниями в любви, на которые не скупились оба:

— О моя королева, как с вами хорошо! Боже мой, ваше присутствие — это рай, полный усад!

Маргариту и Франсуа связывала более чем братская дружба. Точнее всех об этом сказал Сципион Дюплекс: «Они просто и сердечно любили друг друга, и я часто слышал разговоры о том, что не в силах сносить тиранию мужа и старшего брата королева отдала все свое сердце и обратила всю свою привязанность на младшего брата, благу которого она добровольно посвятила свою жизнь».

В то же время она считала его никудышным политиком, «рожденным скорее завоевывать, чем сохранять». Эти ее слова в «Мемуарах» как бы сопровождает тихий вздох сожаления.

Глава X

ИГРЫ ПЛАЩА И ШПАГИ

*Моя дочь — самая совершенная
принцесса в мире.*

Екатерина Медичи

Марго возвратилась в Париж. Король, королева-мать и королева Луиза встретили ее в Сен-Дени, где был устроен торжественный обед. Все расспрашивали ее о «почестях и внимании», оказанных ей в ходе путешествия, которое она представляла как несомненный успех... Что, увы, едва ли соответствовало истине.

Щеголи-миньоны, ни на минуту не оставлявшие своего короля, издавали восхищенные возгласы, больше похожие на кудаханье. Как всегда, «надушены, завиты, осыпаны фиолетовой пудрой, и благоуханье от них несло такое, что не выветривалось даже с улиц, площадей и домов, где они побывали...».

Похоже, хронист не преувеличивал!

В карете королевы Екатерины Марго въехала в Лувр, где по случаю ее возвращения был бал и поздний ужин. Церемониймейстер Генриха III барон д'Уаньон так ловко рассадил гостей за столами, строго по степени их важности, что по залу прокатился одобрителный смешок: «За столом все гуськом!»* Маргарита в этот вечер вся светилась. Теперь ей все позволено, думала она. И как только праздник закончился, она подошла к королю и королеве-матери. «Я стала их умолять отпустить меня к мужу и не воспринимать эту просьбу как дурной тон с моей стороны... Поскольку мир заключен, моя просьба уже не может вызывать никаких

* В оригинале игра слов: «C'est rangé en rang d'oignon!» (Все пассажиры в ряд, гуськом.)

подозрений. Мне же затягивать свой отъезд из Парижа стало уже не просто нежелательно, но и неприлично».

На сей раз Генрих III и королева-мать отвечали согласием. Более того, Екатерина пообещала проводить дочь до Наварры, сколько бы времени ни заняла эта поездка, а надо сказать, что весь этот королевский поезд способен преодолевать не более десяти лье в день. Уловив момент благорасположения, Маргарита не упустила случая попросить и о «казенных расходах» на свое путешествие — ведь она рассчитывала на большой выезд собственного двора и достойный ее титула почетный эскорт. Заодно уж попросила дать ей возможность вступить во владение землями, принадлежавшими ей по брачному контракту, «подписанному за моей спиной».

И на это согласился Генрих III. Ободренная удачей, Маргарита попросила короля и королеву-мать наконец примириться с братом Анжу. И как же она была удивлена, когда услышала из уст короля ответ, что все ее просьбы «весьма благоразумны» и что он обещает «все исполнить»! Молодая королева продолжала идти напролом:

— Умоляю вас все это сделать побыстрее, в начале будущего месяца я хотела бы уехать.

«Так и было решено, однако, по обычаю двора, с исполнением спешить не стали. Мне, как и брату Франсуа, пришлось провести в ожидании еще пять или шесть месяцев».

Это были «пять или шесть месяцев» относительного покоя. Хотя, говоря по правде, Маргарита прожила их среди головоломных интриг, потрясений и провокаций, чаще всего оказываясь в эпицентре всех вихрей, поднимавшихся в Лувре. Тут весьма кстати можно привести одно очень верное суждение Филиппа Эрланжера: «Лувр, похоже, превратился в обитель преступлений, заговоров и безумств...» Соперничество между королем и его братом сопровождалось бесконечной вереницей насилия. Миньоны короля, с одной стороны, и миньоны герцога, с другой, — а среди последних и столь дорогой ему Бюсси, — по любому поводу скрещивали шпаги... и с упоением протыкали друг друга. «Для того, чтобы подраться, этим людям достаточно одного косого взгляда, одной проскочившей между ними искры», — докладывал королю барон де Фенест. При этом каждый из них называл себя «рыцарем чести».

Нетрудно догадаться, что в Бюсси Марго вновь обрела своего «несравненного любовника». Он, по ее словам, был сама невинность. Но это именно он высокомерными насмешками над миньонами короля сделал их своими смертельными врагами.

10 января в Лувре, в большом зале Кариатид, у Бюсси произошла бурная размолвка с Филибером де Грамоном, графом де Гиш, чья жена Коризанда в будущем прославится тем, что станет любовницей короля Наваррского. Выхвачены шпаги, и словесный диспут перешел в настоящий бой сомкнутыми рядами. Сопровождаемый шестью пажами в раззолоченных одеждах, Бюсси отправился к воротам Сент-Антуан во главе трех сотен хорошо вооруженных дворян. В свою очередь Грамон явился «с фаворитами и сторонниками короля» — и «завязался беспощадный бой»...

В этом бою Грамон не получил ни единой царапины, но, «оскорбленный» безмерно, в тот же день после полудня отправился на улицу Прувер и попробовал проникнуть в дом, где остановился Бюсси. Возобновившуюся дуэль прервал отряд королевской гвардии. Арестованных дуэлянтов препроводили в Лувр и заперли в отдельных комнатах. Затем по приказу Генриха III под надзором маршалов Монморанси и Коссе произошло нечто вроде примирения.

Однако противостояние двух кланов зашло так далеко, что новых кровопролитий было уже не избежать. Нескончаемые нападки друг на друга перерастали в кровавые побоища, чаще всего у Сент-Антуанских ворот.

По словам Марго, Бюсси получал «тысячи оскорблений днем и ночью», особенно досаждал ему королевский фаворит Келюс, которого он в отместку обозвал «постельным миньоном». 1 февраля Келюс с тремя друзьями — Сен-Люком, Арком и Сен-Мегреном — напал у ворот Сент-Оноре на Бюсси и сопровождавшего его капитана Рокбрюна. Защищаясь и сам угрожая врагам, любовник Марго оказался приперт к двери какого-то дома. И бывают же такие чудеса — дверь оказалась не заперта. Как в добрых старых романах плаща и шпаги, Бюсси проскользнул внутрь и запер ее за собой. В доме оказался запасный выход, а там, конечно же, его ждал нетерпеливый «португалец» прямо с королевской конюшни. Наш драчун пришпорил коня и унесся, как ветер. Правда, в этом бою был смертельно ранен лиможский капитан Рокбрюн.

Одним махом Бюсси достиг ворот Сен-Клу. Тотчас предупрежденный о случившемся, Франсуа Анжу заявил, что «оскорблен и возмущен ежедневными придирадками к его людям по любым пустякам». С этой минуты одна-единственная мысль засела в его голове: покинуть двор брата, «чтобы где-нибудь в другом месте расположить собственный двор». Тем более что королевские миньоны вконец обнаглели. Однажды на балу они задрали уже и самого герцога, бесстрашно отпустив в его адрес более чем «пикантные» словечки. Особенно высмеивали они его уродство

и малый рост, причем делали это нарочито громко, «чтобы оскорбления обязательно дошли до его ушей».

В отчаянии Франсуа пожаловался своей матери, которую «весьма опечалила» столь нетерпимая ситуация, и как бы между прочим сообщил ей, что намерен вскоре выехать на охоту. Конечно, обрета свободу, он тут же поскакал бы в Анжер, где располагалось его правительство. И достаточно было королю прослышать о выезде Франсуа на охоту, как он, уверенный, что это просто предлог для побега, пришел в ярость.

Однажды утром, даже не сняв ночной сорочки, Генрих влетел к матери «такой взволнованный, как если бы ему доложили, что враг стоит у ворот»:

— Мадам, о чем вы думали, позволяя моему брату уехать? Разве вы не видите, какой опасности в этом случае подвергнется мое государство? Нет никакого сомнения, что под видом охоты он замыслил какую-то авантюру...

В самом деле, Франсуа Анжу и Марго не прекращали разрабатывать свой заговорщический план — возвести герцога на фламандский трон. А это непременно привело бы Францию к войне с Испанией, которой Генрих благоразумно и безоговорочно не хотел. Убеденный, что заговорщики по ту и другую сторону северной границы наверняка состоят в переписке, он приказал своим шотландским гвардейцам перерыть сундуки брата:

— Вот увидите, мы найдем в них немало интересного.

Уступим повествование Маргарите, так как сцена, которую предстоит описать, уже нисколько не похожа на водевиль, и читатель мог бы подумать, что я из желания драматизировать сюжет дал волю воображению. Еще как следует не рассвело, когда Генрих, как был в ночной одежде, вместе с королевой-матерью отправился в покои Франсуа и принялся изо всех сил колотить в дверь, требуя, чтобы ему открыли.

— Это я! — кричал король.

Анжу «вскочил с постели и, зная, что ничего предосудительного не совершил, приказал своему камердинеру Канже открыть дверь». Разъяренный король с порога принялся «распекать» брата, обвиняя его в том, что тот не прекратил замышлять заговоры против государства.

— Я вам покажу, что значит идти против своего короля!

Генрих приказал своим стрелкам вынести сундуки герцога и удалить его слуг. «Он сам стал рыться в постели брата, убежденный, что там спрятаны бумаги. А брат мой как раз накануне вечером получил письмо от Шарлотты де Сов. Эта молодая очаровательная женщина, как известно, по приказу Екатерины обязана была оказывать любезности Франсуа.

Герцог попытался спрятать письмо, «не предназначавшееся

для чужих глаз, — продолжает Маргарита. — Король попробовал вырвать его из рук брата. Герцог сопротивлялся, настойчиво повторяя просьбу не читать письмо — но это лишь разгорячало короля, уверенного, что бумажка поможет ему учинить процесс против брата. Наконец, завладев письмом, он прочел его вслух в присутствии королевы-матери, и воцарился полный конфуз... однако стыд за содеянную ошибку лишь подогрел досаду и гнев короля».

Чтобы отомстить за свою оплошность, он приказал арестовать Бюсси. Начальнику гвардии де Лоссу и его стрелкам велено было сторожить герцога, не спуская с него глаз. У капитана, когда ему объявляли этот приказ, увлажнились глаза.

— А что с моей сестрой? — спросил Франсуа.

— Король мне пока ничего не говорил, — ответила Екатерина.

— Если она на свободе, это облегчает мои страдания, — отозвался герцог, — но знайте, в каком бы состоянии она ни находилась, она меня любит и предпочла бы разделить плен со мной, чем оставаться на свободе без меня...

И Анжу добился от короля согласия, чтобы сестра разделила с ним неволю. Капитан де Лосс тотчас отправил за Маргаритой одного из шотландцев. Разбуженная внезапным приходом солдата, который бесцеремонно отдернул полог ее кровати, она с изумлением услышала:

— Бонжур, мадам, господин герцог просит вас прийти к нему.

Акцент, с которым говорил лучник, удивил Маргариту, она переспросила:

— Вы шотландец из королевской гвардии, не так ли?

— Да, мадам.

— У моего брата не нашлось никого другого, чтобы прислать за мной?

— Нет, мадам, всех его людей отстранили.

Узнав о ночной сцене, разыгравшейся в покоях брата, Маргарита «сильно опечалилась». При виде ее скорби стрелок — он, как всякий добрый шотландец, думал прежде всего о своих интересах — предложил устроить побег пленника:

— Не расстраивайтесь, мадам, я знаю, как спасти вашего брата, но для этого нужно, чтобы к нему приставили меня.

Королева заверила, что так и будет сделано и что он может рассчитывать на любое вознаграждение. Маргариту крайне тронули «величие и твердость чувств», которые Франсуа проявил по отношению к ней. Пересекая двор по направлению к покоям Анжу, она заметила, что куртизанки делали вид, будто не замечают сестру короля. Значит, она в опале! Через несколько мгновений брат и сестра, не стыдясь своих слез, обнялись:

— Моя королева, — сказал Анжу, — прошу вас, прекратите плакать. В тех обстоятельствах, в которых я нахожусь, только ваша печаль может причинить мне страдание.

Маргарита в своих «Мемуарах» безоговорочно встала на сторону Франсуа, хотя ей-то лучше всех было известно о существовании заговора, первые нити которого она же и сплела в ходе своего путешествия в Нидерланды.

Анжу спас капитан де Лосс.

— Нет такого француза, — заявил он Маргарите, — сердце которого не обливалось бы кровью при виде всего, что происходит. Я был слишком преданным слугой короля, вашего отца, чтобы не прийти на помощь его детям, даже если бы это угрожало моей собственной жизни. Куда бы ни упрятали вашего брата, его охрану, думаю, возложат на меня. Передайте ему: я спасу его, чего бы мне это ни стоило.

Екатерина попробовала хотя бы на время уладить разногласия, «переодеть» ситуацию, как любила она говорить. И это ей удалось: 15 февраля 1578 года произошло всеобщее примирение. Когда Генрих III и Анжу обнялись, в глазах их сверкали слезы... Король освободил Бюсси, который очередной раз выпутался «с галантностью, только ему и присущей», как не без восхищения пишет Маргарита. Позвали Келюса и настойчиво предложили ему помириться со своим врагом. Бюсси согласился и даже воскликнул со смехом:

— О чем говорить, сир, я готов его даже расцеловать!

И, по свидетельству очевидцев, он с такими церемониями обнял своего врага, что поцелуй мира превратился в буффонаду из итальянской комедии. Точно так же и остальные миньоны, королевские и герцогские, протянули друг другу руки «без ненависти и без препирательств» или, как пишет Пьер де л'Этуаль, «произнося тосты за здоровье друг друга и чуть ли не урча от удовольствия...».

Король попросил сестру приложить все усилия, чтобы поддержать в Анжу эти «добрые братские чувства». Пусть он и думать забудет о войне во Фландрии! Маргарита, само собой, обещала. Вот тогда-то капитан де Лосс, уловив момент, шепнул ей:

— Не думаю, чтобы это было последнее слово в спектакле.

И действительно, последовав советам своих миньонов, король приказал гвардейцам неусыпно сторожить покои брата. Это было чересчур. На сей раз Анжу принял твердое решение о побеге, а Маргарита обещала ему помочь.

Но как бежать?

Бессмысленно даже пытаться выйти через ворота Лувра, охраняемые куда строже, чем в былые времена... Одно-единствен-

ное решение пришло обоим на ум: из окна комнаты Маргариты, расположенной на верхнем этаже дворца, спуститься по крепкой веревке прямо в ров, окружающий Лувр. Так созрел новый заговор. Не прошло и двух дней после семейного примирения, как Маргарита отправила в починку один из своих дорожных сундуков, в которых обычно перевозили постели. Сундук в тот же день вернулся к ней... но уже не пустой: в него был положен моток крепкой веревки.

Узнав от месье де Матиньона о намерении младшего сына отлучиться на следующий день из Лувра, Екатерина сразу заподозрила, что задуман побег. Она принялась расспрашивать Маргариту, но, достойная дочь своей матери, та без колебаний солгала. «При этом я сделала такое лицо и так подбирала слова, что ей пришлось удовольствоваться лишь тем, что я сама ей сказала, и я не осквернила ни свою душу ни свою совесть никакой ложной клятвой».

Она и в самом деле не произнесла «никакой ложной клятвы», однако легко утаила правду, готовая жизнью поклясться, что помыслы брата чисты. «Он вовсе не думает уезжать из Парижа», — уверяла она мать.

— Хорошенько подумайте о том, что вы говорите, — пригрозила недоверчивая Екатерина. — Если это случится, ваша жизнь окажется в опасности.

— Да, именно это я и хотела сказать, — спокойно заверила Маргарита, зная, что побег намечен на предстоящую ночь.

«Я пожелала ей доброй ночи и отправилась в свою комнату, быстро разделась и легла в кровать, чтобы поскорее отделаться от фрейлин и остаться только с горничными». Тотчас же появился Анжу со своим лакеем Канже, в сопровождении де Симье, друга герцога, который дрожал от страха...

«Мы привязали веревку к оконной решетке. Помогали нам три горничные, спавшие со мной в комнате, и слуга, который доставил веревку. Убедившись, что внизу, во рву, никого нет, первым спустили брата. Он смеялся и шутил, явно не испытывая страха, хотя спуститься предстояло с огромной высоты».

Затем наступила очередь двух спутников беглеца. Чтобы уничтожить улику, Марго и ее горничные бросили веревку в огонь, но она горела так медленно и при этом дымила так сильно, что, заподозрив пожар, напуганные стражники стали колотить в дверь. Не открывая и нарочито говоря вполголоса, «чтобы не разбудить свою королеву», горничные сумели заверить, что сами справятся с огнем. Стража поверила, тем более что валивший из-под двери густой дым стал уже понемногу рассеиваться.

Можно себе представить ярость Генриха III, когда он узнал о побеге брата. В комнате королевы-матери, куда Маргарита яви-

лась по его зову, на нее обрушился неистовый шквал упреков. Но Марго лишь твердила в ответ, закатывая свои прекрасные глаза:

— Он и меня обманул точно так же, как вас!

Достаточно зная настроения Франсуа, она поручилась, что его побег «не внесет никаких изменений в обязанности брата по отношению к королю и что он просто отбыл в свои владения, чтобы отдать там необходимые распоряжения о предстоящем походе во Фландрию».

Но как раз этого Генрих III желал менее всего на свете. Только и не хватало ему оказаться в конфликте с Испанией! Тем не менее он сделал вид, что вполне удовлетворился ответами сестры, и позволил притворщице мирно удалиться в свою комнату.

Добравшись без препятствий в Анжер, Франсуа написал брату: «Вы позволяли без суда и следствия убивать моих слуг у ворот вашего замка... Мне не оставалось ничего другого, кроме как бежать от подобного насилия, тем самым отведя угрозу и моей собственной жизни. Меня предупредили о том, что не далее чем через четыре дня, пока вы все еще обдумывали, в духе Цезаря Борджиа, как же со мной поступить, мне было бы уготовано уединение в Бастилии».

Взял да испортил праздник!

Между прочим, Жан Мишель, посол в Италии, подтверждал:

— Напрасно ему вменяют в вину побег: в противном случае он был бы осужден на пожизненное заключение.

Чтобы как-то замять конфликт, Екатерина отправилась в Анжер. Встреча с сыном состоялась 13 апреля 1578 года. Королева-мать обрисовала ситуацию так:

— Посол Испании пригрозил нам объявлением войны, как только французская армия вступит во Фландрию. Умоляю вас отказаться от этой затеи.

Герцог ничего не обещал, но Екатерина несколько изменила направление его мыслей, предложив ему жениться на одной из дочерей Филиппа II или, если такой брак ему не по душе, на Екатерине Наваррской. А пока лучше было подождать приезда Марго, с которой она вместе отправится в путь через герцогство Анжуйское. В самом деле, Генрих III, в течение шести месяцев противившийся отъезду сестры, теперь всячески ее торопил. Кто знает, может, ей удастся уговорить короля Наваррского переменить веру... И даже если эта надежда обманчива, уже одно ее присутствие будет способствовать по крайней мере умиротворению целой провинции, где под пеплом все еще продолжали тлеть искры пожара. Там, за Луарой, две партии не прекращали междоусобицу. Грабежи и воровство с той и другой стороны все более опустошали страну. Гугенотов тревожил предстоящий приезд Маргариты: не станет ли с ее появлением «еще хуже»?

Дабы придать Маргарите побольше веса, король наделил ее почти полными правами суверена. Ей отошли ряд земель в Центральной Франции: Ажен, Кэрс, Руэрг, графство де Гор и еще сколько-то «подмагистратур». Чем ближе ее владения подойдут к границам беарнского суверена, тем легче будет ей оказывать на него влияние и привлекать «мятежников» на сторону короля. Весьма довольная тем, что мать помогла ей приобрести новую политическую роль, Маргарита с радостью отправилась в долгое путешествие через Лангедок — а вовсе не «с великим огорчением и против своей воли», как в том уверяет нас Пьер де л'Этуаль.

Да и что было ей оставаться безо всякого дела в Лувре, который чем дальше, тем больше становился похожим на разбойничий притон? Ее подруга, принцесса де Ла Рош-сюр-Йон, умерла 12 апреля. Анжу, претендент на фламандский престол, без устали разлагольствовал, втягивая в свои долгие интриги новых фламандских дворян, тех, во всяком случае, кого не пугал его болезненный вид. Лицо Франсуа настолько изрыла оспа, что, казалось, у него двоился нос — отсюда и

Фламандцы, не глядите косо
На Франсуа и его два носа,
И по праву и по обычаю
Два носа — знак двуличия.

Екатерина подтвердила свое решение: да, она будет сопровождать дочь. «Мадам Змея» издавна вынашивала мечту собрать католиков и протестантов на конференцию, которая прошла бы в замке Нерак, резиденции Генриха Наваррского. И, дабы придать должный блеск путешествию двух королей, Генрих III потребовал у духовенства чрезвычайный налог — пятнадцать су с франка... Клир состроил гримасу, но все-таки обещал раскошелиться — чего в конце концов так и не сделал. А король Франции демонстративно посещал мессы во всех приходах Парижа, чтобы доказать, какой он «добрый католик, и что духовенство не вправе и не должно отказывать ему в чем бы то ни было».

В субботу 26 июля 1578 года Маргарита и ее мать попрощались с Генрихом III в его замке Оленвиль, неподалеку от Арпажона. Двух королей сопровождал кардинал де Бурбон, герцог де Монпасье и канцлер Ги дю Фор, сир де Пибрак, поэт, влюбленный в Маргариту. Конечно, Екатерина взяла свой «летучий эскадрон», без которого не могла обходиться. Шарлотта де Сов, гарцуя на лошади и радуясь хорошей погоде, неотрывно думала о том, как возобновит любовную связь с Беарнцем, благо это отвечало и интересам королевы-матери... хотя за короткий перерыв в своих отношениях с Анжу она уже успела стать любовницей герцога де Гиза.

Внушительная свита Маргариты — в полном смысле слова

путешествующий свет — состояла из трехсот персон. Помимо этого впечатляющего списка, в Национальном архиве хранятся двадцать восемь томов, с трудом поддающихся расшифровке, — казначейские книги и отчеты о доходах королевы Наваррской. Помимо фрейлин, с ней ехали горничные и прачки, державшиеся поближе к своей госпоже, а следом шагал, скакал и ехал мужской эскорт. Начнем с тех, кто выполнял самые приятные повинности: скрипачи, лютнисты, музыканты для балов. С Маргаритой ехали также члены ее совета, финансисты, казначеи, секретари, контролеры, квартирмейстеры. Не позабыла набожная Маргарита взять с собой в Наварру и своих капелланов, церковных служек, священников, исповедников. В королевском кортеже находились врачи, аптекари, хирурги, лакеи. Подчас предстояло проводить ночи в замках, обставленных не столь пышно, как того заслуживала дочь Франции, поэтому в процессию входили также обойщики и их подмастерья, готовые покрыть стены тканями и гобеленами. А далее нескончаемой вереницей тянулся целый интендантский легион: подавальщики напитков, хлеба и вин, булочники, разносчики, кладовщики, мундкохи, поваренки, носильщики, хранители посуды, кондитеры, мясники, поставщики рыбы и фруктов, загонщики скота... И это еще не все!

Само собой, всех фрейлин, которые ни на шаг не отставали от Марго, сопровождали свои лакеи. А чуть поодаль двигалась конюшенная служба: целая толпа конюхов, погонщиков мулов, кучеров и извозчиков.

Остановки делали все чаще: Маргарита снова увидела Шенонсо, Амбуаз, Шинон, Азе-ле-Ридо. «А как только мы въехали во владения мужа, — пишет она, — мне тут же начали устраивать торжественные въезды». В провинции Коньяк, сообщает Брантом, «много красивых, знатных и достойных дам пришли повидать королев и выразить им свое почтение. Они были очарованы красотой королевы Маргариты и без устали нахваливали ее королеве-матери — та от счастья была вне себя. Чтобы доставить радость этим достойным дамам, королева-мать попросила дочь однажды надеть свой самый пышный наряд и напомнила ей о том превосходном платье, в котором Маргарита являлась двору в дни самых значительных праздников и приемов. Дабы угодить столь чуткой матери, королева Наваррская так и сделала: она была просто неподражаема в платье из серебристой ткани с сизым отливом, широкими ниспадающими рукавами, со своей роскошной прической и вуалеткой, не слишком большой и не слишком маленькой. При этом величие, которое исходило от нее, было столь изысканно и совершенно, что сама она казалась скорее небесной богиней, чем земной королевой».

— Дочь моя, вы прекрасны, — восхитилась Екатерина.

— Мадам, я спешу носить и снашивать мои платья и те фасоны, что я увезла с собой из Лувра. Ведь отправляясь туда, я не возьму их с собой: во дворце же мне понадобятся ножницы и материя, чтобы вновь быть одетой по моде, которая придет в Париж к тому времени.

— Дочь моя, почему вы так говорите? Вы же сами изобретаете и создаете прекрасные наряды. Куда бы вы ни направились, все равно по возвращении не двор будет диктовать вам моду, а вы — ему.

Нравы двора Валуа будут удивлять нас всегда. Декольте на некоторых платьях Маргариты превосходит самое смелое воображение. Молодая женщина откровенно демонстрировала свою грудь, «которую приближенные к ней дамы с восторгом целовали», как некогда делали это ее фрейлины...

Маргарита крайне удивилась, что ее муж не поспешил на встречу ей в Бордо. Но объяснялось это просто. Во-первых, король Наваррский был в весьма натянутых отношениях со всесильным маршалом де Бироном, королевским наместником провинции Гиень. Во-вторых, жители Бордо только что оскорбили короля Наваррского, заперев перед ним городские ворота. После этого они, само собой, широко распахнули их для Маргариты, которая надела в тот день украшенное вышивкой оранжевое платье и гарцевала на белом коне. Маршал де Бирон обратился к ней с речью. Следом говорили архиепископ, мэр и городской судья. Брантом, как всегда, впал в экстаз, услышав, как она отвечала им всем — «столь красноречиво, столь умно и кратко, с таким изяществом и величием, ни разу не повторяя предыдущих ораторов, хотя и говоря на одну с ними тему».

Вечером того же дня господин де Ларжбастон, упиваясь своими словами, будто шербетом, заявил Брантому:

— Лучшей речи я в своей жизни не слышал!

Хотя, по правде сказать, ему уже приходилось беседовать с той, кого называли «Маргаритой всех Маргарит», с сестрой Франциска II, речь которой, похоже, доставляла не меньшее наслаждение, чем ее красота.

2 октября на полпути от католического городка Сен-Макер до протестантского городка Ла Реоль, в уединенной усадьбе Кастера, Генрих, которого сопровождали шестьсот человек, предстал перед своей тещей и женой, которых дважды расцеловал. Екатерина так рассказала об этом королю Генриху III: король Наваррский «приветствовал нас со всеми почестями, изысканностью и, как мне показалось, с большим чувством и радостью... После того как мы тоже оказали ему добрый прием, в чем Ваше Величество можете быть уверены, и поговорив некоторое время на темы, волнующие нас всех, мы вышли из залы и сели в мою карету, куда и он сел вместе с нами, чтобы доехать до этого места».

«Это место» — это Ла Реоль, где Маргарита и Генрих провели ночь. Но в одну кровать они лягут только на следующий день: в первый вечер от Генриха несло такими ароматами, что Маргарита предпочла спать одна. Король Наварры не удостоил своим вниманием Шарлотту де Сов, но чуть ли не больше ее задело то, что он явно увлекся другой девицей из свиты королевы-матери, Викторией д'Алая, в обиходе прозванной Дейель. Эта хорошенькая испанка вошла в список, состоявший из пятидесяти шести дам, про которых доподлинно известно, что они были любовницами Сердцеда... Но это почти все, что мы о ней знаем. Маргарита, приверженная свободным нравам, ибо замужество ее пришлось на времена взаимной неверности супругов, легко мирилась с ухаживаниями своего мужа, при условии, как она сама говорила, что Генрих сохранит к ней «уважение и дружеские чувства». Маргарита даже уточнила, что оба «не скрывали чувства глубокого удовлетворения» от того, что они снова вместе.

В Тулузе, городе католическом, куда они прибыли 25 октября 1578 года, у Маргариты резко подскочила температура. Депутаты городского парламента нанесли ей визит, чтобы, как тогда говорили, «засвидетельствовать почтение». Она приняла их в широкой кровати, покрытой дамасским полотном. В глубине алькова пел хор мальчиков. Можете себе представить изумление депутатов...

Пока королева Наваррская знакомилась со своими новыми вассалами, Екатерина стремилась повсюду заставить уважать эдикт Генриха III о примирении. Своей властью она восстановила католическую церковь в городах и селениях, где гугеноты ее запретили.

Когда королевский кортеж проезжал через католические территории, король Наварры исчезал... чтобы возникнуть тотчас же, едва кортеж оказывался на землях гугенотов. Королева-мать стремилась очаровать мужа своей дочери. Когда город Ош преподнес ей ключи, она изящным жестом отклонила дар, сказав помощнику бургомистра:

— Передайте их моему зятю!

Маргарита въехала в Ош 21 ноября 1578 года в носилках, покрытых черным велюром. Генрих, который задержался из-за фурункула, выскочившего не в лучшем месте, прибыл на берега Жера только через день и в крайне дурном расположении духа, ибо только что жители Оша — как ранее жители Бордо — перед самым его носом закрыли ворота города. Наконец он присоединился к Марго. «Вскоре приехали скрипачи, мы начали танцевать...» Король Наваррский — политический расчет возбудил в нем страсть — объявил своей жене, что впредь будет исправно выполнять супружеские обязанности. Несмотря на фурункул...

15 декабря в семи лье от Ажана едва одетые нимфы — хотя на

улице было довольно свежо — грациозно приветствовали обеих королей в замке Нерак, настоящей крепости на берегу Баизы*. Уроженка Гаскони, девица Соваж, ехавшая перед Марго на белом иноходце, читала ей гасконскую поэму «Нежная песнь в честь первой красавицы мира». Это приветствие написал Гийом дю Барта, один из приближенных Генриха, его стольник. «Первая красавица мира» подарила юной нимфе расшитый шарф и поблагодарила поэта, который в своей поэме назвал ее «неповторимой Маргаритой».

Затем актеры короля Наваррского в честь Марго исполнили на трех языках, гасконском, французском и латыни, сцену, которую написал все тот же Гийом дю Барта.

Двор пировал, предавался танцам и любви. «Любовь, — писал Рони, будущий герцог Сюлли, — стала самым важным занятием придворных. Смешение двух дворов, не уступавших друг другу в галантности, привело к тому, чего и следовало ожидать. Все предались наслаждениям, пирам и утехам». Так продолжалось до Рождества, которое Екатерина и Марго встретили в монастыре Парави, на берегу Гаронны, потому что гугеноты Нерака разграбили церковь Сен-Николя, самую близкую к замку.

* * *

2 февраля 1579 года, после долгих и трудных споров со взаимными обвинениями и уступками, конференция в Нераке наконец открылась. Генрих начал с того, что перечислил притеснения, которым подвергаются протестанты. Маргарита, со своей стороны, пробовала успокоить гугенотов, которые проявляют «чрезмерную надменность». Ей помогал канцлер де Пибрак, все больше в нее влюблявшийся. Позабыв ради прекрасных глаз Маргариты о своих должностях члена Королевского совета и президента Парижского парламента, он стал поддерживать интересы короля Наварры.

Протестантам было отказано в праве погребения на городских кладбищах: пусть удовольствуются закоулками своих садов. И Генрих бросил католическим проповедникам грозное обвинение: они толкают народ к новой резне, внушая, что, якобы «Богу приятны жертвы в лице убиенных протестантов».

— Это и вынудило меня взяться за оружие, как я об этом ни сожалею, — заключил король Наварры. — Но поднял я оружие не против короля, моего суверена, не против государства и короны, а как раз наоборот, за то, чтобы их сохранить.

* От изящного главного здания этой крепости до наших дней сохранилась только красивая ажурная галерея. (Прим. авт.)

После месяца изнурительных дебатов протестантам удалось добиться, и то всего лишь на шесть месяцев, трех новых крепостей в Гиени и одиннадцати крепостей в Лангедоке... причем содержать крепостные гарнизоны должен был Генрих III.

«Королева-мать хотела пробыть в Гиени недолго, — пишет Маргарита, — но происходило столько всяких инцидентов, что она задержалась на восемь месяцев». Наконец Екатерина отправилась в Париж, а Маргарита осталась с мужем.

«Лучшей супружеской четы быть не может», — с оптимизмом писала королева-мать своей подруге герцогине д'Юзес. Генрих увез свою жену в По, куда они прибыли 26 мая 1579 года. Жители По, ожесточенно преследовавшие католиков, не выразили ни малейшей радости в связи с приездом королевы, развода с которой они настойчиво требовали у своего короля.

В замке По набожной Маргарите пришлось слушать мессы «в крохотной часовне, не более трех или четырех шагов в длину», куда местным католикам запрещалось входить. Чтобы помешать им, во время мессы специально поднимали мост. Однако на Троицу несколько особо усердных католиков По нашли способ проскользнуть в часовню, а королеве не хватило духу их выгнать. Секретарь Генриха, Жак Лаллье, сеньор дю Пен, предупрежденный кем-то, послал туда гвардейцев, которые прямо на глазах Марго «вытащили их оттуда, побили и бросили в тюрьму». Им присудили огромный штраф. Маргариту это возмутило, и она отправилась жаловаться к мужу. Похоже, у короля Наваррского поступок его секретаря вызвал досаду, но все же он попытался смягчить его вину:

— Он просто переусердствовал как протестант.

Король пообещал посоветоваться с членами совета города По, «что можно сделать, чтобы успокоить королеву». Сколько довелось пробыть в тюрьме арестованным католикам, так и осталось неизвестно...

Можно понять, почему с такой безмерной радостью Марго покидала По, «клянясь, что никогда больше ноги ее здесь не будет, ибо она хочет сохранить свободу своего вероисповедания...».

Супруги направились в Монтобан, город, слывший чересчур протестантским. Вот рассказ Маргариты: «Мы проехали через городишко Оз, где пришлось заночевать. Здесь у короля обнаружилась высокая температура, продержавшаяся семнадцать дней и сопровождавшаяся сильными головными болями, не дававшими ему покоя ни днем ни ночью, причем ему постоянно приходилось менять постель. Я ухаживала за ним так усердно, не отходя от него ни на минуту, даже спала рядом, не раздеваясь, что он в конце концов оценил мою заботу и стал расхваливать меня всем окружающим...»

7 августа 1579 года супруги отправились в замок Нерак.

А что же тем временем происходило с Бюсси? Обосновавшись почти безвыездно в замке Пон-де-Се, правитель Анжера — такую должность он занимал при герцоге Анжуйском — безумно скучал... вплоть до того дня, когда его посетила идея отправиться в Ла Кутансьер, чтобы нанести визит очаровательной графине де Монсоро, супруге главного ловчего — которую впоследствии прославит в своем романе Александр Дюма.

Обязанности главного ловчего при дворе требовали от графа Монсоро продолжительных отлучек из дому, и неизбежное произошло. Из легенды, которой обросли впоследствии эти события, исторически подтверждается лишь один эпизод. Бывший любовник Маргариты, галантный, но, увы, бесцеремонный господин, послал в Париж своему другу де Ту записку, в которой содержалась следующая фраза: «Я поставил силки на лань главного ловчего, и она попалась».

— Правда ли, месье де Ту, что вы получили новости от месье де Бюсси? — спросил его герцог Анжуйский.

Не заставляя себя уговаривать, де Ту показал письмо.

— Вы мне его доверите? — спросил Франсуа.

— Весьма охотно, монсеньор.

Анжу открыл содержание письма Генриху III и даже, как бы по забывчивости, оставил его в кабинете короля на столе.

Последствия нетрудно было предвидеть.

Король, державший зло на Бюсси за неверность по отношению к нему, показал письмо графу Монсоро и намекнул, что если тот решит отомстить за свою честь, он закроет на это глаза. Супруг во весь опор помчался в Ла Кутансьер и, как в хорошей мелодраме, сказал жене примерно следующее:

— Я все знаю. Напишите вашему ухажеру и назначьте ему свидание на завтра около полуночи.

Графиня Монсоро не посмела послушаться.

За двенадцать дней до прибытия Маргариты в Нерак, «в среду 19 августа 1579 года, — пишет Пьер де л'Этуаль, — Бюсси д'Амбуаз, губернатор Анжу, который выказывал столько надменности благодаря расположению своего господина и являлся причиной стольких несчастий и злодеяний в Анжуйской земле, был убит сеньором де Монсоро».

В самом деле, едва прибыв в замок, «Бюсси тотчас попал в засаду: добрый десяток или дюжина слуг графа де Монсоро напали на него. Поняв, что он предан и помощи ждать неоткуда, этот дворянин сражался до конца, доказав, как он часто говорил, что сердце его никогда не знало страха. Вскоре в руке у него остался только обломок шпаги, но он продолжал сражаться и этим

обломком, пока не осталась уже одна рукоятка, и тогда он обрушил на нападавших стол, стулья, скамьи, скамеечки, которыми ранил или заставил обороняться трех или четырех противников, но в конце концов, оставшись без какого бы то ни было оружия, был побежден превосходящим числом врагов и нашел свою смерть у окна, из которого хотел выброситься, чтобы спастись». Есть свидетельства, что его труп, выброшенный убийцами из окна, повис на острых зубьях ограды, расположенной внизу.

«Таким был конец Бюсси, человека бесстрашного, но чересчур строптивого и небогобоязненного, что и принесло ему несчастье».

Узнав, уже в Нераке, о смерти того, кого она так любила, Маргарита вздохнула:

— В этом веке во всем мужском племени не было никого, кто мог бы сравниться с ним по силе духа, достоинствам, благородству и уму.

Это происшествие побудило ее написать продолжение катренов, навеянных катренами Бюсси «Дух Лизи, говорящий последнее прощай своей Флоре». Под Лизи подразумевался Бюсси, под Флорой — Маргарита.

ДИАЛОГ О СМЕРТИ БЮССИ Д'АМБУАЗА

У изголовья моей кровати мне чудится скорбный глас.

Как похож он на голос Лизи!

Руки, холоднее мрамора в тысячу раз,

Прикосновения, крики вблизи.

У ног моих юноша, в крови и рубцах,

В груди расплзается холод льдин,

Сердце сковали ужас и страх,

Я в беспмятстве падаю рядом с ним.

Мадам, говорит он мне, победите страх,

Я, ваш Лизи, первым спускаюсь в ад.

Здесь, в долине вечных туманов, я — ваш призрак и прах:

Жизнь — вечный траур, никого не вернуть назад.

Я узнаю этот голос и, проснувшись, вновь

Вижу красу до боли знакомых черт.

Скажи, говорю я, рыдая, ярость каких богов

Затмила тебе этого солнца свет?

Глава XI

ДВОР ЛЮБВИ В НЕРАКЕ

Я очень довольна и счастлива, говорю это без утайки.

Марго

Вернувшаяся в Нерак Маргарита слышала столько комплиментов, да еще в стихах, от поэта Гийома дю Барта, что позабыла и думать о Бюсси. Ей по душе пришлась неспешная жизнь здешнего двора, где говорили исключительно о «любви, удовольствиях и времяпрепровождении, с ними связанных...».

От сурового феодального замка, где некогда блистала другая Маргарита — сестра Франциска I, — осталось одно воспоминание. Теперь в нем обитали все знаменитости Возрождения. Стены замка были покрыты коврами из По, комнаты украшены венецианскими зеркалами, рамки которых отделаны «перламутром, жемчугами, золотом и серебром».

В первые же дни по возвращении молодой королевы Марго библиотека пополнилась редкими книгами, ибо «чем просветленнее умы, тем ржавее оружие».

В то время как король Наварры предавался блуду, Маргарита и ее свита молились в прелестной часовенке, находившейся в парке под названием Королевский сад. Часов в одиннадцать они обедали. Затем королева и ее дамы прогуливались в прекрасном саду с фонтанами и аллеями, обсаженными лавровыми, апельсиновыми деревьями и кипарисами. Если время позволяло, маленький двор перебирался на другой берег речки Баиз, чтобы побродить в парке Гарённа. Этот незамысловатый парк был разбит по указанию Маргариты: аллея длиной в три тысячи шагов вела вдоль реки к зеленому театру. Еще и сегодня там находят столбики, когда-то

обозначавшие прогулочные дорожки. На каждом маршруте там стояло множество беседок, в которых можно было отдохнуть и перекусить. Остаток дня посвящали «различным благородным удовольствиям», как выразилась Марго. Если погода стояла теплая, двор отправлялся на пляж, чтобы окунуться в светлые воды Баизы. Иногда, чтобы развлечься, ехали посмотреть питомник для разведения черепах.

«Наш двор был так прекрасен и приятен, — писала Маргарита, — что мы совершенно не завидовали двору Франции в Париже». Сеньоров и дворян из окружения мужа королева находила «людьми столь же благородными и галантными, каких приходилось встречать только в Париже; единственное, о чем можно было сожалеть, так это о том, что они гугеноты». Но об этом различии говорить избегали...

«Мы все сделали куртизанами, — писал будущий Сюлли, — и волочились напропалую друг за дружкой; только смех, танцы и приятные путешествия развлекали нас».

В шесть часов вечера весь двор усаживался за столы, уставленные куда более изысканными блюдами, нежели в те времена, когда Генрих довольствовался «хорошим солдатским куском мяса», бычьими потрохами да бараньим желудком с репой. Не говоря уже о яичнице, густо сдобренной дольками чеснока, любимом кушанье наваррского короля, из-за чего его можно было за версту узнать по запаху. Но изысканные вкусы весьма переменчивы: хотя павлины, лебеди и аисты подавались только по праздникам, они быстро приелись гурманам, которые теперь отдавали предпочтение «экзотическим яствам»: воронам с капустой, индюшкам и цесаркам. Конечно, ценилась и рыба, но с не меньшим удовольствием поглощали также ужей и ежей...

Вилка, которую Генрих III привез из Венеции, все еще была большой редкостью на столе, зато ложка полагалась каждому гостю, а нож, чаще всего с ручкой из черного дерева или слоновой кости, — один на несколько едоков. Так что есть приходилось почти руками... Стаканы по старинке хранили на сервировочных столиках и в буфетах, где их наполняли официанты, прежде чем разнести гостям. Зато стол уставляли множеством блюд, накрытых серебряными крышками: хотя страх перед отравлениями уже почти исчез, обычай остался, а кроме того, это позволяло сохранять мясные блюда горячими, так как их подавали не одно за другим, а все сразу, лишь только гости усаживались за стол.

Во время ужина атмосфера царила экстравагантная. Тон трапезе задавал король, чье настроение постепенно поднималось. Мужчины во время трапезы, «уже по привычке, чаще дотрагивались до женских бедер, чем до вкусных блюд, которые подавались на стол».

Королева пригласила музыкальное трио: лютня, виола, мюзетт. Вечером двор играл какую-нибудь комедию или предавался танцам. И, конечно, флиртовал.

— Кавалер без любви — это кавалер без сердца, — вздыхала Маргарита. Своей подруге, герцогине д'Юзес, которую она называла «Сибиллой», королева написала: «Я очень довольна и счастлива, говорю это без утайки...»

Красота, шарм, редкостный ум королевы Маргариты и в этом новом для нее дворе вскружили немало голов и разбили немало сердец, тогда как ее муж все настойчивей ударял за фрейлинами своей жены... что и родило такую песенку:

Сколько надо сил и рвения
Уследить за корольком.
Все фрейлины в положении,
А женушка ни при чем.

Хотя, с другой стороны... ой-лю-лю!
Верность сей дамы под стать королю.

Как признавался сам Генрих, «ей надо было, чтобы я страдал от ее любезничаний с Клермоном д'Амбуазом... Я не настолько слеп, особенно когда дело касается чувств и выставляется едва ли не напоказ, чтобы, подобно другим, не замечать, что Клермон д'Амбуаз много раз целовал ее в дверях ее комнаты, причем она была в одних нижних юбках. По вечерам, чтобы дать ей возможность спокойно улечься в кровать, я играл или прогуливался на своей половине с моими офицерами».

Генрих Наваррский понимал, что его жена даже не старается его вернуть. Однажды он доверился Агриппе д'Обинье:

— Не стоит удивляться: ведь ее чуть не тошнит от одной обязанности приласкать меня, когда, весь в пыли и поту, я возвращаюсь с войны, охоты или других своих тяжелых дел. Вплоть до того, что она тут же меняет простыни, даже если мы провели на них не более четверти часа...

Со свойственной ей утонченностью Марго велела доставлять в ее ванную комнату бочки с водой из Габра, утверждая, что вода этой речки гораздо мягче для кожи, чем вода Баизы. После ванны она любила растянуться на простынях из черной тафты, хорошо оттенявших перламутровый цвет ее кожи. Сотня свечей освещала комнату. Чудная мизансцена. Клермон д'Амбуаз был не единственным, кто мог созерцать Маргариту в ее опочивальне. Подобной благосклонностью пользовались и другие, прежде всего Генрих де ля Тур д'Овернь, которого прозвали «красавчик Тюрен». Впрочем, он довольно быстро удовлетворил «страсть наших душ и тел...». Его уход не слишком опечалил Марго, ибо доблестный солдат оказался никчемным любовником:

— Он похож на грозные, но пустые облака.

Правда, он умел ее смешить, и они любили, воркуя, вдвоем напевать романсы.

Красавчика Тюрена у ног Марго сменил неотразимый Жак де Арле де Шамваллон, главный конюший герцога Анжуйского, известный острослов. Маргарита повстречалась с ним еще в 1577 году в Ла Фере. И вот три года спустя, в декабре 1580 года, в замке Фуа-Кантала около Кутраса, родилась третья большая — после герцога де Гиза и Бюсси — любовь Маргариты, «великое чудо природы». Шамваллон в ее глазах стал божеством, с кем никто не шел ни в какое сравнение. Она жила исключительно для него — и опять потекли стихи:

Я переполнена страстью и нежностью;
Я живу для любви — я до смерти люблю.

Как это во все времена делали влюбленные, Марго исписывала стены домов и стволы деревьев одиннадцатью буквами имени своего воздыхателя *. «Должна вам признаться, что самые твердые скалы, на которых тысячу раз запечатлела я ваше имя, вашу красоту и мое чувство к вам, могут вам сказать, принадлежит ли моя душа к тем душам из воска, которых время и пустота каждый день лепят по-новому, сотни раз меняя их форму... Прощайте, жизнь моя, целую миллион раз ваши прекрасные глаза и прекрасные волосы, для меня нет ничего дороже и милее оков, которые нас связывают...»

Так как Анжу в это время находился в замке Кадиллак, Маргарита отправилась к нему. Здесь целых два месяца она наслаждалась обществом Шамваллона, с которым виделась совершенно свободно. Когда же «единственное солнце моей души, мое сердце, мое Все, мой Нарцисс» — лишь в таких выражениях изъяснялась Маргарита о предмете своей страсти — вынужден был покинуть Гиень вместе с герцогом, чтобы сопровождать его в качестве главного конюшего, Маргарита почувствовала себя «изгнанницей в пустыне» и надела черные одежды. Сердце ее было в трауре. «Так попробуйте же, душа моя, — продолжала она в том же письме, — рассеять тучи этой ужасной преграды, которая разделила наши тела, но никогда не разделит наши души, связанные навеки единой судьбой...»

Зная силу своей привлекательности и хорошо умея пользоваться ею, она любезно предоставила своему избраннику право обманывать ее и даже как бы пригласила его к этому: «Тем не менее, если страсть к перемене внезапно нависнет над вашей душой, прошу вас, не противьтесь своей страсти; я не боюсь вас по-

* Champvallon.

терять, ибо живу в глубоком убеждении, что, когда все мы покинем этот мир, мы с вами воссоединимся на том свете...»

Не случайно свое письмо она закончила прощанием:

«Adieu, мое солнце, à Dieu, мой ангел*, великое чудо природы; миллион раз целую этот миллион совершенств, который боги сотворили себе на радость, а людям на восхищение».

Неистовство ее любви отразилось и в таких иступленных стихах:

Я люблю в себе твою любовь,
Для меня твоя вскипает кровь,
Наши жизнь и смерть слились в объятьях.
Друг для друга жить нам суждено,
Умирать друг в друге, заодно.
Не хочу — и жажду умирать я.

Страстно увлеченная гуманизмом и философией Платона — не случайно ее настольной книгой был диалог Платона «Пир», — королева Наваррская поглощала Плутарха и любила долгие философские диспуты с Мишелем де Монтенем, которого Генрих назначил придворным в свою свиту.

К счастью для Маргариты, она имела достаточно влияния на мужа, чтобы тот хотя бы по вечерам снимал свой нелепый и заносенный наряд, весь изодранный лесными сучьями, и надевал черно-белый шелковый полукафтан, штаны веселой расцветки и голландские чулки — при этом, правда, забывая умыться...

Архивы Нерака свидетельствуют о щедрости короля Наваррского по отношению к Маргарите. Он дарил ей драгоценности, ткани для платьев, надушенные перчатки, весьма ценившиеся в ту эпоху... особенно если они были еще и пропитаны ядом. К счастью, в данном случае такого быть и не могло.

На Генриха снова навалилась «огромная слабость, причиной которой была его несдержанность в отношениях с женщинами», и все понимающая Маргарита опять принялась самозабвенно ухаживать за ним. Она надеялась родить от него сына и для этого шла на все. «Я отправляюсь на воды в Баньер, — написала она матери, — хочу увидеть, будет ли Бог милостив ко мне, чтобы увеличить число ваших преданных слуг. Многим эти воды помогали. По возвращении в Нерак я извещу вас о том, помогли ли они и мне».

А меж тем поправившийся король тут же воспыал чувством к фрейлине своей жены, которая не последовала за госпожой в Баньер. Франсуаза де Монморанси-Фоссе, в обиходе Фосsez, была еще совсем юная девица. Она была лакомкой, и свои ухаживания Генрих начал с того, что стал угощать девушку конфи-

* A d i e u — прощай, прощайте; à D i e u — к Богу.

тюрами из Генуи и грушами, надушенными «шафраном из Тура». Конечно, обольститель добился успеха: девушка подчинилась желанию своего короля, чему в известной степени способствовала и сама королева, находившая, что Фоссез «еще совсем дитя с очень доброй душой».

Вот как об этом рассказала сама Маргарита: «Фоссез, которая была без памяти влюблена в моего мужа, настолько старалась ему угодить, что вскоре забеременела». Чтобы избавиться от этой неожиданной помехи, Фоссез отправилась на горячие источники долины д'Оссон, славившиеся тем, что их воды помогали прерывать беременность, — то есть цель этой поездки была прямо противоположна надеждам, которые Маргарита возлагала на источники Баньера. Заботясь о собственном комфорте, Генрих пожелал, чтобы Марго сопровождала свою фрейлину, но она отказалась под предлогом, что дала клятву, что ноги ее никогда не будет в Беарне, «пока там не воцарится католическая вера».

Королю самому пришлось сопровождать на воды «свою девочку», как он называл Фоссез, — тогда как Маргарита начала новый курс лечения в Баньере. В «Мемуарах» она обмолвилась, что, будучи разделена с Шамваллоном, пролила в Баньере столько же слез, сколько ее муж со своей любовницей «выпили лечебной воды».

Увы! ни воды горячих источников, ни тем более мягкие воды Баньера ни той ни другой не принесли желаемых результатов. Так как Фоссез была уже близка к разрешению от плода, Маргарита со свойственной ей безграничной участливостью предложила юной любовнице своего мужа отправиться с ней в Мас д'Ажена, где в «уединенном месте находился дом короля»:

— Я возьму с собой лишь тех людей, которых вы сами захотите взять. Тем временем король отправится куда-нибудь на охоту, и вы не тронетесь с места, пока не родите. Таким образом мы положим конец слухам, которые мне так же небезразличны, как и вам.

«Вместо того чтобы поблагодарить меня, Фоссез с крайним высокомерием заявила, что уличит во лжи всех тех, кто о ней дурно отзывался».

Короче, уповая на то, что в моде были всякие фижмы, фрейлина надеялась еще довольно долго скрывать свое положение. Королеве она заметила, что Маргарита ее больше не любит и только и ищет предлог, чтобы погубить ее репутацию. «Сказав все это очень громко, тогда как я с ней говорила очень тихо, она в гневе покинула мой кабинет и отправилась прямо к моему мужу сказать ему все то, что только что наговорила мне».

Генрих тем более не испытывал никакой благодарности к жене за ее старания. Больше того, продолжал сердиться на нее — вплоть до того момента, когда у Фоссез начались схватки. Лекарь дал

знать королю, который тут же разбудил и Маргариту, — они спали в одной комнате, но раздельно. Генрих приоткрыл полог, которым было завешено ложе его жены, и виновато признался:

— Душенька, я скрыл от вас кое-что и теперь должен показаться, прошу вас извинить меня за это и забыть все, что я вам когда-то наговорил. Вы меня очень обяжете, если сейчас же подниметесь и окажете помощь Фоссез, которая в этом очень нуждается... Вы же знаете, как я люблю ее... прошу вас, не откажите мне в этой просьбе!

— Я вас слишком почитаю, чтобы обижаться на что бы то ни было, что исходит от вас, — ответила Маргарита с любезностью, в которой все же прозвучала легкая ирония... — Бегу к ней и буду делать все, как если бы она была моя дочь. Вы же немедленно отправляйтесь на охоту и увезите с собою двор.

Маргарита немедленно распорядилась перевести Фоссез из комнаты фрейлин в одну из отдаленных комнат замка.

— По воле Бога она родила девочку, да к тому же мертвую, — объяснила Маргарита королю, когда тот вернулся с охоты...

Генрих немедленно отправился к Фоссез, которая «попросила, чтобы я ее навестила, как я обычно делала всегда, если какая-нибудь из моих фрейлин была нездорова, полагая, что я таким образом помогу унять уже возникшие слухи. Войдя в нашу комнату, муж увидел, что я уже легла...».

— Прошу вас подняться и навесить ее, — жестко сказал король.

— Я уже сделала это, когда Фоссез нуждалась в моей помощи, — ответила Маргарита с вызовом, — а теперь моя помощь ей не нужна. И если я к ней пойду, наверняка откроется все, что произошло, и на меня же будут показывать пальцем.

Несмотря на предпринятые усилия, «пальцем показывали» именно на нее. Да и впрямь, не стала ли она своего рода сводницей, прося тех своих дам, кто посмелее, втягивать мужа в свои сети?

Амурные интриги в Нераке дошли до слуха Генриха III, который не отказал себе в удовольствии растрезвонить о них, — и грянул хор миньонов и архиминьонов!.. Дескать, это дамы двора Нерака подбивают своих мужей и любовников, католиков и протестантов, взяться за оружие. Как следует из свидетельства д'Обинье, в свою очередь и фавориты короля «подверглись такому же подзуживанию своих любовниц, которые чаяли извлечь из будущих подвигов их дружков удовлетворение собственному тщеславию». Эти новые битвы останутся в истории под названием «война влюбленных».

Королева пробовала помешать обострению конфликта меж-

ду ее мужем и маршалом де Бироном, королевским наместником провинции Гиень, доказывая, что война всем принесет одни бедствия. «Мой муж всегда питал доверие ко мне и его ближайшие сподвижники по вере также не раз имели возможность оценить мои советы. Но мне так и не удалось убедить их в том, с чем вскоре они вынуждены будут согласиться».

Маргарита исполняла роль, соответствовавшую ее положению королевы Наварры: «С самого начала этой войны, высоко ценя честь мужа, любившего меня, я решила не покидать его и разделить его судьбу...» Между тем в письме Генриху III и Екатерине она высказала надежду, что их королевские величества «соблаговолят приказать маршалу де Бирону, чтобы город, в котором я нахожусь, Нерак, получил право на нейтралитет и чтобы ближе чем на расстоянии четырех лье от него никаких военных действий не велось. Того же самого я добьюсь и от своего мужа в отношении войск гугенотов... Генрих III выполнил мою просьбу, поставив условие, что мой муж также не должен вступать в Нерак, хотя он там и не бывал. Это условие обеими сторонами соблюдалось беспрекословно...».

К счастью, как заметил Пьер де л'Этуаль, война влюбленных «была всего лишь огоньком, вспыхнувшим в соломе и так же быстро погасшим...». Но Марго от нее настрадалась, и не случайно это признание в письме Сибилле: «Я не стану вам даже говорить, сколько горя и скорби выпало на мою долю».

В субботу 20 ноября 1580 года в Перигоре, в городке Флекс, было подписано перемирие, и успех этот был в решающей степени предрешен посредничеством Анжу. К великому удовольствию Генриха Наваррского Арман де Бирон был заменен маршалом де Матиньоном. В новом документе были подтверждены положения предыдущего пакта, подписанного в Нераке. Но главное достижение гугенотов: гарантия на выделенные им зоны безопасности была продлена до шести лет вместо шести месяцев. Правда, при условии, что они — «мирно и послушно» — вернут королю Франции город Кагор.

Генрих III и Екатерина потребовали, чтобы Марго вернулась в Париж, дав понять, что не менее желателен и приезд короля Наваррского. Однако с финансами было крайне туго. Несмотря на то, что Маргарита продала канцлеру Пибраку за тридцать тысяч ливров свой парижский особняк, отель д'Анжу, находящийся недалеко от Лувра и «расположенный на виду». Вообще-то она не раз уже прибегала к кошельку Пибрака, но деньги улетучивались слишком быстро... Поэтому так кстати оказались пятнадцать тысяч экю, присланных сестре Генрихом III с ее дворецким Монике.

Пополнив свою шкатулку, Маргарита еще и потому обрадовалась возвращению в Лувр, что вместе со всем ее двором принуждена была уехать и ее фрейлина Франсуаза де Монморанси-Фоссе. Неутомимый Генрих Наваррский, когда его любимица окажется далеко, наверняка найдет себе замену, которая, как надеялась Марго, по крайней мере не будет настроена к ней враждебно. Екатерина поддержала дочь, но при этом у нее возник тайный план: зять наверняка увяжется в Париж за женой и крошкой Фоссез. А последняя стала послушным орудием королевы-матери. Сколько задних мыслей вынашивалось в головах той и другой партий!

29 января 1582 года король и королева Наваррские тронулись в путь, твердо условившись, что дальше Монтре-Боннен (это в нынешнем департаменте Вьенн) Генрих не поедет. В этом пункте, как и было условлено, Екатерина встретила дочь и зятя. В замке Ла Мот-Сен-Эре между ними вспыхнула дискуссия: королева-мать настаивала, чтобы зять ехал дальше, в Париж, однако хитрого короля Наваррского не так-то просто было заманить в приготовленную свекровью западню. Он жаловался на свое правительство в Гиени, которое, как он говорил, недостаточно ему послушно. По его словам, было совсем не время оставлять его без присмотра и ехать в Лувр, как того желал Генрих III.

Итак, 31 марта 1582 года Маргарита уехала в Париж без Генриха. Он, надо думать, рад был отделаться от женщины, чьи вздохи предназначались не ему. Ведь у Маргариты все не шел из головы ее белокурый Шамваллон. Остальные для нее как бы не существовали! «Отсутствие привычных вещей, неудобства, стеснения лишь увеличивают мою любовь, так же как в более слабой душе, в сердце, охваченном пошлым желанием, они производят противоположный эффект. Вчера я заснула под бальную музыку, в комнате, полной самых галантных придворных; увеселения, предназначенные слуху и призванные вызывать совсем иные чувства, трогают меня примерно так же, как волны моря разбиваются о тверди скал».

Марго оказалась совершенно неспособной последовать совету, который когда-то выработала для себя самой: «Хотите перестать любить? Овладейте любимой вещью...» Шамваллон для нее — «мое прекрасное Все... единственное и прекрасное чувство, которое вечно будет царить в моем сердце».

Как только Маргарита оказалась в Фонтенбло, Генрих III, скрывая свои истинные намерения, стал домогаться у сестры, чтобы она пустила в ход все возможные средства, лишь бы добиться приезда ее мужа в Париж. Но после долгого обсуждения со своими вернейшими советниками, Дюплесси-Морне и Максимилианом де Бетюном, Генрих отказался покинуть Гиень под предлогом, что с его отъездом здесь могут возобновиться волне-

ния. На самом деле он по-прежнему не испытывал доверия к Генриху III. Хотя Екатерина и написала ему: «Уверяю вас, мой сын любит вас так сильно, как только можно это выразить словами».

Но в этом вовсе не был убежден Генрих Наваррский...

* * *

Примерно в то же время, в начале февраля 1582 года, когда король и королева Наваррские покинули Нерак, герцог Анжуйский отправился в Лондон на встречу со своей уже почти помолвленной невестой, королевой Елизаветой Английской. Она была старше его на двадцать лет. На первую встречу с королевой герцог явился разодетый по последней парижской моде: маленькая бородка клинышком, в ушах бисер, шляпа в перьях и кокетливая мантилья через плечо. Королева нашла его презанятным и, почти очарованная, дала ему прозвище «Лягушка».

Две недели подряд Франсуа Анжуйский выходил в свет щеголем. Он не устал сравнивать Елизавету со всеми божествами Олимпа. Королева, в свою очередь, принимала «жениха» по-королевски и, чтобы развлечь его, устраивала пышные празднества на мифологические сюжеты. У герцога были все основания полагать, что это уже канун свадьбы.

В какой-то момент Елизавета чересчур увлеклась игрой и сама уже готова была выйти замуж за своего «суженого». И все же дело кончилось отказом, причем причины его были изложены довольно туманно. Несомненно, в первую очередь свою роль сыграло общественное мнение, которое в Англии было настроено не в пользу жениха с его католической верой. Но разрыв объяснялся и еще одной причиной, из-за которой рушились все другие британские свадебные планы: «королева-девственница», похоже, не отказивалась на последний шаг.

Чтобы разорвать наметившийся союз, Елизавета выдвинула условие, неприемлемое для Франции, — вернуть Англии порт Кале. Естественно, оно было отвергнуто, и, чтобы хоть как-то смягчить обиду «жениха», Елизавета выделила ему щедрые субсидии на предстоящую войну за освобождение Фландрии. Есть немало признаков, по которым можно судить, что она с большим сожалением рассталась с герцогом. В момент прощания королева преподнесла ему небольшое стихотворение, в котором выразила свою грусть и отчаяние от того, что ее «Лягушка» никогда больше не нырнет в воды Темзы, и пообещала Франсуа помочь ему нырнуть в воды Эско*. И вот в погоне за

* E s c a u t (фламанд. Schelde) — река протяженностью 430 км, протекающая по территории Франции, Бельгии и Нидерландов.

своей фламандской химерой герцог вновь оседлал коня и поскакал на Антверпен.

* * *

В Париже Маргарита с прискорбием узнала о том, что кампания во Фландрии сложилась крайне неудачно для брата. Хотя Франсуа обладал множеством громких титулов, среди прочих — герцог Брабанта, Люксембурга, граф Зеландский*, граф Голландский, или даже такой: Защитник Свободы Бельгии, — они не принесли ему реальной власти, которая по-прежнему оставалась в руках фламандских Штатов. Несмотря на то, что из Франции он получил подкрепление, состоявшее не только из наемников, но также из рекрутов, завербованных в собственных уделах, а во главе войск встали герцог де Монпасье и маршал де Бирон, взять Антверпен так и не удалось. Четыре тысячи солдат Франсуа ворвались в город, огласив его криками: «Город взят! Да здравствует месса!» — но половина из них тут же полегла под пулями оборонявшихся, остальным же пришлось отступить. Пока длилось сражение, брат Маргариты отсиживался в пригороде, куда отправился, между прочим, с первыми же раскатами канонады... Улицы, прилегающие к порту, рассказывает д'Обинье, покрылись трупами, а «в пространстве между двумя причалами горы трупов сравнялись с высотой баланса портовых весов...». В Малине фламандцы открыли шлюзы — и штурм герцога Монпасье захлебнулся в буквальном смысле слова, сам же он с частью войска спасся только благодаря какому-то крестьянину, указавшему им брод.

Анжу не осталось ничего другого, как возвратиться во Францию. То был конец прекрасной мечты. Вместо распростертых объятий Екатерина встретила его криком:

— Лучше бы ты не родился на свет! Тогда из-за тебя не сложило бы головы столько благородных людей!

Но если уж доискиваться главной причины фландрского разгрома, то не лежит ли часть вины за него и на королеве Наваррской, не она ли подтолкнула своего младшего брата на эту авантюру?

* Z e e l a n d (фламанд.) — провинция на юго-западе Нидерландов.

Глава XII

ДРАМА

Такая красота, скорее божественного, нежели человеческого происхождения, несет людям потери и проклятие, но не спасение.

Дон Хуан Австрийский

При виде сестры король неизменно делал улыбающееся лицо, все еще надеясь, что она сумеет убедить мужа приехать вслед за ней в Париж. Уже одним своим присутствием, считал Генрих III, он внес бы расстройство в планы сторонников Гизов — на Маргариту возлагалась задача помешать тому, кто был ее первой любовью. Вот почему, следуя просьбе Генриха III, королева Наваррская вновь принялась уговаривать мужа: «Вы найдете здесь соратников, которых потеряли в долгих баталиях последних лет, и за каких-нибудь восемь дней здесь обретете их больше, чем за всю остальную жизнь в Гаскони. Вы найдете здесь благорасположение короля, которое поможет вам согласовать с ним ваши интересы... Смиренно умоляю вас принять мои слова как глас человека, который превыше всего на свете ставит любовь к вам и желает вам блага...»

Злая на зятя, который упрямо не соглашался покинуть свою Гасконь, королева Екатерина закусил удила. Она заявила, что королева Наваррская не вправе ронять свою честь, мирясь с присутствием Фоссез, которая, как всему миру известно, является любовницей ее мужа. И Екатерина без промедления отправила девушку домой, к матери. Когда о происшедшем узнал Генрих — это было в мае 1582 года, — он пришел в ярость и отправил в Париж Антуана де Фронтенака, приказав ему заявить королю самый решительный протест. Что тот и изложил в выражениях, так ошарашивших Генриха III и обеих королей, что они не сразу пришли в себя.

Оправившись от потрясения, Маргарита выбрала лучшее из своих перьев и какими-то странными чернилами написала мужу следующее письмо: «Если бы вы попросили меня держать при себе девушку, которая родила от вас ребенка, то, в согласии со всеобщим мнением, вы бы тоже сочли, что это двойной стыд, — из-за оскорбления, которому вы бы меня подвергли, и из-за репутации, которую я бы приобрела. Вы пишете, что, дабы закрыть рот королю и королевам Екатерине и Луизе, как и всем, кто меня судит, я должна отвечать, что вы любите ее, а потому и я ее люблю. Такой ответ был бы хорош в устах кого-нибудь из ваших слуг или служанок...»

...но не в устах королевы Наваррской! Легко представить, как хотелось ей дописать эти слова и как гордо в эту минуту дочь и сестра королей вскинула голову. Ей надоело быть чересчур снисходительной женой.

«Если бы мое происхождение не соответствовало чести быть вашей женой, такой ответ был бы даже неплох; но, поскольку я та, кто я есть, он просто неуместен; так что воздержусь... Того, что пришлось выстрадать мне, не то что на долю принцессы — на долю простой девушки не выпадало». Ведь она помогла утаить роды Фосsez, которые чуть ли не сама и принимала! Более того, «однажды утаив собственную ошибку, с тех пор вынуждена была уже придерживаться ее. И если все это не означало желания вам угодить, — заключает Маргарита свое письмо, — то, право, уж и не знаю, что это могло означать в ваших глазах».

Екатерина тоже обмакнула перо в свои едкие чернила, чтобы объяснить зятю причины изгнания из Лувра «этой красивой сучки». А уж затем королева-мать дала себе волю высказать все, что давно накопилось у нее в душе: «Вы не первый молодой муж, который не удержался от соблазнов в подобных делах; но в моих глазах вы первый и единственный, кто, коль скоро это случилось, осмеливается говорить со своей женой подобным языком. Я имела честь быть женой короля, моего сеньора и суверена, и если случилось ему бывать особенно сильно опечаленным, так это когда он узнавал, что мне все известно...» И Екатерина напомнила, какой позиции она придерживалась перед любовницами Генриха II, когда тем предстояло разрешиться плодом внебрачной любви: «Нельзя же из-за них поносить благородных женщин и оскорблять их дом на потеху публичным девкам». Королева-мать притворилась, будто вообще не верит, что Генрих Наваррский может подобным образом вести себя:

«Вы человек слишком благородного происхождения, чтобы быть в неведении, как должны вы жить с дочерью вашего короля, которая, помимо всего прочего, почитает и любит вас, в чем и состоит истинное предназначение всякой благородной женщины».

Генрих мог бы легко возразить, что Маргарита «почитала» его весьма странным образом, пуская в свою постель Шамваллона и столько еще других любовников... В это время новый инцидент обострил отношения в Лувре: Генрих III потребовал у сестры, чтобы она отдала от себя мадам де Дюрас и мадемуазель де Бетюн «как особ крайне распутного поведения».

Впоследствии Генрих Наваррский с иронией напишет Екатерине, что он ничего не знал о скандальном поведении мадам де Дюрас и мадемуазель де Бетюн, «а между тем, учитывая, что Маргарита имеет честь быть такой, какая есть, я рискнул бы несколько огорчить ваше доброе сердце, если бы издали озабочился ее поведением больше, чем Ваши Величества, будучи с ней рядом».

Это насмешливое письмо еще не дошло до Парижа, когда Генрих III пуше прежнего принялся настаивать на приезде короля Наваррского — на что тот с тем же постоянством отвечал, что сейчас об этом не может быть и речи.

Со своей стороны Марго попробовала приманить мужа, написав ему о балах и новых играх при дворе, «которые устраиваются два раза в неделю... Если вы человек чести, то вы оставите свои деревенские привязанности и явитесь сюда, чтобы жить среди людей».

Намерение вернуть мужа ко двору не мешало ей нежно ворковать со своим Шамваллоном... который, чтобы незамеченным попасть в ее дом на улице Кюльтюр-Сент-Катрин, однажды велел доставить себя туда в деревянном сундуке — и был внесен прямо в ее комнату, освещенную горящим факелом. Она ждала его, уже раздетая, лежа на простынях из черной тафты. «Сколько приятных наслаждений вы доставляете мне...» — с восторгом напишет ему Маргарита чуть позже.

Само собой, содержание деревянного сундука, факелы и простыни из черной тафты сделались сюжетом пересудов всего двора. Посол Тосканы в своем докладе, отправленном во Флоренцию, прямо так и выразился: «неслыханный бордель».

Странная идея захватила Маргариту: устроить брак своего поклонника, «чтобы удобней было чаще видеть единственное солнце моей души». Будущая мадам Шамваллон послужила бы ширмой для их отношений... и двор перестал бы следить за каждым шагом холостяка. Двое любовников смогут укрепить свою нежную интимную связь. По крайней мере, так это им представлялось... Сначала королева предложила ему вдову, «женщину красивую и достойную», а когда он отказался, выбрала новую кандидатку, «еще красивей, еще добрей». Но Шамваллон предпочел сам выбрать себе супругу, и 20 августа 1562 года он женился на Екатерине де ла Марк, дочери герцога де Буйона, правившего в княжестве Седан. Такая прекрасная партия

не могла быть выбрана только с целью маскировки. «Значит, нет справедливости на небе, нет верности на земле, — с возмущением написала Маргарита своему любовнику. — Гордитесь, что предали мою слишком горячую любовь! Смейтесь надо мной, обманутой!»

Страдание ее безмерно: «Что останется от моей свободы и от моей жизни, если однажды я лишусь вашего божественного присутствия, чем наполнить душу, ненасытно требующую удовольствия созерцать вас?» Тем не менее она взяла себя в руки: «Я единственная причина своего несчастья, неосмотрительности и невежества». Не без примеси мазохизма она называет себя «мученицей любви»: «Мой прекрасный, я радуюсь и извлекаю огромное утешение из своего несчастья...»

Она писала ему каждый день. Это лихорадочные описания страсти и горького смятения, что не мешало каждое письмо заканчивать пылкой фразой: «Целую миллион раз ваши прекрасные и любящие губы...»

Но она тут же впадала в «апатию» и звала смерть, ставшую «единственным желанием моего сердца. Я настолько свыклась с этой мыслью, что она служит мне утешением, и я не испытываю никакого расстройств, думая, что она принесет облегчение и вам. Каким бы образом ни пришла смерть, лишь бы она пришла скорей: я хочу ее, я желаю ее и молю богов ускорить свою слишком медленную помощь...».

Неожиданно Шамваллон впал в немилость у герцога Анжуйского. Маргарита снова стала ему нужна. Можно представить, с какой радостью она его встретила... их свидания возобновились с помощью все того же деревянного сундука — средства, может, и практичного, но не самого удобного!

Генрих III вернулся из путешествия, и слухи возобновились с новой силой. В это время король впал в показной мистицизм: до пяти утра распевал с монахами псалмы, «молясь о спасении человеческих душ...». Тогда как добродетель восславлялась, любовь оказалась изгнанной в прихожую. До Генриха III дошли слухи о беспутстве сестры. Движимый заботой о строгих моральных устоях, он начал целое расследование, подкупал горничных, записывал имена, даты и обстоятельства амурных приключений Маргариты. Настоящее обвинение! Так ему стали известны все подробности отношений Марго и Шамваллона, включая и злополучный сундук.

В мае 1583 года король отправил герцогу де Жуаезу, представлявшему Францию при папском дворе, письмо, в котором подробно расписал «гнусности» поведения сестры и свое возмущение ею. Посланец подвергся нападению четырех разбойников в масках и был убит, а королевское послание исчезло. Сначала ше-

потом, потом все громче заговорили о том, что это убийство подстроила Маргарита, знавшая о письме короля. Хотя это был чистейший навет, Генрих III тем скорее уверовал в правдивость версии, что она исходила от Гизов.

И драма разразилась — ошеломляющим скандалом.

7 августа 1583 года в зале Кариатид был устроен большой бал. Так как королева Луиза в это время была на водах в Бурбон-Ланси, Генрих III попросил сестру заменить ее. На самом деле у него созрел коварный план. Маргарита, одетая в охотничий костюм, заняла место на королевском подиуме, под балдахинном. Бал начался. Неожиданно появился король и решительным шагом, сопровождаемый Эперноном, направился к сестре. Жестом он остановил музыкантов и повелительным голосом окликнул сестру:

— Мадам!

Танцоры, застывшие при появлении короля, стали свидетелями ужасающей сцены. Осыпав Маргариту «тысячью ругательств», он принялся перечислять имена многочисленных любовников, побывавших в ее постели со времени свадьбы, «а также тех, которые пользуются ее благосклонностью сейчас». Повернувшись к ошеломленным зрителям, он уточнил:

— Королева Наваррская проституировалась до такой степени, что, мало каких-то мальчиков в Гаскони, понадобились даже погонщики мулов и жестянщики в Оверни!

Румяна скрывали, как побледнела Маргарита. Ошарашенная, она не могла вымолвить в свою защиту ни слова. Наконец Генрих III назвал имя, которого все ждали:

— Шамваллон!

Король заявил, что от последнего любовника у нее был ребенок — он в этом убежден! Исчерпав таким образом список развратных походов сестры, Генрих III бросил ей прямо в лицо:

— Вам нечего здесь делать! Уезжайте к вашему мужу! Уезжайте завтра же!

Эта сцена в Лувре столь ужасна, что многие историки подвергали ее достоверность сомнению. Хотя существуют свидетельства маршала де Бассомпьера и герцога де Лозана, которые несколько позже подтвердили ее как очевидцы.

Потрясенная, с глазами, полными слез, Маргарита поднялась. Медленным шагом прошла она через толпу придворных угодников — все расступались перед ней, и никто не приободрил даже простым кивком головы. Добравшись до своей комнаты, она отдала распоряжение приготовиться к отъезду на следующий день. В ту же ночь она узнала, что опасность нависла и над Шамваллоном. Думая уже не о себе, она села за свой письменный столик и написала полные горечи слова: «Слава Богу, что это бешенство

вылилось только на меня *. Но подвергнуть опасности вас, о нет, жизнь моя; через какие бы жестокие испытания не пришлось пройти, пусть они выпадут прежде всего мне. Любую беду я легче перенесу, зная, что не стану виновницей вашей беды... Судите сами, мой любимый, насколько я боюсь, чтобы зло не причинили и вам...» Что до собственных страданий, то их она переносит «с любовью, которая погибнет во мне последней...». Наконец, она просит извинить ее за столь «сумбурное» письмо, ведь она «так удручена и разгневана!»

У Маргариты были основания беспокоиться за своего любовника. В ту же ночь по приказу короля гвардейцы окружили дом Шамваллона и перевернули все вверх дном... Однако неверный красавец заблаговременно бежал в независимое княжество Седан.

На следующий день, 8 августа 1583 года, Маргарита покинула Париж, испытывая примерно такие же чувства, как некогда Мария Стюарт. В Бург-ла-Рен во время ужина ее известили о приближении королевского кортежа. Генрих III отправлялся в Бурбон-Ланси, где на водах лечилась королева Луиза. Маргарита поднялась из-за столика и вышла на дорогу, но раздраженный король демонстративно задернул кожаные шторы своей кареты, ясно дав понять, что не желает приветствовать сестру. Это была последняя — хотя можно ли было тогда это предвидеть? — встреча брата и сестры, которые когда-то так любили друг друга.

В тот же вечер между Палезо и Сен-Клером шестьдесят аркебузирова под командованием капитана Ларшана именем короля арестовали мадам де Дюрас и мадемуазель де Бетюн, ехавших в свите королевы Наваррской, — репутация этих дам, как мы помним, была далеко не безупречна... как, собственно, и их госпожи! Некто Солерн, немецкий офицер, посмел грубо сорвать с них маски, а его люди перетряхивали экипажи и сундуки с постелями в поисках Шамваллона... Так его и не обнаружив, задержали сеньора де Лодона, а также конюшего Маргариты, ее секретаря и врача. Кое-кому вlepили пощечины. Всех пленников доставили в Монтаржис, где Генрих III лично допрашивал их шесть или семь раз, «в частности, о жизни, нравах и беспутстве их госпожи». Настойчивей всего задавался вопрос, действительно ли королева родила ребенка, который «мог быть зачат не от короля Наваррского».

«Так как ничего нового от вышепоименованных пленников узнать не удалось, — рассказывает Пьер де л'Этуаль, — король

* Разве фразы этого письма не подтверждают жестокость сцены, разыгравшейся в зале Кариатид? (Прим. авт.)

вернул им свободу и разрешил королеве Наваррской, своей сестре, продолжить свой путь в Гасконь...»

Прежде чем ехать дальше, Маргарита, еще не оправившаяся от потрясения, написала матери: «Мадам, поскольку несчастье, которое на меня обрушилось, обрекло меня на такие тяготы, что я не знаю, могу ли надеяться хотя бы на то, что вы желаете сохранить мою жизнь, я хотела бы надеяться по крайней мере на то, что вы желаете сохранить мою честь; будучи так тесно связана с вашей честью и честью семьи, к которой я принадлежу по рождению, я не могу подвергнуться позору, который не задевал бы всех нас...»

Нет, у нее не было ребенка от Шамваллона! Чтобы доказать свою невиновность, в письме к матери она просит после ее смерти вскрыть ее тело и путем вскрытия разоблачить «эту последнюю клевету».

Можно ехать дальше. 13 августа Маргарита была в Шартре, 21-го в Шатодене, 23-го достигла Блуа. Проведя двое суток в Амбуазе, где на нее нахлынули воспоминания детства, 31 августа 1583 года она въехала в Шинон. Между тем трое ее слуг: друг Шамваллона конюший Бютти, камердинер и музыкант-лютник — почти три месяца оставались узниками Бастилии!

Когда скандальное происшествие в Лувре дошло до слуха короля Наваррского, он отправил к Генриху III своего советника Дюплесси-Морне, уполномочив его заявить самый энергичный протест. Посланец нашел Генриха III в Лионе. От имени короля Наваррского он задал вопрос, почему тот нанес такое оскорбление своей сестре, «ведь даже у самой последней женщины в мире нельзя отнять честь, если она не потеряла ее сама»*.

Король, находясь явно в затруднении, — еще бы не затрудниться в подобной ситуации! — почему-то принялся клеймить мадам де Дюрас и мадемуазель де Бетюн. С немалым трудом Дюплесси-Морне сумел вернуть разговор к фактам, жертвой которых стала королева Наваррская. Но Генрих III опять увернулся от темы, заявив, что должен сначала узнать мнение своей матери и брата.

— Ну, это займет много времени, — возразил Дюплесси-Морне. — Если ясность не внести сразу, спор будет только обостряться... Ведь это вы выпустили стрелу и теперь не хотите извлечь ее из раны. Королева Наваррская, ваша сестра, сейчас на пути к своему мужу. Сир, что скажет христианский мир, если король Наварры примет и обнимет свою супругу, чью честь вы до такой степени замарали?

* Эта фраза — еще одно подтверждение правдоподобности скандальной сцены в Лувре. (Прим. авт.)

После коротких остановок в Плесси-ле-Тур и Пуатье Маргарита наконец достигла Жарнака, но здесь ее ждал приказ мужа остановиться и ждать. Прежде чем принять Марго, он желал сначала получить удовлетворение от французского двора.

Кончилось тем, что Генрих III направил своему шурину письмо, в котором признал, что королева Наваррская стала, возможно, жертвой клеветы. От клеветы даже принцессам не спрятаться!.. Разве мало в свое время страдала от нее благочестивая Жанна д'Альбре, мать Генриха?

— Ну вот, вчера король назвал меня рогоносцем, а сегодня еще и сыном шлюхи! — воскликнул Генрих Наваррский. — Ну я его благодарю!

«Я нашел своего господина в неописуемом гневе из-за оскорблений, которые были нанесены его жене королеве Наваррской при французском дворе, — свидетельствует Агриппа д'Обинье. — Он отправил меня к Генриху III, чтобы потребовать удовлетворения за эти оскорбления... Его Всехристианское Величество ответил мне, что отпишет своему брату королю Наваррскому; на что я дерзко возразил, что письмами подобные обиды не устраняются и что мой господин, пока в его руке останется хотя бы обломок шпаги, сумеет за себя постоять...»

— И что же он сделает? — спросил король.

— Он прибудет сюда во главе тридцатитысячного войска, — ответил д'Обинье, — чтобы получить сатисфакцию, соответствующую оскорблению, которое вы ему нанесли.

* * *

Дожидаюсь, пока разрешится конфликт и можно будет продолжить путь к мужу, Маргарита уединилась в Ажане. Она провела здесь более семи месяцев. У короля Наварры тем временем возник роман с красавицей графиней де Грамон, прославленной Коризандой, оказавшей на Сердцеда самое благоприятное влияние. Он сделал вид, что поверил Генриху III, когда тот покался и выразил сожаление о том, что произошло в Лувре 7 августа 1583 года. Он попросил прощения за жестокие слова, которые произнес тогда перед двором. Однако это не помешало королю Наваррскому предпринять и некоторые меры, в частности занять Монде-Марсан. Через своего посланца месье де Бельевра он передал Генриху III, что примет Маргариту, «замаранную» в Лувре, лишь после того, как католические гарнизоны, угрожающие Нераку, будут удалены от этого города, а в частности гарнизон форта Базас.

Иными словами, оскорбления, которые Генрих III нанес своей сестре, для короля Наварры сделались разменной монетой. Но

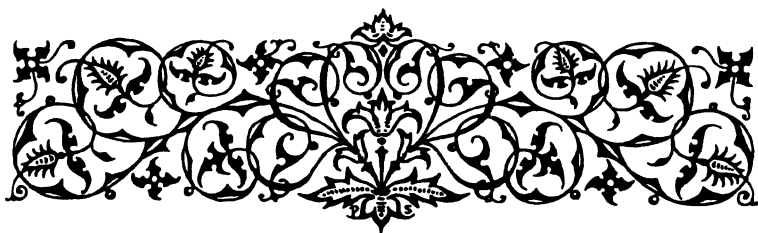
сам он в письмах жене оставался «прямодушен и учтив». «Скоро мы встретимся, и желательно, чтобы это произошло по обоюдной воле». В письмах он называл ее «душечка» и заявлял, что ни-сколько не верит слухам: «Не будь этой клеветы, мы уже давно имели бы счастье быть рядом».

Маргарита в свою очередь пробовала через мать достучаться до своего брата: «Если он разлюбил меня потому, что больше не нуждался ни в моих услугах, ни в моем смиренном почтении, то, надеюсь, теперь, когда я несу такое бремя зла и печали, он полюбит меня хотя бы «из жалости...»

«Из жалости»? Вот уж этого чувства Генрих III не знал вообще. Тем не менее торг между двумя королями рисковал затянуться навечно: Генрих заявил, что пустит свою жену в Наваррское королевство лишь при условии, что католические гарнизоны покинут еще и Комдон и Мон-де-Марсан.

— Я не тот человек, которому можно диктовать пушками.

Глава XIII

БУНТАРКА

Мой бич в этом мире.

Екатерина Медичи

*Просто позор, что эта негодяйка
сделала с нами.*

Генрих III

Встреча двух неугомонных супругов произошла только 13 апреля 1584 года. Маргарита первой прибыла в городок Порт-Сент-Мари, между Ажаном и Тонненом, и ждала своего мужа в каком-то доме, в комнате на втором этаже. К черту галантность! Запоздавший Генрих не спеша поднялся наверх, чтобы обнять жену. Поговорив примерно час, король и королева пересекли Гаронну и от Лавардака направились по дороге на Нерак. Маргарита растянулась в своем паланкине, Генрих сопровождал ее верхом. Один из очевидцев, Мишель де Ла Югери, рассказывает: «Король и королева прибыли в Нерак и до самого вечера прогуливались одни в галерее замка. Она беспрерывно плакала. Вечером они сели за стол — уже довольно поздно, при свечах. Никогда еще я не видел женское лицо, настолько умытое слезами, с покрасневшими веками, и испытал сильное чувство жалости к королеве. Она сидела рядом со своим мужем королем в окружении множества дворян, которые вели какие-то незначительные разговоры, при этом никто из них даже не обращался к ней, и я понял, что прав был мецье дю Пен, сказавший, что король принял ее против своей воли. Вдруг они встали из-за стола, и я вышел из комнаты так, чтобы король меня не заметил, с чувством, что долго это примирение не продлится...»

Затем король и королева медленно прогуливались по берегу реки, а двор настороженно за ними наблюдал. Его упреки вновь довели Марго до слез. Она вернулась в замок с красным лицом и

все с такими же воспаленными глазами. Однако в конце концов прощение было получено, и Маргарита написала брату, как довольна она, что вновь обрела своего мужа. Согласно Пьеру де л'Этуалю, супружеские отношения возобновились, они были весьма редкими, но вскоре Маргарита отправилась на лечебные воды в Анкосс, способствующие зачатию... Похоже, однако, что Генрих Наваррский не очень-то стремился достигнуть результата, ибо Коризанда предупредила своего «Петю» — так она называла короля, — что если уж ему и приходится выполнять супружеские обязанности, это не обязывает его узаконить ребенка Марго, мало ли какие связи могут опять обнаружиться у нее на стороне...

И хотя Маргарита уверяла мать, что король, «муж и друг», высоко ее чтит, провести Екатерину было не так просто. Королева-мать понимала, что, в сущности, лучшее время в жизни дочери уже позади. Шамваллон далеко, с королем Франции полный разлад, муж едва ее выносит и все чаще отказывается «посетить» по вечерам.

* * *

Не прошло и двух месяцев со времени ее прибытия в Нерак, как Марго получила печальное известие: 11 июня 1584 года в Шато-Тьери умер герцог Анжуйский от «сильного кровотечения, сопровождавшегося нараставшей лихорадкой, которая превратила его почти в скелет». Марго — может, единственная на свете — испытала глубокую печаль. Она задрапировала комнату черным, вслед за ней в траур оделся и ее двор.

В Париже королева Екатерина вздохнула:

— Подумайте, какое это горе для матери — пережить своих детей...

Теперь со всей серьезностью встал вопрос о престолонаследии французской короны. Женатый девять лет на тщедушной Луизе де Водемон, которая ежегодно совершала паломничества и проходила водные процедуры в Бурбон-Ланси, Генрих III детей не имел — и уже наверняка иметь не будет. Анжу умер, значит, вне всякого сомнения, будущим сувереном станет Генрих Наваррский, — разумеется, если переживет своего шурина. Но сможет ли он, протестант, править католической Францией? Генрих III в этом проблемы не видел. Примерно за месяц до смерти своего брата король, прислонившись к камину, чтобы согреть спину, объявил своим приближенным:

— Отныне я признаю короля Наваррского моим единственным наследником. Это принц высокого происхождения. Сердцем я всегда его любил, и он меня любит, я знаю. Немного вспылъ-

чив и остер, но натура хорошая. Уверяю вас, мои планы его поражают и мы с ним вполне поладим.

Через свою бабушку по материнской линии, Маргариту Ангулемскую, сестру Франциска I, король Наварры принадлежал к династии Валуа. Но родство по женской линии не имело силы преемственности. Еще меньше он мог претендовать на трон Франции как муж сестры трех ее последних королей. Чтобы отстранить женщин как от наследования короны, так и от права ее передачи, лигисты XIV века приспособили, по сути исказив, одну из статей древнего салического закона, точнее даже, свод обычаев, восходивших к салическим франкам, которые касались лишь прав передачи собственности*. Единственная ниточка прямого, от отца к сыну, родства, дававшая будущему Генриху IV право престолонаследия, тянулась от графа де Клермона, шестого сына Людовика Святого, который умер в 1217 году, два с половиной века тому назад... Вот какой далекий корень!

Генрих III отправил в Нерак одного из своих фаворитов, герцога д'Эпернона, с целью убедить короля Наваррского, что, если он хочет однажды стать королем Франции, ему необходимо порвать с протестантской религией. На Королевском совете Наварры помощник д'Эпернона, Рокелор, говоря от имени католиков, перевел этот вопрос в плоскость здравого смысла:

— Не лучше ли выслушивать пятьсот месс каждый день, чем разжечь одну гражданскую войну? Если король сердцем не католик, то что мешает ему быть им на словах и перед людьми?

Но в глазах правоверного протестанта Мерме это означало бы ломать комедию:

— Пусть сначала накажут тех, кто устроил резню в Варфоломеевскую ночь!

— Я предпочел бы, — логично заметил на это начальник канцелярии дю Феррье, — чтобы король Наварры остался тем, кто он есть. Если он станет католиком, одни его покинут, другие, не поверив в его искренность, будут дурно ему служить.

Король Наваррский был слишком умен, чтобы не понимать: отрекшись от протестантской веры, он потеряет своих сторонни-

* Салический закон (Lex Salica) существовал в эпоху Хлодвиг (481 — 511), короля салических франков. Согласно мнению большинства историков-специалистов термин «салии» или «салические франки» происходит от латинского слова «salis» — берег моря, поскольку обитали они вдоль побережья Северного моря от Соммы до Мааса. Хлодвиг положил начало франкскому государству на территории Галлии. Одна из статей Lex Salica исключала женщин из права наследования салических земель. Эта статья была использована для оправдания восхождения на трон Филиппа VI де Валуа (1328) и в дальнейшем рассматривалась как фундаментальный закон французской монархии.

ков и вряд ли приобретет их среди католиков. Поэтому он удовольствовался тем, что предложил королю Франции союз и поддержку своей партии и поручил своему советнику Дюплесси-Морне передать Генриху III, что, сохраняя за собой свои права, «не переменит религию ради какой бы то ни было короны».

Положение становилось драматическим: у Генриха III оставалось тем меньше надежд быть королем обеих Франций, враждовавших со времени амбуазского заговора, что смерть герцога Анжуйского разбудила Святую Католическую лигу. Кто наследует Генриху III? В этот момент Екатерина выдвинула, сердцу наперекор, кандидатуру Генриха де Гиза, потомка Карла Великого. Правда, кто из претендентов не был потомком Карла Великого? Но он-то потомок не по женской линии, а по линии Карла Лотарингского, последнего из Каролингов.

Королеву Маргариту стали одолевать фантазии. Ее возлюбленный, ее первая большая любовь, станет, возможно, королем Франции! Но почему бы ей самой не примерить французскую корону? Ведь в стране так много противников салических законов, требующих их отмены, и если это случится, кому, как не ей, предназначался бы французский трон? Разве Англией правит не королева? И разве это не лучше, чем король-гугенот или нынешний король, этот паяц на веревочке? Ведь сколько народу смеются над Генрихом III и его миньонами. На Сен-Жерменской ярмарке носили чучела королевских фаворитов с огромными брыжейками на шеях, от чего создавалось впечатление, что головы их уложены на блюдо. И народ кричал: «По брыжейке узнается телок!»

Не добавил ясности в вопрос о престолонаследии и манифест кардинала Бурбонского, дяди короля Наварры, опубликованный 1 апреля 1585 года. Королевство, «оплот католической веры», не потерпит еретика на троне. Могут ли французы «признать и поддержать власть принца, отступившего от католической веры и вторично впавшего в ересь?» Но кто же тогда будет править Францией? Несколько позже кардинал предложит на эту роль себя — он к ней готов. Однако смерть кардинала опять поставила перед французами тот же неотвязный вопрос.

Маргарита секретно принимала эmissаров: она вознамерилась, разумеется, вместе с Генрихом де Гизом, собрать Католическую лигу и обратить оружие против обоих Генрихов — мужа и

* Карл Великий (742—814), франкский король с 768 года, император с 800 года. Созданная им огромная империя охватывала практически всю Западную Европу, но после его смерти распалась. Именем Карла Великого и называлась династия Каролингов, правившая в Италии — до 877 года, в Германии — до 911, во Франции — до 987 года.

Маргарита де Валуа. Франсуа Клуз. Рюи-ан-Велей. Музей Крозатье.

Карл IX. Музей Конде,
Шантийи.

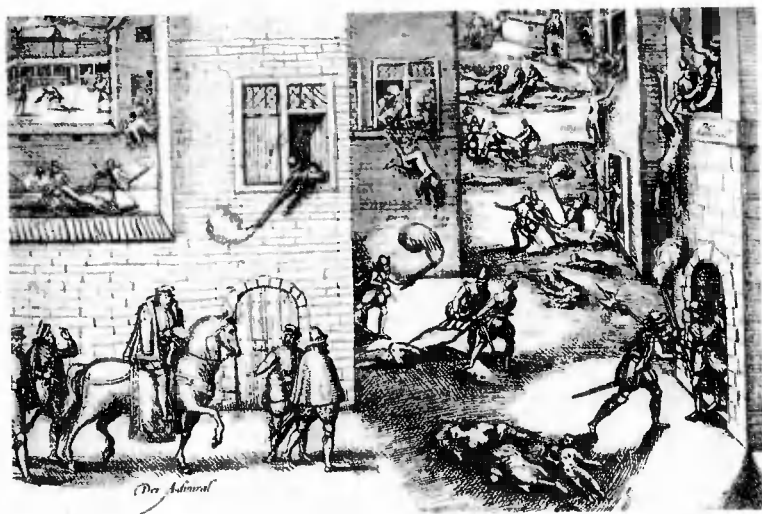
Убийство адмирала Колиньи 24 августа 1572 года. Франсуа Дюбуа.
Кантональный музей изящных искусств, Лозанна.

Карл IX
в Варфоломеевскую ночь
стреляет в гугенотов
со своего балкона.

Варфоломеевская ночь.

Елизавета I. 1575 г.

Карл IX загоняет оленя.

Генрих III, король Франции
(1574—1589). *XVII в.*
Замок Плесси-ле-Тур.

Франсуа де Валуа (1555—1584),
герцог Алансонский
(1566—1576). *Франсуа Клуэ.*
Музей Конде, Шантийи.

Бал при дворе Генриха III. Музей замка Блуа.

Морской праздник в честь Генриха III и Луизы де Лоррен-Водемон.
Гобелен. Музей Уффици, Флоренция.

Маргарита Валуа,
королева Марго.

Голова Ла Моля, которую
Маргарита выкупила у палача.

Бюсси д'Амбуаз, возлюбленный
Маргариты, убитый на дуэли.

Пьер де Ронсар, один из самых известных поэтов своего времени, воспевавший красоту королевы Марго. *Музей Блуа.*

Королева Марго танцует вольта. В последнем па вольта танцор должен был помочь своей партнерше подпрыгнуть, после чего она оказывалась в его объятиях.

Зал Кариатид в Лувре. Именно здесь частенько танцевала Маргарита. И именно здесь король Генрих III опозорил ее перед своим двором.

Париж в 1588 году.

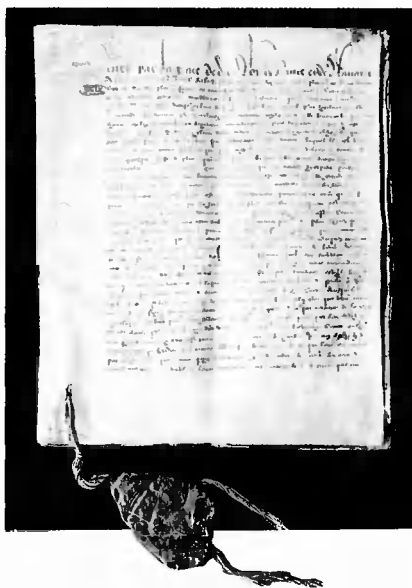

Священники из Лиги. Тысяча триста монахов с солдатами против еретиков Генриха IV.

Вход Генриха IV в Париж 22 марта 1594 года. Рубенс. Из цикла «Жизнь Марии Медичи». 1627. Музей Уффици, Флоренция.

Текст Нантского эдикта, подписанного 13 апреля 1598 года. Национальный архив Франции.

Утверждение Нантского эдикта парламентом. Париж, 25 февраля 1599 года.

Замок Уссон, узницей которого была королева Маргарита.

Маргарита Валуа после
развода с Генрихом IV.
XVI в. Музей Реймса.

Из окон этой гостиницы Санс в Париже Маргарита наблюдала,
как голова ее бывшего возлюбленного Вермона, убийцы
Сен-Жюльена, скатилась к ногам палача.

Генрих IV.
XVI в. Версаль.

Габриэль д'Эстре и Генриетта д'Антраг, фаворитки Генриха IV.
Париж. Лувр.

Венчание Марии Медичи и Генриха IV. Рубенс. Из цикла «Жизнь Марии Медичи». 1627. Лувр.

Рождение будущего Людовика XIII. Рубенс. Из цикла «Жизнь Марии Медичи». 1627. Лувр.

брата. Не им ли она обязана всеми своими несчастьями? К тому же ее выводило из себя присутствие Коризанды, чье сильное влияние чувствовалось во всех поступках Генриха Наваррского. Маргарита ощутила, что начинает ненавидеть мужа. Примирение непримиримых супругов, состоявшееся в апреле 1584 года, было уже всего лишь воспоминанием. Ей нанес публичное оскорбление брат, ее открыто обманывал немилый супруг. Правда, она тоже обманывала его почти прилюдно, но ведь любовники всегда живут настоящей минутой — от безрассудства до забвения один шаг!..

По приказу Генриха де Гиза Католическая лига взялась за оружие. В марте 1585 года Маргарита заявила, что в Нераке ей оставаться небезопасно. Тем более что ее муж по решению Рима только что был отлучен от церкви. Неожиданно Маргарита решила покинуть Нерак и супруга и отправиться в Ажан — одно из своих владений.

Так в тридцать два года Маргарита стала готовить государственный мятеж.

* * *

Графиня Ажанская — таков новый титул Маргариты — въехала в свой город безо всякой помпы. В карете с ней находились всего две или три дамы, примерно столько же всадников сопровождали экипаж. Она остановилась на улице Аве-Мария в доме Пьера де Комбефора, увенчанном острым шпилем и башенками по бокам.

Ее двор также покинул Нерак и выехал вслед за госпожой. В Ажан стали стекаться многочисленные окрестные дворяне-католики. Королева пробыла в своей маленькой столице около четырех месяцев. Жители, в большинстве своем добрые католики, естественно, настроенные враждебно к еретику Генриху Наваррскому, встретили ее весьма радушно. Чтобы укрепить их доброе отношение к себе, Маргарита каждый день посещала мессу. Выйдя из церкви, она щедро раздавала подаяния. Не скупился на расходы и ее двор, благодаря чему мелкие торговцы стали неожиданно процветать. Маргарита вновь взяла к себе фрейлиной мадам де Дюрас, чтобы еще и этим уколоть брата.

Она потребовала предоставить ей ключи от города и крепости, упразднила муниципальные привилегии и принялась всячески укреплять свою столицу. Открыто объявила себя членом Святой Католической лиги, перестала величать мужа королем и пренебрежительно именовала его просто «князем Беарна». Она отказалась от титула королевы Наваррской и свои ордонансы теперь подписывала именем Маргариты Французской. День ото дня укреплялись ее секретные связи с герцогом де Гизом, Католичес-

кой лигой и Филиппом II, королем Испании. Под началом «графини Ажанской» было двенадцать сотен вооруженных людей, а Робер де Линьерак, байи из горной Оверни, привел к ней небольшой отряд кавалерии.

Маргарите стало известно, что маршал де Матиньон, наместник французского короля в Гиени, намерен выступить против нее. Она назначила де Линьерака командиром своего ажанского войска, а его заместителем сделала графа де Дюраса, мужа «особы крайне распутного поведения». Вдвоем они провели несколько операций против соседних городков, в которых стояли гарнизоны короля Наварры... в общем, муж и жена открыли боевые действия друг против друга.

Сначала Маргарита захватила Тоннен и оставила там свой гарнизон, но Генрих Наваррский осадил город и разгромил его новых защитников. То же самое произошло в Вильневе. Находилось немало людей, утверждавших, что видели Маргариту в Тоннене... другие возражали, мол, «сама королева на войну не ходит». Как бы там ни было, королева Екатерина пришла в ужас от крамольных поступков дочери: «Я вижу, что этим своим творением Господь наказал меня за грехи, столько каждый день она причиняет мне горя. Она мой бич в этом мире».

Но война стоит дорого. Герцог де Гиз попросил у короля Испании для бывшей любовницы, ставшей его союзницей, помощь в размере пятидесяти тысяч экю, но из-за Пиренеев она так ничего и не получила. «Графиня Ажанская» принялась за гугенотов: дома их подверглись экспроприациям и грабежам. Естественно, что полученных таким образом средств не хватало. Для того чтобы пополнить опустевшую казну графства, были учреждены новые налоги. Наемники в гарнизонах оплачивались столь скудно, что сами принялись за грабежи. Их наводившие ужас орды опустошали окрестности, и не было таких «дерзостей», перед которыми они бы остановились. Три солдата изнасиловали женщину на глазах у ее мужа. На этот раз «графиня» решила навести порядок: насильникам отрубили головы и выставили их на всеобщее обозрение у городских ворот Порт дю Пен. Но недовольство уже стало всеобщим. Назревал бунт. К тому же начинался голод, в полях принялись срезать еще зеленый хлеб. В довершение всех бед разразилась чума, Ажан схоронил от пятнадцати до восемнадцати тысяч жертв эпидемии... А эпидемия разрасталась, несмотря на многочисленные молебны, паломничества и торжественные мессы.

И вдруг...

Когда счет захваченных Католической лигой королевских городов превысил меру терпения, Генриху III пришлось согласиться на переговоры. 23 июля 1585 года фанфары на улицах Ажана

возвестили о заключении Немурского мира. Маргарите пришлось, скрепя сердце, присутствовать на молебне Те Деум.

Однако Немурский мир не положил конец войне между королем Франции и «графиней Ажанской». Маргарита не чувствовала себя побежденной. Два короля против нее — брат и муж, — ну что ж, она принимает их вызов!

И конфликт продолжал тлеть.

Недовольство жителей Ажана своей госпожой уже приблизилось к черте, за которой начиналась ненависть. Тем более что Маргарита задумала укрепить город: окружить крепость рвом, поднять повыше ее бойницы. А чтобы устроить стрельбище, был снесен целый квартал города. Полному разрушению подверглись пятьдесят домов, причем графиня оказалась не в силах возместить убытки их владельцам, которым приказано было самим же и разобрать свои дома по камешку... Причем камни эти тут же были бесстыдно разворованы другими горожанами.

Но и это не все.

Не получая никакой платы, солдаты дезертировали. Все чаще среди горожан вспыхивали мелкие бунты против графини, хотя они все же не решались восстать против законной дочери французского короля, сестры и жены королей. Это как минимум требовало размышлений. Жители Ажана предпочли — с большими предосторожностями, втайне от Марго — отправить своих гонцов к маршалу де Матиньону. Последний принял их тем охотнее, что он уже вел переговоры с Генрихом Наваррским о том, как бы образумить его супругу... Иными словами, захватить ее.

И сегодня в муниципальном архиве можно прочесть грамоту, которой удостоверялось право жителей Ажана самим освободить свой город и выйти из повиновения графине. Сказано это в прямых выражениях: «Следуя высочайшему повелению Его Величества (Генриха III. — *А.К.*), мы предоставляем вам полномочия и власть вернуть город к своей первоначальной свободе и послушанию указанному сеньору; захватить и удерживать форты одного города, силой изгнать или заставить уйти, прибегая в случае необходимости даже к оружию, капитанов, солдат и прочих вооруженных людей, которые в нем находятся, и положить начало возвращению одного города под скипетр Его Величества».

Не без иронии маршал приписал к этой грамоте несколько строк: «Жители города свидетельствуют свое нижайшее почтение королеве Наваррской, ее фрейлинам и дамам...»

Заручившись поддержкой короля, ажанцы наметили свое восстание на 2 октября 1585 года. Именитые граждане, к которым присоединилось немало торговцев, в указанный день попробовали завладеть фортом Порт дю Пен у въезда в город — эти городские ворота еще Генрих Наваррский превратил в настоящую кре-

пость. Солдаты графини отбили наступление и сами перешли в атаку. Они наверняка взяли бы форт, но к восстанию, которое начали состоятельные буржуа, присоединился народ. Вся эта масса людей бросилась к монастырю якобинцев, зная, что там находится склад оружия и крупный запас пороха. Один из солдат Генриха Наваррского, смешавшись с восставшими горожанами, в числе первых проник в пороховой погреб и поджег его. Раздался мощный взрыв, от которого обрушилась часть стен монастыря. Пострадали кельи, погибли несколько послушников, два священника и около шестидесяти горожан... не считая, как всегда в таких случаях, неминуемого пожара в городе.

Теперь уже завязался настоящий бой. Защитники графини Ажанской вскоре оказались окружены. Жители Ажана дрались с тем большей отвагой, что пришла весть о приближении войск маршала де Матиньона. Хотя обезумевшая Маргарита все еще раздавала налево и направо приказы, ее охватила странная нерешительность. Нападавшие почти со всех сторон окружили ее жилище, уже слышны были их угрозы сбросить графиню со стены.

Надо было бежать.

Марго позвала капитана д'Обиака, брата одной из своих фрейлин. Это был красивый и мужественный юноша, как свидетельствовал тосканский посол Каврилак. Другие — может быть, из ревности — утверждали, что он частенько прикладывался к рюмке и что, вдобавок к вечно красному носу, все лицо его было покрыто рыжими веснушками. Одним словом, «пятнистый, как форель». Маргарита, несомненно, и ведать не ведала, что ее конюший д'Обиак был в нее влюблен и даже заявил однажды:

— Хотел бы я провести с ней ночь, а там пусть хоть повесят!

Маргарита попросила его найти лошадь и посадить ее сзади на круп — или, как в те времена говорили, следком. Опынев от счастья, д'Обиак повиновался и уже через несколько минут галопом неся с ней в сторону города Карлат, расположенного на расстоянии сорока лье от Ажана.

Фрейлины королевы бежали полуодетыми, в панике не надев даже масок. «Их можно было принять скорее за египтянок, чем за фрейлин знаменитой королевы», — свидетельствует один очевидец. Какая кавалькада! Мадам де Дюрас, также подхваченная одним из конюших на круп его лошади, восемьдесят дворян и пятьсот всадников, верных Марго, бежали через Новые Ворота в том же направлении, куда исчезли д'Обиак с графиней. После долгой, утомительной дороги, «с голыми ляжками», Маргарита провела ночь в замке де Брассак. На следующий день она скакала уже на собственной лошади. Беглецы направились в сторону Сен-Проже в Руерге.

В субботу 28 октября 1585 года королева прибыла в Бурназель,

оттуда отправилась на ночлег в Антрег, на берегу реки Ло. В воскресенье она была уже на границе Оверни, где ее приветствовал брат Линьерака Марзе с отрядом из четырехсот вооруженных людей. Прослушав мессу в аббатстве Монтсалуи, она снова отправилась в путь, чтобы через два дня торжественно въехать в Карлат, бывшую столицу Карладеса. Над довольно крупным городом высилась крепость, построенная на скале из черного базальта, окруженная зубчатыми стенами, с мощными башнями по бокам сильно укрепленного замка. У подножия донжона журчал родник, что очень обрадовало путников: по крайней мере здесь им не суждено умереть от жажды... С трехсотметровой высоты видны были две реки, Эмбенес и Растейм, которые зимой превращались в худосочные ручейки.

Карлат, так же как Мюрат и Орийак, входил в удел графини Ажанской.

После шести дней нескончаемых, изнурительных скачек по диким горам Оверни Маргарита была едва жива. Ссадина на бедре доставляла ей сильные страдания. Поднялась температура. Лекарь сделал кровопускание настолько неумело, что она приказала его высечь. Зато Марго отблагодарила своего спасителя д'Обиака, исполнив мечту его жизни, причем конопатого на этот раз не повесили.

Однако петля уже ждала его, просто это случилось чуть позже.

Жители Карлата приняли Марго как своего суверена. Она расположилась во дворце Бридоре, — широко раскинувшейся феодалной крепости, где стены были сплошь иссечены золотом имен. Раньше этот замок служил резиденцией графов д'Арманьяков. Но мебель и витражи исчезли, дворец «напоминал скорее логовище грабителей, чем обитель королевы». Парадное ложе Маргариты, к которому она была так привязана, белье, платья, сундуки — все было брошено в Ажане. Маршал де Матиньон, теперь занимавший город, проявил галантность: в течение десяти дней двадцать шесть вьючных лошадей как челноки сновали между Ажаном и Карлатом, чтобы доставить королеве ее вещи. Однако за их доставку надо было платить, а денег — хроническое зло — не хватало острее, чем когда-либо. Похабный распутник Линьерак, чтобы возместить свои дорожные расходы, просто обчистил казну. Маргарите пришлось отправить во Флоренцию свои драгоценности, золото, жемчуга. Но при заключении сделки флорентийский банкир оказался жуликом похлеще Линьерака.

Отчаянно не хватало еды. Маргарита вынуждена была вечно выяснять отношения со своим поваром, только и умевшим, что жаловаться, — и, если верить «Сатирическому разводу», повар, якобы, тоже стал ее любовником, «чтобы не маяться от безделья».

Но все же она решительно предпочитала д'Обиака, «причесанного лучше других слуг». Она возвысила его от конюшего до камердинера и «нашла с ним столько усад, что ее живот, осласливенный встречаей, округлился и вздулся, как мяч...». Ребенка, якобы, отдали кормилице в соседнюю деревню, однако истинная причина отказа от него была, скорее, в том, что в лютые холода новорожденного «пеленали так плохо, что он потерял слух».

Винный погреб в Бридоре также был совершенно пуст... И тогда королева обратилась к мужу с просьбой прислать ей пятьсот бочек вина без дорожных и таможенных надбавок к цене. Ошеломленный бесцеремонной просьбой Маргариты, все еще продолжавшей с ним войну, король Наварры отказал. Он поделился новостью с Коризандой, сказав, что к нему пришел с визитом «человек от верблюдницы». Маргарита особенно раздалась в груди, которая потеряла свою упругость, и из-за этого недоброжелатели Марго прозвали ее верблюдницей. И резко добавил: «Это значило бы на бумаге объявить, что она пьянчужка. И я отказал. Она совсем сбрендила».

Зима сковала темный Бридоре. Несмотря на стекла, которые королева распорядилась вставить в оконные рамы, холод пробирал до костей. Черные снежные тучи плыли под порывами ветра над угрюмым пейзажем. И хотя Маргарита не отходила от камина, в котором всегда пылали дрова, согреться ей почти не удавалось. В феврале 1586 года она заболела.

Через два с половиной месяца, проведенных в постели, она вышла осмотреть окрестности Карлата. Викарий даже устроил деревенский праздник в ее честь. Неожиданно она окунулась в чужую молодость — со своим юным любовником Сильвио, сыном аптекаря, которому было всего шестнадцать лет... Капитан д'Обиак, похоже, смирился с ее новым выбором. Однако ревнивец Линьерак, который как-то утром, узнав, что королева воркует с Сильвио, влетел в опочивальню, чтобы своими глазами увидеть голубков в их гнездышке. Он обнажил кинжал и без малейших колебаний воткнул его в грудь юного любовника Маргариты, забрызгав ее кровью.

Оплакав незабвенного Сильвио, Марго постепенно утешилась в объятиях д'Обиака, который то и дело восклицал: «О чудесное создание!»

Но ревнивый Линьерак пригрозил скинуть д'Обиака с крепостных стен. Вместе со своим братом, командиром с площади Марзе, солдафон чуть не привел свою угрозу в исполнение. Он проник к королеве и, не снимая шляпы, угрожающе положив руку на эфес шпаги, объявил непреклонно:

— Требую, чтобы д'Обиак прыгнул со скалы!

Марго отважно вмешалась — и на сей раз жизнь ее любовника была спасена.

* * *

11 октября 1586 года, примерно через год после прибытия Маргариты в Бридоре, герцог Жуаез подошел к границам Оверни. Он получил приказ Генриха III захватить в плен его мятежную сестру; поэтому Марго решила покинуть Карлат втайне от Марзе и попросила сеньора де Шатонеф, Амблара д'Эскорайя, встретиться с ней. Каким образом королева намеревалась бежать? Прежде всего ночью, на крупной лошади, позади д'Обиака — к этому она уже привыкла. А потом на повозке, запряженной быками.

Вот так она и въехала в деревню Коломб в сопровождении своих фрейлин и дам — и, само собой, д'Обиака. Линьерак не осмелился отправиться в путь и ограничился тем, что потребовал еще денег, которые ему оставались должны.

Проехав долину Сере и миновав Пломб дю Канталь по страшным горным дорогам Верхней Оверни, Маргарита прибыла в Мюрат, виконтессой которого являлась. Оттуда через замок графа де Рандана и деревню Бесс, объехав предместье Иссаура, занятого королевскими войсками, вышла на берег Алье, где у паромной переправы Пертюс должен был ждать Шатонеф. Однако его не оказалось. Речку пришлось переходить вброд, глубокой ночью, с факелами, и королева чуть не утонула.

Наконец, 16 октября 1586 года, вся промокшая и полуживая от усталости, Маргарита прибыла в замок Ибуа, принадлежавший Екатерине Медичи. Она еще раньше написала матери: «В том состоянии, в котором я оказалась... сжальтесь надо мной за все выпавшие мне долгие тяготы...», рассчитывая, что мать разрешит ей поселиться в Ибуа. Не дожидаясь от нее ответа, Маргарита расположилась в замке, где, между прочим, не оказалось никакой провизии. В этот печальный вечер 16 октября ей пришлось поужинать салом, бобами и орехами.

Увы, назавтра в Ибуа прибыл не сеньор де Шатонеф, которого она так ждала, а Жан де Бофор, маркиз де Канияк, бывший наместник Верхней Оверни, служивший теперь герцогу де Жуаезу, фавориту Генриха III. Путешествовавшего по стране маркиза догнал приказ короля арестовать его сестру, которая, как он узнал, уехала из Карлата.

Маргариту разбудил шум снаружи — многочисленные всадники окружали замок. Поздно бежать, она в плену.

Поначалу она думала сопротивляться, но затем покорилась

своей участи и написала месье де Сарлану, попросив его предупредить королеву Екатерину о ее состоянии и «тяжести выпавших на ее долю бед». Она продолжала в таких выражениях: «Я хотела бы, прежде чем умереть, хотя бы получить надежду на то, что королева-матушка знает, что мне хватило мужества не дать себя живой в руки моих врагов-протестантов, которых у меня всегда хватало. Передайте ей, что первая новость, которую она обо мне получит, будет моя смерть. Под ее покровительством я надеялась найти спасение во владениях ее, но все то, на что я так рассчитывала, оказалось жалкими руинами...»

Она приняла Канияка и гордо ему заявила:

— Маркиз, тебе кажется, ты совершил подвиг, захватив меня. На самом деле это будет иметь не так уж много последствий для тебя, а для меня и того меньше. Герцог де Жуаез был куда пронизательней, зная, что ему это поручение не прибавит ни чести, ни заслуг. Поэтому он и переложил его на тебя!

Канияк защищался, как мог: он повиновался приказу короля, который был передан непосредственно ему, а кроме того, он должен выполнить и другое распоряжение, касающееся капитана д'Обиака, нашедшего убежище в Сен-Сирке. Королева поняла, что над ее конюшим нависла опасность. Она заставила его тщательно выбриться, передела в женское платье и спрятала в узком шкафу, встроенном между двух стен... где его все же обнаружил и арестовал Канияк. Он отправил к королю Генриху III и Екатерине гонца, месье де Монморена, извещая их об аресте Маргариты и ее любовника и запрашивая дальнейших распоряжений. Екатерина, которая не испытывала никаких материнских чувств, попросила короля жестоко наказать виновных. Решимость ее пришлась как нельзя кстати: король только что получил копию инструкций, которые его сестра отправила герцогу де Гизу. Что содержалось в них? Нам это неизвестно, но, вне всякого сомнения, это были директивы королевы Наваррской своему бывшему любовнику, касавшиеся Католической лиги и предположительной передачи власти Лотарингскому дому, а также насильственного отречения короля Наварры. Нужно действовать, «не теряя ни единого часа, иначе она (Марго. — А.К.) причинит нам еще больше позора», добавила Екатерина.

Но короля не нужно было подталкивать к жестокости. Он был в таком гневе на сестру, что приказал, не испытывая никакой жалости: «Бросить в замок Юсон! С этой минуты лишить ее земель и содержания, а средства эти возместить маркизу в качестве довольствия для охраны. Что касается ее дам, пусть маркиз их выгонит немедленно и выделит ей несколько достойных фрейлин и горничных, пока королева, моя добрая матушка, не подберет их для нее сама. Королева-матушка повелевает мне повесить

этого д'Обиака. Да свершится кара сия во дворе замка Юсон на глазах у этой презренной!»

Второе письмо короля нисколько не смягчило жестокости предыдущего приказа. Напротив: «Что касается д'Обиака, то хотя он заслужил смерти, было бы полезно, если бы несколько судей учинили над ним процесс, чтобы мы всегда имели достаточно резонов обуздывать ее дерзости, ибо она (Маргарита. — А. К.) всегда будет высокомерной и хитрой». Зло его на сестру безмерно: «Чем дальше, тем сильнее я чувствую и понимаю, какой позор эта презренная принесла нам...»

Несчастливого любовника Маргариты препроводили в Эгперс, что южнее Ганна. Что вменялось ему в вину? То, что он увез королеву на крупе своей лошади? Что в некотором роде устроил ее побег? Но разве не сама Маргарита его об этом просила? Что не признавал приказов командира Марзе, брата Линьерака? Или, скорее, что принял участие в одном из заговоров, сплетенных Генрихом де Гизом и Католической лигой? Но ведь все это тоже делалось по просьбе Маргариты...

Процесс был лишь видимостью судебного разбирательства. Несчастный д'Обиак был приговорен к смерти через повешение, как простолюдин, хотя и был настоящим дворянином.

На эшафоте, установленном на площади Сен-Луи, он страстно поцеловал муфту из голубого бархата, принадлежавшую Марго. Его повесили за ноги, и палач бросил его в наспех вырытую у подножия виселицы могилу, когда он еще дышал...

Сначала 21 октября 1586 года Маргарита была препровождена в Сент-Аман-Таланд, затем в замок Сен-Сатюрнен, наконец 13 ноября по приказу Генриха III была доставлена в неприступную крепость Юсон, посреди дикого Фореза, между Бриудом и Сент-Этьеном.

Глава XIV

«БРОСЬТЕ ЕЕ В ЗАМОК ЮСОН!»

Это опасное животное.

Генрих IV

Маргарита уничтожена.

Ее взору открылась пугающая картина овернской твердыни — величественного замка Юсон, опоясанного кольцом гор. Едва проехали предмостное укрепление замка, огороженное толстыми стенами с тяжелыми воротами, как перед глазами выросла скала, на которую словно «наворочены» были один над другим три города, — этот вид чем-то напоминал папскую тиару. Сам же замок словно висел в воздухе: увенчанный величественным донжоном, он возвышался над тремя рядами стен, усеянных бойницами и двумя десятками зубчатых башен. В узком пространстве между бастионами то тут, то там были видны стрельчатые арки, в которые были вписаны въездные ворота. Стены усыпаны крестообразными амбразурами, вдоль них тянулись галереи с бойницами, выступающие парапеты, башенки с крышами, «острыми, будто лезвие турецкой сабли», и флюгера, которые, как и положено, скрипели...

Этот мощный замок, принадлежавший графу Овернскому, был построен в самом начале XII века на обрывистой вершине вулканического холма высотой 639 метров над уровнем моря — настоящая скала, возвышающаяся над равниной. Внезапным натиском англичане захватили эту крепость в 1371 году, но Дюгеклен отбил ее со второй попытки.

В этом орлином гнезде, куда, кажется, едва пробивались солнечные лучи, в цитадели, укрепленной Людовиком XI, Маргари-

те предстояло прожить около девятнадцати лет в качестве узницы — сначала брата и матери, затем — мужа. Последний, вдобавок, опозорил ее, заявив во всеуслышание:

— Не могу дождаться часа, когда моих ушей коснется весть о том, что кто-то взял да задушил эту королеву Наваррскую... Плохая женщина — опасное животное!

Но «опасное животное» снова взяла себя в руки. Ей всего тридцать четыре года, и первым делом она превратит во влюбленного воздыхателя своего тюремщика — коменданта орлиного гнезда маркиза де Канияка, мужчину невысокого роста, тщедушной наружности и, по свидетельству очевидцев, постаревшего раньше времени.

«Бедняга! — восклицает Брантом. — На что он рассчитывал? Содержать в заключении, в подчинении, в плену женщину, которая своим взглядом и своей красотой может на весь мир наложить такие узы и цепи, что избавиться от них посложнее, чем от каторжных! Само собой, маркиз был восхищен, покорен этой красотой...»

Действительно, Канияк восторгался руками Марго цвета слоновой кости и отдавал должное прочим ее прелестям, которые, надо признать, многие находили уже чересчур округлыми. Но комендант любил именно пухленьких женщин, к тому же перед ним была королева и сестра короля! Но не забывал честолобец и о житейских своих интересах — он добивался от пленницы передачи ему в дар ее дома в Париже, известного как Наваррский дворец, а также земли в герцогстве Валуа, приносившей солидный доход. Все это, по словам Марго, были подарки «в знак Нашей вечной признательности за те услуги, что он Нам оказал...». По настоянию коменданта Марго подписала дарственные бумаги и отправила их председателю Парижского парламента Эннкену, но тайно дала ему же знать, что процедуру регистрации желательно растянуть до бесконечности...

И маркиз Канияк, поясняет Агриппа д'Обинье, «попался на лукавство своей пленницы, дал заманить себя в ловушку, забыв о своем долге и изо всех сил стараясь полюбить эту женщину, которая будто бы была влюблена в него». Узнав, что королева Наваррская страдала от невыносимого чесночного запаха, исходявшего от ее мужа, равно как и от недостатка внимания, Канияк демонстрировал ей свою натужную галантность: «за короткое время маркиз, человек крайне неопрятный, превратился в напмаженного и вежливого ухажера, какие встречаются только в деревнях». Марго величала своего воздыхателя рыцарем Прекрасного Цветка... — надо ли уточнять, что после этого гарнизон, которому поручено было ее стеречь, полностью перешел в подчинение узницы? Впрочем, что тут удивительного? Ведь крепость Юсон тоже входила в ее удел.

После того как маркиз попал в полную зависимость от своей узницы, Маргарита обратила взор на мадам де Канияк. Она и из нее решила сделать союзницу.

— Вы созданы для двора, — наисерьезнейшим тоном внушала она, — ваше место там.

Маркиза, конечно, поверила и возгордилась... Маргарита дарила ей платья, драгоценности, назначила своей фрейлиной. Чета Канияк по доброй воле сдалась ей в плен, чему в немалой мере способствовало политическое чутье маркиза, отдававшего себе отчет в том, что власть Генриха III расшатывалась все больше и больше. А раз так, почему бы, в самом деле, не «продать» королеву Лиге? Так рассуждал Канияк, который в конце концов вступил в контакт с герцогом де Гизом и предложил ему свои услуги, заверяя, что «готов рисковать головой только ради него».

Вокруг Маргариты с удвоенной силой плелись интриги, а сама она снова стала пешкой в королевской игре. Политические соображения заставили Екатерину Медичи и ее сына вынашивать новый замысел: провозгласить развод короля и королевы Наваррских, чтобы затем женить наваррца на дочери герцога Лотарингского. Как утверждал один тосканский дипломат, король Генрих и его мать «не намеревались принимать во внимание каким бы то ни было образом интересы королевы Маргариты, которая из-за своего скандального поведения не заслуживала называться ни дочерью, ни сестрой».

Бедная королева Наваррская боялась, что ее могут отравить. Садясь за стол, она приказывала отведать поданные кушанья одной из своих фрейлин. Если несчастная не падала как подкошенная, королева с аппетитом принималась есть... Когда угроза приобрела реальные очертания, Марго — так по крайней мере утверждается в «Сатирическом разводе», сочинении весьма пристрастном, принадлежащем, несомненно, перу Агриппы д'Обинье, — предупредила герцога де Гиза, который рад был смешать карты и начать новую игру. Он бросил своего сообщника Канияка и поспешил на помощь той, на которой когда-то едва не женился. Воспользовавшись отсутствием Канияка, герцог направил в Юсон вооруженный отряд. Маргарита, как сообщает все тот же «Сатирический развод», тотчас резко изменила линию поведения. Она в мгновение ока отобрала у маркизы Канияк все подаренные ей драгоценности и «вместе с охраной уволила ее со своей службы за трусость, став владелицей и хозяйкой крепости. Маркиз оказался в дураках и служил мишенью для насмешек короля Наваррского».

На мой взгляд, роман этот состряпан чересчур лихо, чтобы соответствовать действительности. Куда правдоподобней иная версия, что герцог де Гиз договорился напрямую с комендантом

Юсона. Да он и сам это подтверждает: «План, к которому мы приступили с маркизом де Канияком, мне счастливо удался, — признался герцог 14 февраля 1588 года. — Не посвятив никоим образом в наши расчеты саму королеву Наваррскую, мы тем самым обеспечили ее безопасность». Де Гиз имел все основания радоваться успеху операции — ведь она должна была принести Католической лиге «очень большое число поселений и замков, что, — уверял он, — обеспечит провинции Овернь надежную защиту под моей властью...»

Что же до маркиза, то он будет хорошо вознагражден. «Свидетельствуя ему Нашу вечную признательность за оказанные услуги, — писала Маргарита, — Мы уступаем ему все права, на которые могли бы претендовать в провинции Овернь...» Не говоря уж о пансионе в 40 тысяч экю, «который будет выплачен, как только у нас появится возможность... то есть никогда.

Генрих Наваррский внимательно следил за интригами Маргариты. В письме, адресованном Коризанде, он назвал королеву дьяволом, на которого «удержу нет».

* * *

У герцога де Гиза, как и у короля Генриха, было, разумеется, множество других забот, помимо участи Марго. Генрих III запретил герцогу, главе треклятой Католической лиги, въезд в Париж. Однако де Гиза не напрасно звали «королем Парижа»: он принял вызов и 9 мая 1588 года проник в город и явился в Лувр. Едва Лотарингец открыл дверь королевских покоев, как Генрих III с блуждающим взором и мертвенно-бледным лицом остановил его вопросом:

— Зачем вы пришли?

Любой разговор после этого терял смысл: к чему он мог привести? Попытка примирения обречена на неудачу, они враги. Сначала король размышлял, не приказать ли корсиканцам господина д'Орнано убрать «мятежника», но затем отказался от этой затеи, опасаясь, что в таком случае народ пойдет на Лувр. Он предпочел поднять по тревоге войска.

В четверг 12 мая 1588 года парижан чуть свет подняли из постелей дудки и барабаны швейцарцев. Их части, покинув свой лагерь в предместье Сен-Дени, маршировали по городу строевым шагом — как победители на параде. За ними следовали французские гвардейцы с зажженными фитилями своих аркебуз. У ворот Сент-Оноре король сам встретил свои отряды и приказал им взять под контроль стратегические узлы столицы — мосты, кладбище Невинноубиенных, Гревскую площадь, остров Сите.

Короля уже поносили на всех углах: ясно же, раз королевские

войска занимают Париж, «брат Генрих» распорядился покончить с вождями Лиги. Грядет новая Варфоломеевская ночь, на этот раз для католиков! Все колокола звонили не переставая, а узкие парижские улицы — в первый раз в истории Парижа — через каждые пятьдесят метров перегородили цепями, бочками с землей и навозом, балками, булыжниками и даже вынесенной из домов мебелью. В этот День баррикад парижане открыли для себя чрезвычайно действенное средство самозащиты от власти... к которому не раз прибегнут в грядущих веках.

Итак, 12 мая 1588 года королевские части, зажатые со всех сторон, оказались совершенно беспомощными: они не могли ни наступать, ни отступать, ни даже соединиться, чтобы действовать сообща. В белом коротком камзоле, помахивая тросточкой, Меченый прогуливался от одной баррикады к другой. Невероятно! Казалось бы, в этот день он мог все — но он не смел. Вняв просьбе Екатерины, он согласился положить конец мятежу. Не без труда герцогу удалось успокоить парижан, «похожих на разгоряченных быков», и он испытывал редкое удовольствие от унижения короля, когда соблаговолил пощадить его швейцарцев и гвардию. По приказу де Гиза в баррикадах проделали проходы, и через них королевские отряды в самом жалком состоянии возвратились в Лувр. Тем не менее вечером добропорядочные «баррикадостроители» отказались идти спать.

— Завтра мы пойдем на Лувр и повесим брата Генриха в его дворце!

К пяти часам вечера король принял решение спастись бегством. Он вышел из Лувра через одну из галерей, которая ближе всего подступает к набережной Сены, и сделал вид, будто намерен прогуляться в саду Тюильри. Сохраняя полное спокойствие, он направился к конюшне и подал сигнал. Сопровождаемый министрами, швейцарцами, французскими гвардейцами, а также личной охраной, король галопом понесся к деревне Шайо. Прискакав на вершину холма — сегодня это площадь Трокадеро, — Генрих III обернулся и послал Парижу свое проклятие «за коварство и неблагодарность после стольких благодеяний, сотворенных его королевской десницей», и поклялся, «что дорогу обратно проложит себе только силой оружия».

Вернется, однако, уже не он, а Генрих IV!.. Что же касается Марго, то она возвратится в столицу много позже — через семнадцать лет.

* * *

Как только все эти новости дошли до Маргариты в Юсон, она поняла — происходящее не в ее пользу. Правда, известие о том, что в Блуа собираются Генеральные штаты, возродило надежду.

Сторонники лиги наверняка окажутся там в большинстве, а это позволяло рассчитывать, что герцог де Гиз добьется для нее милости короля. Еще в июле 1588 года Генрих III подписал с Меченым Пакт о союзе, по которому король обязался сдержать свое прежнее обещание — изгнать из королевства всех протестантов и «не заключать ни мира, ни перемирия» с «еретиком» Генрихом Наваррским.

16 октября 1588 года Генрих III разыграл в Блуа комедию королевского величия... Хрупкого величия, едва прикрывавшего столь же хрупкий трон:

— Я ваш король, — заявил он депутатам разных сословий, — король, данный Богом, ваш единственный, подлинный и законный король! Вот почему я не хочу быть в этой монархии никем, кроме как тем, кем в действительности являюсь.

Сидя на своей скамье без подлокотников, герцог де Гиз был, казалось, воплощенным спокойствием. Но вдруг он вздрогнул и изменился в лице: Генрих III, весь в черном, занял свое место на троне и адресовал угрозу лично ему:

— Влиятельные люди в моем королевстве создали разные лиги и ассоциации, — заявил он спокойным и ровным голосом. — Однако, проявляя свойственную мне доброту, я предаю забвению прошлое, а также объявляю, что отныне и впредь те мои подданные, которые не выйдут из этих лиг и ассоциаций или вступят в них без моего согласия, будут обвинены и изобличены в преступлении против монарха.

Король разыгрывал комедию всевластия и всепрощения... Так, словно казнить или миловать было все еще его прерогативой!

Но так было на заседании. Когда же оно закончилось, вожаки «лигистов» во главе с кардиналом Лотарингским и герцогом де Гизом решительно и во всеуслышание потребовали от короля отказаться от сказанного о «влиятельных людях королевства», которые «создали разные лиги и ассоциации».

Скрепя сердце, король подчинился.

18 октября депутаты предъявили Генриху III новое требование — скрепить повторной клятвой Пакт о союзе, который давал силу и власть де Гизам. И Валуа снова пришлось смириться.

После этого он сдавал одну позицию за другой. Король нуждался в деньгах и просил депутатов проголосовать за дополнительные ассигнования на нужды двора, однако те вели себя непреклонно.

— Двор не будет больше жить на широкую ногу, мы вдвое сократим наши нужды, — умолял со слезами в голосе Генрих III. —

Как я, по-вашему, буду жить? Отказывать мне в деньгах — значит обрекать меня на верную гибель...

И, охваченный ужасом, добавил:

— А погубить меня, вашего короля, — значит погубить государство.

— Тогда оставьте трон, — бросил депутат-гизовец.

Генрих III сделал вид, что не расслышал оскорбления. Точно так же он притворялся, будто не замечает, что охрана Меченого день ото дня становится все многочисленней. Но в глубине души он поклялся отомстить... или, точнее, спасти королевство.

Вечером 17 декабря 1588 года на ужине, который устроили съехавшиеся в Блуа представители лотарингской партии, мадам де Монпансье несколько раз повторила своему брату де Гизу:

— Вы его попридержите, а я ножницами выстригу ему корону на голове.

Свергнуть с трона «брата Генриха» уже, казалось, не составляло труда. На том же ужине кардинал Лотарингский поднял бокал и, глядя в глаза герцогу де Гизу, произнес:

— Я пью за здоровье короля Франции.

В конце стола сидел затерявшийся среди дворян-гизовцев италянец Венецианелли. Он старался кричать громче других:

— Да здравствует Генрих Меченый! Да здравствует наследник Карла Великого!

Однако на следующее утро он отправился к своему господину, чтобы все ему рассказать. Генрих III побледнел, ему стало ясно: если он не убьет Меченого, Франция для него потеряна. Король принял решение.

Гизы были в тревоге. Они понимали, что сын Медичи не позволит постричь себя в монахи так просто, как это представлялось мадам де Монпансье. Меченый желал ясности, поэтому он попросил аудиенции у короля. Их встреча произошла в саду замка Блуа. Холодный ветер кружил редкие хлопья снега. После нескольких банальных любезностей Меченый предложил королю свою отставку с поста главнокомандующего. Генрих III не без труда сохранил самообладание. В мгновение ока перед ним вновь разверзлась бездна грядущей гражданской войны. Если Меченый покинет этот пост, страна снова разделится на три части: на Францию гугенотов во главе с Генрихом Наваррским, Францию лигистов во главе с Генрихом де Гизом и между этими двумя фанатичными, а потому всемогущими партиями — королевская Франция во главе с Генрихом Валуа, самым бедным и самым слабым из трех Генрихов.

Но герцог де Гиз продолжал:

— С какой стати скрывать от вас, сир, что в последнее время меня часто предупреждали, что вы желаете мне зла?

Пришлось лицемерить. Дружески взяв Меченого под руку, король изобразил отеческую улыбку:

— Затевать недоброе против вас? Неужто вы думаете, что у меня так черно на душе? Да напротив, уверяю вас, в моем королевстве нет никого, кого бы я любил так, как вас...

Де Гиз бросил на короля недоверчивый взгляд. Валуа понял, что надо идти еще дальше. Со слезой в голосе он воскликнул:

— Эти слова я готов скрепить клятвой. Клянусь Телом Господа нашего, которое мне дадут вкусить сейчас, во время мессы.

Итак, королю было в чем покаяться на исповеди! Однако, оставшись в своем кабинете один, он в ярости швырнул на пол свою шляпу. Через некоторое время, справившись с приступом гнева, он изрек:

— Отчаяние еще никого не спасло, а вот осторожность может уберечь от многих опасностей.

Скрытый за гобеленом, ждал его распоряжений Лоньяк, командир Сорока Пяти — личной охраны короля, которую так клял Меченый. Он вышел из укрытия, вопросительно взглядываясь в лицо своего господина.

— Послезавтра, — сказал Генрих сдавленным голосом. — Да... капкан готов, но пружина у него такая тугая, что понадобится много людей, чтобы его поставить.

И вот послезавтра, 23 декабря 1588 года, на рассвете серого и туманного дня, все Сорок Пять набросились на герцога де Гиза, которого король перед заседанием Совета вызвал в свой кабинет.

Это была настоящая бойня!

Нападающие наносили удары не переставая, но де Гиз держался на ногах. Словно раненый зверь, который волочит на себе свору собак, Меченый перемещался из угла в угол королевского старого кабинета, оставляя на стенах и гобеленах кровавый след. Даже пронзенный десятком клинков, он не переставал кричать:

— Какое предательство, месье! Какое предательство!

Убийцы расступились: герцог на какой-то момент замер посреди комнаты. Казалось, он вот-вот рухнет. Но нет: он продолжал стоять, пошатываясь и стараясь сохранить равновесие. Вытянув руки, с потухшими глазами, хватая ртом воздух, он направился к Лоньяку, который смотрел на него, опираясь на ларь. Капитан Сорока Пяти даже не дал себе труда обнажить свой клинок. Не вынимая шпаги, он ножнами резко оттолкнул от себя умирающего. Герцог попятился, потерял равновесие, попробовал найти точку опоры, на секунду оперся о выступ в стене, оставив на нем кровавое пятно, и наконец рухнул наземь.

Готово!

Тот, кого Маргарита так любила, превратился в исколотый

труп. Тело Генриха де Гиза было предано огню, а пепел брошен в воды Луары вместе с пеплом кардинала Лотарингского, убитого на чердаке замка Блуа.

* * *

Вечером 4 января 1589 года буря бушевала над замком Блуа. Ветер врывается в широкие трубы на крыше и гнал дым обратно в комнаты. Королева Екатерина, Екатерина-регентша, мать королевы Марго, королевы Испании и трех королей Франции, умерла. «У нее очень высокая температура, — записал в тот день один из послов, — и хотя врачи объясняют жар безобидным насморком, возраст больной и острый приступ болезни вызывают серьезные опасения».

На следующий день она составила завещание, в котором отписала замок Шенансо королеве Луизе. Каждый получил свою долю наследства, за исключением мятежной дочери и ее мужа, еретика Генриха Наваррского: они — по крайней мере временно — наследства лишены. Екатерина выглядела бодро. Она не видела оснований для беспокойства и оставалась совершенно невозмутимой. Нострадамус и Руджиери предсказали ей, что она умрет «близ Сен-Жермена».

А от Блуа до Сен-Жермена далеко!

Тем не менее 5 января около часу дня Генрих III попросил ее принять последнее причастие. В комнату вошел королевский священник, которого она никогда раньше не видела.

— Как вас зовут? — спросила Екатерина.

— Жюльен де Сен-Жермен, мадам, — ответил тот.

— Я погибла! — закричала королева.

Полчаса спустя она отдала Богу душу. Рядом с ее изголовьем Генрих III перебирал свои четки с черепами вместо костяшек...

О том, что Екатерина Медичи спасла Францию, забыли сказать, когда сочиняли эту эпитафию:

Она породила трех королей и пять гражданских войн,

А для того, чтобы строить замки, разрушала города.

Позднее, увидев ее могилу в Сен-Дени, Генрих IV патетически воскликнул: «Как же ей там хорошо!»

* * *

Маргарита еще могла уповать на то, что ее спасет вражда между последним Валуа и первым Бурбоном. Возможно, чтобы досадить наваррцу, Генрих III и выпустил бы Марго из ее орлиного гнезда. Однако два Генриха вскоре заключили союз. «Я обращаюсь к вам как француз, — писал король Наварры королю Фран-

ции. — Я прошу вас пожалеть государство... Все мы сделали немало зла и все мы достаточно пострадали. Столько лет мы были слепы, безрассудны и безжалостны. Не пора ли остановиться?.. В этот час я обращаюсь ко всем жителям этой страны, которые наблюдали за нашими безумствами. Я обращаюсь к нашему дворянству, нашему духовенству, жителям наших городов и нашему народу — я взываю ко всем. Рассудите, к чему мы идем, что станет с Францией, каким будет облик нашего государства, если не излечиться от этого недуга?..»

Генрих III согласился пожать руку, которую так благородно протянул ему муж Маргариты. Эта захватывающая сцена произошла 30 апреля 1589 года, и Пьер де л'Этуаль рассказал о ней так:

«Наконец, соединившись, они обнялись с чувством любви, даже со слезами, особенно король Наваррский. Из его глаз текли слезы, крупные, как горох».

Участь Маргариты это не изменило никоим образом. Она по-прежнему оставалась в тюрьме... которая, по правде говоря, таковой не являлась. Это тем более верно, что 28 апреля, за два дня до сцены, которую мы только что описали, маркиз де Канияк погиб при осаде Сент-Уина, сражаясь за дело Католической лиги.

С этого момента королева стала хозяйкой Юсона. Похоже, она смирилась со своим одиночеством, видя в нем, как уверяет один из очевидцев, «отраду и отдохновение духа» — в самом деле, настал момент, когда она больше ни от кого не зависела. Часовню привели в порядок, и каждое утро она посещала мессу. Принимала сеньоров из близлежащих поместий; теперь ее окружал настоящий двор. Здесь ставили комедии и частенько проходили концерты, на которых восхитительно пели девять молоденьких девушек. Она любила посвящать долгие часы своему туалету и натирать жасминовым маслом располневшее тело. Ее подруга, герцогиня д'Юзес, в письме Генриху III писала, что королева «проводит жизнь в воде. Белизна ее кожи напоминает лилии, она благоухает, как бальзам, однако при этом снова и снова чем-то натирает себя». Для ухода за своим телом Марго использовала добрую сотню рецептов, хотя это, по ее словам, стоило ей экземы и даже рожистого воспаления.

Она оставалась верна моде своей юности — длинным корсетам из полотна или жесткой ткани, которые хорошо обтягивали талию и подчеркивали ее пышную грудь. Чтобы как следует обозначить талию, служанка долго затягивала шнуровку. Под платье надевали вертугаден — нижнюю юбку из сильно накрахмаленной канвы, расширенной в талии специальным валиком. Рукава

у платьев по-прежнему огромные, что выгодно сочеталось с длинными корсажами. В память о своей молодости Марго часто пудрила волосы — в голубой, фиолетовый или розовый цвет.

Она стремилась сделать внутренние покои Юсона не столь мрачными, завешивая их коврами и переливающимися шелковыми тканями. Благодаря свояченице, королеве Елизавете Австрийской, доходы Марго были не так уж малы: вдова Карла IX отпращивала ей половину своего содержания. Это позволило «пленнице» хорошо вооружить гарнизон Юсона и увеличить его численность. С вершины донжона постоянно обозревал окрестности дозорный, а в подвалах замка хранился запас провизии на два года осады. Этого, пожалуй, достаточно, тем более что вскоре из ее врагов в живых останется только один король.

Заканчивалась первая неделя августа 1589 года, когда до Маргариты дошла страшная весть. В понедельник 1 августа, в то время как два короля осаждали Париж, который удерживали сторонники Католической лиги, в комнату Генриха III в Сен-Клу препроводили монаха Жака Клемана. Небрежно одетый король только что выпил чашку бульона и восседал на стульчаке, богато отделанном и увенчанном балдахином. Низко поклонившись, монах попросил у короля аудиенции без свидетелей: он должен сообщить Его Величеству секретные сведения. Главный конюший Бельгард отошел на несколько шагов. Брат Маргариты наклонился к монаху... В этот миг монах выхватил из рукава нож и нанес Валуа сильный удар в низ живота.

— О, злой монах! Он убил меня! — выдохнул король, вырвав нож из раны.

В одиннадцать часов из Медона прискакал Генрих Наваррский, облаченный в защитную кирасу поверх полукамзола.

— Брат мой, — говорил король, целуя его, — я умираю в радости, потому что вижу вас подле себя. После того как Господь свершит надо мной свой суд, корона ваша...

Король умер в три часа утра во вторник 2 августа 1589 года. Династия Валуа угасла. Маргарита, королева Наваррская, стала легальной королевой Французской. Однако фактической властью она располагала только в своей нагоняющей ужас крепости Юсон.

* * *

Молодой уроженец Ажана Жозеф Скалиже говорил о Маргарите с воодушевлением: «Она свободна, знает, чего хочет, мужчин у нее столько, сколько сама пожелает...»

В 1589-м королеве было тридцать шесть лет, и ее все больше стали привлекать юноши. Путь молоденьких певцов из Юсона в часовню, где репетировал хор, частенько проходил через квадратное ложе их королевы. Особенно любила Марго проводить долгие часы с их учителем, хормейстером Клодом Франсуа. У этого сына жестянщика из Пюи был очень красивый голос, но голосом его таланты отнюдь не исчерпывались... словом, Маргарита увлеклась всерьез. Ее даже терзала ревность — как бы красавчик-певчий не нанес визит в апартаменты ее собственных фрейлин. Она самолично удостоверялась, не прячется ли ее кавалер в их комнатах. И, заставляя приподнимать кровати своих придворных дам, сама заглядывала под них. Как уточняет хронист, «совершенно голая вставала на четвереньки, чтобы не поцарапать себе ни плечи, ни ягодицы». Учитывая, что в то время тело Марго приобрело уже очень округлые формы, которые наверняка восхитили бы Рубенса, можно представить, сколь живописны были эти сцены! Замечали также, что она «ощупывает гобелены»: терзаясь ревностью, Маргарита воображала, что любовник скрылся при ее приближении.

Для него она сочинила стихи:

О эти леса, опушки, пещеры!
Вам свои звуки, слезы и веру,
Песни, глаза, перо и венец
Дарит поэт, любовник, певец.

Летом она находила некоторое очарование в окружающей Юсон и Бельведер природе. Особенно привлекал ее вид на долину Лимань и видневшиеся вдаль отроги хребта Мон-Дор.

Вместе с весьма посредственным поэтом, которого она здесь обнаружила, неким Антуаном Ла Пюжадом, Маргарита сочинила множество стихов. Их совместное творчество трудно признать удачным: иной раз это почти что галиматья.

Совсем другое дело ее «Мемуары», которые сама Маргарита скромно именовала «послеобеденным творчеством». Их стиль, конечно, местами нудноват, порой архаичен для современного читателя и даже неясен, однако текст полон красок, он свидетельствует о несомненном даровании Маргариты де Валуа и передает нам отблеск ее души. «Это произведение свидетельствует об изысканности и проницательности», — заметил Сент-Бёв. Благодаря своей наблюдательности Маргарита оставила прекрасные портреты современников. В «Мемуарах» историк может почерпнуть бесчисленные детали о жизни в этом обжигающем XVI веке и, в частности, о страшном и кровавом дворе Валуа.

Однако «Мемуары» — далеко не все ее наследие. Прочитав «Духовные тайны» одного преподобного отца церкви, она написала автору:

«Я не в силах переносить то презрение, в которое вы погружаете мой пол, утверждая, что он заслуживает почитания мужчин именно в силу свойственных ему физических недостатков и незащитности... Физические недостатки и незащитность вызывают вовсе не почитание, а презрение и жалость». После чего она попыталась доказать преподобному отцу, что поскольку «женщина сотворена вслед за мужчиной», она — существо высшего порядка. Марго считала: «Бог создавал свои творения в такой очередности, что сначала на свет появлялись худшие, а уже вслед за ними все более и более совершенные... Поэтому женщина — средоточие наивысшего совершенства: как и мужчина, она сотворена десницей Божьей, но превосходит его настолько, насколько ребро человека превосходит глину, из которой он сделан...»

Свои рассуждения на эту тему она продолжила, восхваляя «внешность» женщины, которая виделась ей куда изысканней, чем внешность мужчины. «Вследствие этого женская душа более предрасположена к высоким порывам, нежели мужская, сотворенная из глины, предмета неподатливого, грязного и грубого. Это, несомненно, огрубляет и утяжеляет все движения его тела и разума». Похоже, она даже позабыла о любезном ее сердцу Шамваллоне, «зенице ее очей» и его совершенном телосложении... По мнению Маргариты, «тело женщины несравненно прекраснее, изящнее и совершеннее тела мужчины». Словом, вывод таков: «Мужчина должен почитать женщину и подчиняться ей, как матери своего Бога».

* * *

В Юсоне любовь продолжала владеть мыслями королевы, которая уже приближалась к сорокалетнему рубежу, — и она сочинила «Диалог между Маргаритой де Валуа и ломовой лошадию о любви». Эта «ломовая лошадь» — наверняка кто-то из ее юных любовников в Юсоне, скорее всего, хормейстер. Их беседа начинается с того, что Маргарита ставит в вину своему поклоннику его слишком частые отлучки:

— Разве ваши желания, помыслы и все ваши поступки не по сердцу мне? И разве вы не понимаете, что в ваше отсутствие я погружаюсь в беспросветную ночь и нахожусь в вечном ожидании, когда вы разгоните тьму?

— Я являюсь, как только вы меня просите о том, — вежливо отвечает кавалер.

— Стало быть, если я не пошлю за вами, вы и не появитесь и оставите меня умирать от печали, — замечает на то королева. — Так знайте, настоящий любовник должен быть всегда нетерпе-

лив, он должен сгорать от желания вновь увидеть предмет своей страсти. Он не станет ждать, чтобы за ним посылали, назначали часы для свиданий и выговаривали ему за отсутствие.

— Но я ваш пленник и полностью завишу от вашей воли, — благоразумно отвечает ей «ломовая лошадь».

— Значит, мой плен для вас тюрьма, а не райское наслаждение?

Без сомнения, Марго испытывает куда больше влечения к своему «зверю», нежели он к своей госпоже.

— Разве я не могу внушить страсть достойному человеку?

— Вы для меня — прекрасная Венера, — отвечает ухажер.

— А вы мой маленький Адонис...

Затем она вспоминает об их любовных утехах:

— Я похожа на ласку или на голубку: как и они, я получаю удовольствие от одного прикосновения.

— А я не только от этого! — заявляет он.

Ибо «ломовая лошадь» предпочитает идти напрямик к цели.

— Так что же для вас важнее всего? — вопрошает королева. — Удовлетворение звериного инстинкта, удовлетворение собственной плоти? А вот мою любовь питают иные наслаждения, те, что вы мне даруете взглядом. Вне всякого сомнения, они куда изысканней и нежней, нежели простое сладострастие, которое человека почти не отличает от животного.

— Мне нравится изображать животное, — честно признается он.

Теперь наступает его очередь перейти к упрекам: он безмерно устал от этой страсти.

— Вы не оставляете мне времени для сна.

— Уж на это-то у вас времени предостаточно, — возражает она, — вашим любовницам приходится приспосабливаться к вам.

Конечно, «зверь» любит драться. Разве дуэли не обычное дело в эту эпоху?

— Я осуждаю гладиаторские бои, — замечает Марго, — не люблю, когда кровь пускают без цели, как это делаете вы.

Именно она очеловечила своего зверя — о чем ему резко напоминает:

— Я подняла вас из пыли, из праха земного; вы — неотесанный мужлан, тщеславный хлыщ, жалкий меланхолик, короче, самое грубое подобие человека, которого когда-либо рождала Гасконь, благодаря мне вы возвысились всего за одну ночь. Так знайте же, если вам это еще не известно: я не могу, не хочу и никогда не буду любить невежду и олуха.

Далее начинается воркование влюбленных. Маргарита буквально засыпает своего собеседника вопросами:

— Неужели столь сильная страсть связывает ваш язык и возбуждает ваши чувства, так что менее влюбленный человек смог бы выразить ее словами, тогда как вам остается лишь молча вожделеть?

— Вы сказали чистейшую правду, — признается он.

— Я верю только неопровержимым доказательствам. Но легкий румянец, который разлился по вашим щекам, укрепляет мою веру. Всегда быть утонченной и благоухающей — цель моей жизни; но, заметьте, мне это доступно. Посмотрите на мои руки: хотя я уже неделю ими не занималась, спорим, что вашим рукам с моими не сравниться, и как бы мало я за ними не ухаживала, они всегда нежны и прекрасны.

Нельзя не удивиться этому признанию Маргариты, которая бесконечно плескалась в воде и натирала себя благовониями. Спор о любви весьма изящно переходит в сферу чувственности — этим и заканчивается диалог:

— Честно говоря, не такого уж великого труда стоило заставить вас признать себя лошадкой. Это моя вина: напрасно я вынудила вас разговаривать, вам куда больше идет молчание. И губы ваши лучше приспособлены для удовольствия... Так приблизьтесь, душечка, ко мне, вблизи вы намного лучше, чем издали. Поскольку вы созданы, чтобы удовлетворять скорее чувство, нежели слух, давайте из превеликого и разнообразнейшего множества поцелуев выберем самый сочный — и продолжим... О! до чего же сладки ваши поцелуи, какую страсть они будят во мне!.. Я вся дрожу, искры сладострастия пробегают во мне от головы до пят. Просто умереть можно от этого; я так взволнована, что, наверно, покраснела до кончиков волос... Ну наконец вы в своей роли, наконец вы не просто грубая плоть! Ах! как колотится сердце, вздохнуть не могу! Должна наконец сама себе признаться, нравится мне это или нет, что эти радости куда прекрасней всех речей на свете! И можно заключить, без риска ошибиться: нет радостей приятнее, а если бы еще они не были так коротки...

Занавес.

Клод Франсуа умел, однако, выказывать свою преданность. Когда Марго разлюбила его, в награду она подарила ему землю в Помони. Ей мало было сделать его дворянином, она еще женила его на одной из своих фрейлин, Мишлетт де Фожьер.

Затем благосклонность ненасытной Марго обратилась к сыну какого-то плотника из Арля: «Часто они запирались в кабинете, семь-восемь дней не выходя оттуда, и видела их только мадам де Шастильон, бессменно дежурившая у двери и охранявшая их покой: она единственная хранила в секрете то, что было известно всем».

Когда владелице Юсона наскучили прелести юного провансальца, она отделалась от него, женив на одной из служанок замка и дав молодоженам хорошее приданое.

Что дальше? Под крышей своего замка Маргарита пережила еще множество любовных историй — то это был кто-нибудь из ее слуг, то какой-нибудь местный крестьянин. Несомненно, именно Маргариту имел в виду Брантом, когда писал: «Хороший воин всегда хорош собой и особенно — на войне, но если он не знает, что надо делать в постели, то пригожий и сильный слуга окажется никак не менее ценен, чем красивый и доблестный, но усталый дворянин».

Действительно ли королева Марго в известной степени страдала нимфоманией? Похоже, что да. Жизни без увлечений, без любви она просто не представляла. Но даже эта всепоглощающая страсть не могла до конца утолить ее. Столь же сильным наркотиком были для нее политика и чтение. Королева буквально проглатывала труды Горация, Овидия, Данте, Петрарки и Боккаччо.

Письма ее очень хороши. Вот несколько примеров того, что выходило из-под ее пера. Любовь Маргариты и Шамваллона потухла, когда она лишилась возможности ему писать: «Это уж слишком, сердце мое, вдруг лишиться счастья обладания и возможности облегчать свои страдания в письме. Это значит подавить в себе душу и отнять у нее возможность не только вздыхать, но и дышать, принудив свое сердце подчиниться печальным обстоятельствам... Любовь, которая озарила наши чувства, бессмертна, потому что бессмертен смысл любви, бесконечен круг, по которому она совершает свой полет».

27 декабря 1594 года на Генриха IV было совершено покушение. Фанатик по имени Жан Шатель нанес ему скользящий удар ножом, ранив его в шею. В письме тому, кто все еще был ее мужем, Маргарита спешит «засвидетельствовать Вашему Величеству опасения, которые доставило мне ваше заключение, и радость, которая охватила меня при известии, что самое ужасное несчастье миновало вас. Как вы, монсеньор, в своих письмах не раз оказывали мне честь, настаивая, чтобы я бережно относилась к своему здоровью, позвольте теперь и мне обратиться к вам со смиренной мольбой не меньше беречь себя для будущего».

Габриэль д'Эстре, любовнице короля, 24 февраля 1597 года она написала следующие строки, разумеется, сама не веря ни единому слову: «Я так привыкла доверять свидетельствам вашей любви ко мне, что не могу пожелать себе лучшей покровительницы перед королем, чье терпение не осмеливаюсь испытывать своей

частой назойливостью, тем более в письме, могущем его рассердить. Зато я знаю, что просьбу, которая прозвучит из ваших прекрасных уст, он примет очень хорошо...»

Маргарита, говорившая бегло на латыни, взялась переводить поэзию Лукиана, племянника Сенеки. Но все это было не то, не то... Неужто ей суждено закончить свои дни в этом ужасном орлином гнезде, «консержкой» замка, как с определенного времени она себя называла, хотя все кругом давно называли ее «правительницей Юсона»?

Глава XV

РАЗВОД ВСЕМИ ЗАБЫТОЙ КОРОЛЕВЫ

Часто Маргарита, чувствуя, что жизни ее что-то угрожает, запиралась в своей комнате с книгами. Разве само ее существование не являлось главным препятствием новому браку короля Франции? Она не без оснований опасалась покушения. Однажды — это было в декабре 1590 или в январе 1591 года — в ее покои проник убийца, нанятый среди солдат маленького юсонского гарнизона: вошел в комнату, хладнокровно прицелился из пистолета и выстрелил. К счастью, пуля застряла в широких складках объемистого вертюгадена, которому королева была по-прежнему верна.

В ту эпоху — правда, люди отдадут себе в этом отчет много позже — человеческая жизнь почти ничего не стоила. Но, конечно, нет никаких оснований полагать, что это именно наваррец подослал убийцу, хотя как-то раз в гневе он и высказал что-то в этом роде в письме одной из своих любовниц.

Франция была обескровлена, опустошена братоубийственными войнами и разбоями вооруженных банд. «Почти повсюду, — писал Пьер де л'Этуаль, — несчастные люди, сорванные со своих насиженных мест, обреченные на голодную смерть, как саранча, налетали на едва выколосившийся хлеб в полях, чтобы утолить невыносимое чувство голода. А те, кто пахал землю, те, кому этот хлеб принадлежал, сделать ничего не могли... их самих съели бы эти несчастные люди, не разреши они им проглотить эти хлебные колоски».

Чтобы победить разруху, Франции нужен был мир... и король, которого не отвергала бы половина нации. Раз гугенот Генрих Наваррский не может править католической Францией, ему остается одно: отречься от своей веры и поскорее жениться, чтобы основать династию. В сложившейся ситуации это единственный

выход. Стоит вспомнить слова, которые много позже скажет шведская королева Кристина*: «Корона, как невеста, хороша на выданье», — уж очень точно подходят они к Генриху Наваррскому. Итак, 23 июля 1593 года Генрих IV, по собственному выражению, решился на «опасный бросок». Он снова стал католиком... причем уже в третий раз**.

Но стал он и королем Франции***.

Однажды Дюплесси-Морне стал корить своего короля «за его флиртные связи, что таят в себе немало опасностей», чем невольно подтолкнул Генриха задать вопрос:

— А почему бы не подумать о моей женитьбе?

— Женитесь на здоровье! Только сначала вам надо развестись.

Вот почему Рони, будущий Сюлли, обратился к узнице Юсона: что думает она на этот счет? В своем ответе Маргарита сразу ухватила суть: «Предложенный вами план заслуживает обсуждения...» — но только при условии, что операция эта принесет выгоду и ей, то есть поправит ее вечно расстроенные финансы. Пожелав в первых же строках успеха начинаниям короля и оценив «весьма высоко его выдающиеся добродетели», Маргарита заверила, что смиренно примет причитающееся ей «от великих милостей короля...». Короче, она согласилась на развод, уповав на то, что Сюлли поможет должным образом соблюсти ее интересы и в кошелек ее прольется дождь эку: «Я доверяюсь вашей осторожности и чистоте ваших помыслов и с нетерпением буду ждать результата...»

Два советника короля, Сюлли и Дюплесси-Морне, в начале 1593 года отрядили в Юсон адвоката Эрара, ведавшего кассационными делами в королевском совете. Он полагал свою миссию довольно простой: разве из переписки Маргариты с Сюлли не вытекало, что она согласна на развод? Отношения короля и королевы в последнее время складывались к лучшему, например, Маргарита не промедлила поздравить мужа с отречением от про-

* К р и с т и н а Ш в е д с к а я (1626—1689) — королева Швеции (1632—1654), двор которой прославился скандальной свободой нравов, что в конечном счете стало причиной вынужденного отречения королевы от трона.

** А всего Генрих Наваррский шесть раз менял веру! (Прим. авт.)

*** Генрих IV вступил на французский престол в 1589 году, после убийства Генриха III, но, оставаясь гугенотом, несколько лет потратил на борьбу с Католической лигой и поддерживавшей ее Испанией. В июле 1593 года перешел в католичество («Париж стоит обедни»), в феврале 1594 года короновался в Шартрском соборе и в марте вступил в Париж уже как коронованный король Франции.

тестантской веры. Однако прибыл Эرار в орлиное гнездо Юсон в апреле, а уехал с доверенностью Маргариты только в июле — три месяца длились эти переговоры, если не сказать торг...

Маргарита знала наверняка, что без ее согласия Рим не пойдет на расторжение брака, вернее, не признает его недействительным, — это и давало ей свободу действий. «Месье Эرار сообщит вам все условия нашего договора» — написала она советнику короля Дюплесси-Морне. Но ответил ей сам король: «Зная с самого начала, как продвигались ваши переговоры с Эرارом, я испытывал глубокое удовлетворение от решений, которые вы приняли, стремясь сделать все от вас зависящее, чтобы наилучшим образом уладить наши дела...»

Понимая, что для Маргариты на первом месте — деньги, король продолжал: «Что касается расходов на ваше содержание и уплаты ваших долгов, о чем мне также докладывал Эرار, я обещаю их в тех размерах и с теми гарантиями, которые для вас наиболее приемлемы».

Эرار предложил для уплаты долгов сумму весьма значительную — двести пятьдесят тысяч экю. Король согласился и с его предложением выплачивать Маргарите пожизненную ренту в двенадцать тысяч экю. Но Маргарита просила на две тысячи больше:

— Для Его Величества это пустяк, а для меня очень важно, чтобы не остаться совсем на мели.

Маргарита получила и это — и пожелала добавить к своему успеху еще один «пустяк»: получить в полное владение замок Юсон. Это уже было посерьезней: а вдруг гугеноты или, еще лучше, члены ужасной Католической лиги, которая, несмотря на «опасный бросок» короля, была далеко еще не уничтожена, решат завладеть этими воротами в Овернь? Правда, религия уже уступила место политике... Затягивая решение вопроса, король рассчитывал, что Маргарита устанет и в конце концов откажется от борьбы за Юсон.

— Король должен скорее довериться мне, — парировала Маргарита, — а не тем, кто стремится отнять у меня замок.

Хотя и решено было, что обещанное содержание начнут выплачивать Маргарите до расторжения брака, она получала его крайне нерегулярно. «Тому виной лихие времена, — ответил через своих советников Генрих IV, — а не моя лихая воля...» Однако добрая его воля оказалась в полной зависимости от Габриэль д'Эстре, стившей королю слишком дорого.

Появление этой новой любовницы страшно встревожило Марго. Габриэль д'Эстре возникла в жизни короля в 1592 году, и два года спустя у них появился внебрачный ребенок, которого называли Сезаром. Существует немало свидетельств, что после

рождения сына король всерьез стал подумывать о женитьбе. Королева не раз давала знать, что ничего против воли короля не имеет, но все же — добавляла она без обиняков — не может согласиться, чтобы ее место заняла «женщина столь низкого происхождения, об образе жизни которой, недостойном и даже постыдном, ходит столько легенд...». В таком случае она, Маргарита, из лучших побуждений откажется от развода и сохранит свой королевский титул, «ставший предметом торга». Дать герцогство маленькому Сезару Вандомскому, куда ни шло, но уступить свое место «шлюхе короля»... никогда!

Между тем Генрих IV проникался все большим чувством к Габриэль, уже носившей титул маркизы де Монсо. Он усыновил Сезара, своего внебрачного сына, и подарил его матери находившееся в Компьене аббатство Сен-Корнель, принадлежавшее... Маргарите! Тогда королева не без иронии отписала королю: «Я была очень польщена, узнав, что нечто, принадлежавшее мне, пригодилось как свидетельство моей готовности всегда быть к услугам этой почтенной женщины, и полна решимости всю дальнейшую жизнь любить и чтить то, что любите вы».

Ни «любить», ни «читать» любовницу короля Маргарита, естественно, даже не помышляла, но почему бы не разыграть спектакль?

И пошло-поехало.

В начале 1595 года Марго направила в Париж свою фрейлину, мадам де Вермон, сын которой, как мы увидим, позднее станет ее любовником. Письмо госпожи, которое мадам де Вермон должна была вручить королю, заканчивалось так: «Я робко умоляю ее оказать мне честь своего благорасположения и смиренно лобзаю ее руки, прося Господа Бога, чтобы он подарил вам, монсеньор, полное и совершенное блаженство». И подпись: «Ваша ницпреклоненная и весьма преданная вам служанка, подданная и жена».

Как видим, Марго не упускала случая подчеркнуть, что, даже будучи узницей Юсона, остается «женой» короля.

Когда фрейлина вернулась, Маргарита написала мужу: «От мадам де Вермон я получила заверения, что вы были рады выказать мне свою дружбу, что я расцениваю как высшую честь и благо всей моей жизни...» И от души посетовала «на те огромные трудности, из-за которых уже не на годы, а на целые века я лишилась возможности служить моему королю».

Во время карнавала 1597 года король развлекался, как одержимый, со своей дорогой Габриэль, и Францию наводнили стишки:

Чужая жена — чужая семья,
Кто против закона, тот против себя.
Но если закон ты начнешь уважать,
Родная супруга вернется опять.
Пока же, надеясь, терпи да храни
Нож брата Клемана на черные дни.

«Родная супруга вернется опять»... На самом деле Маргариту преследовал страх, как бы король, рассерженный, что переговоры идут столь медленно, не приказал ужесточить тюремный режим для своей «супруги», чтобы вынудить ее пойти на попятную и отказаться от чрезмерных материальных запросов. Поэтому-то она и обмолвилась как бы между прочим: «Меня измором не возьмешь, уж как-нибудь я продержусь на своих запасах поболее года», — можно подумать, что Маргарите угрожала Католическая лига, никак не меньше.

Имеющий уши да услышит!

Только бы получать содержание регулярно — ради этого Маргарита попробовала даже стать союзницей «женщины низкого происхождения». «Мадам маркиза, — обратилась она к Габриэль д'Эстре, — всякий раз, когда я получаю письмо от короля или от вас, я трепещу от радости, тогда как их продолжительное отсутствие ввергает меня в ужас при мысли, уж не сумели ли коварные мои враги лишить меня благорасположения короля и вашей дружбы, которую я намерена сохранить на всю жизнь... Только к этой цели всегда и будут направлены все мои помыслы и поступки... Умоляю вас, своим добрым сердцем извините свободу моего обращения к вам, так как в вас я надеюсь обрести сестру и почитаю вас больше всех на свете после короля. Я так привыкла доверять свидетельствам вашей любви ко мне, что и пожелать себе не могу лучшей покровительницы перед королем».

Тальман де Рео был прав, восхищаясь Маргаритой: «Она умела приспособливаться к обстоятельствам».

Но Марго невольно выдала свое заветное намерение, коснувшись темы, которая волновала ее уже давно: «Я нахожусь сейчас в такой нужде, что переносить ее здесь почти нет сил, и была бы бесконечно признательна вам, если бы вы сообщили мне волю короля: не сочтет ли он возможным отпустить меня в какое-нибудь из моих владений во Франции, пусть самое удаленное от двора? Если будет на то воля короля, его решение станет для меня вечным законом, как вечно пребудут во мне глубочайшая преданность и признательность вам, кого я надеюсь навсегда сохранить в качестве своего самого лучшего и самого преданного друга».

25 февраля 1599 года — в последний день Масленицы — Генрих IV надел на палец своей любовницы обручальное кольцо,

которое получил во время коронации как знак того, что он обручился со всей Францией.

— Теперь только Бог и смерть короля могут помешать мне стать королевой Франции! — заносчиво воскликнула Габриэль д'Эстре.

Маргарита же в проявлениях своей лояльности пошла еще дальше. Она преподнесла крошке Сезару принадлежавшее ей герцогство д'Этамп, хотя мысль о том, что в один прекрасный день корона Франции может достаться внебрачному отпрыску короля, приводила ее в ужас. Но 10 апреля 1599 года Габриэль — весьма кстати! — умерла ужасными преждевременными родами. Из чрева молодой женщины доктора чуть не по кусочкам извлекли ее мертворожденного ребенка. Горе Генриха IV было неподдельным: крупные слезы катились по морщинам, теряясь в побелевшей бороде. Но горе короля не может быть долгим, и вскоре он нашел утешение в объятиях Генриетты де Верней...

С той минуты комедия, которую разыгрывала Маргарита, утратила смысл. Не было больше причин и ей самой затягивать давно назревшие решения. «Я начинаю верить в добрый исход моих дел, — пишет она Сюлли, — и очень хотела бы ускорить их успешное разрешение к удовольствию короля и всех добрых французов, горячо желающих, как вы о том пишете, увидеть законнорожденных детей короля, которые смогут безо всяких споров наследовать корону, поднятую им из руин... — и не желающих видеть на моем месте легкую на помине вертушку, о которой недостойно вести разговор, теперь, когда благодаря Провидению все изменилось и больше нет никаких оснований сомневаться в осмотрительности короля и доброй воле его совета, составленного из самых преданных слуг... я хочу со спокойным сердцем доживать свои дни. Я удовольствуюсь всем, что окажется приемлемым и что вы сами сочтете нужным посоветовать мне».

Все стало приходить в порядок, и в июле 1599 года Генрих отправил в Рим Брюлара де Силлери. Посол короля был уполномочен проинформировать папу Климента VIII, что королева Маргарита накануне Варфоломеевской ночи согласилась выйти замуж за короля Наварры под сильным давлением королевы-матери и Карла IX: их свадьба состоялась по принуждению. Силлери было поручено также известить Его Святейшество, что свадьба была отпразднована до того, как в Париж поступило разрешение папы вступить в брак молодым, состоявшим в кровном родстве. Еще один повод для кассации!

Но решающий документ исходил от Марго: она сама просила аннулировать ее брак с Генрихом Наваррским. В Париже, во дворце аббатства Сен-Жермен-де-Пре, под председательством папского нунция, кардинала Флоренции Александра де Медичи, со-

стоялось заседание трибунала, в который входили также епископ Модены и кардинал-архиепископ Тулузы. 12 ноября 1599 года прелаты задали королю Генриху деликатный вопрос, к которому он, разумеется, был готов:

— Были ли у вас супружеские отношения?

Улыбаясь, Генрих ответил — мы уже приводили его слова:

— Мы оба, королева и я, были молоды и полны жизни, так могло ли быть по-другому?

А королеву, забытую в зловещей крепости Юсон, 28 ноября от имени церковного трибунала выслушали архидиакон Бертье и сопровождавший его суровый протонотарий с благозвучным именем Россиньоль*. Марго подтвердила, что ее брат и королева Екатерина вынудили ее выйти замуж за Генриха Наваррского, чему она сопротивлялась, как могла.

— Никогда мое сердце не лежало к этому союзу, — сказала она судьям. — Меня к нему силой принудили король Карл IX и королева-матушка. Я с горькими слезами умоляла их отступить. Но король пригрозил, что, если я не соглашусь, во всем его королевстве не будет никого несчастнее меня.

Напомнив, что совершенно не любила тогда короля Наваррского, Марго намекнула, что сердце ее принадлежало герцогу де Гизу:

— Я говорила и повторяла, что хочу выйти замуж за другого достойного человека; но мне пришлось повиноваться.

Наконец она выдвинула неотразимый аргумент, достоверность которого подтвердили оставшиеся в живых свидетели: король Карл IX перед Собором Парижской Богоматери решительным жестом сам наклонил голову сестры в знак ее согласия на брак. Короче, свое согласие она дала «на словах, но не сердцем».

Когда же и перед ней был поставлен щекотливый, хотя по важности первостепенный вопрос, случались ли у нее с мужем супружеские отношения, Маргарита вслед за королем заявила парижским судьям:

— Мы оба в день свадьбы были уже настолько грешны, что воспротивиться этому было выше наших сил.

В пятницу 17 декабря 1599 года кардиналы-судьи наконец огласили свой вердикт о разводе, позволявший «Всехристианнейшему Королю и Светлейшей Королеве вступить в новые законные браки». В ходе процесса они дошли до того, что подвергли допросам горничную Маргариты и даже Шарлотту де Сов, которой король Наварры доверил в свое время немало тайн.

* R o s s i g n o l — соловей (*фр.*).

Сообщая добрую новость Марго, Генрих назвал ее «сестрой»: «После всего, что произошло, я дорожу вами и люблю вас еще больше, чем прежде». В возмещение короны, которую она потеряла, он пообещал ей отныне быть «братом не по крови, а по чувству».

Марго поблагодарила его весьма элегантно, хотя и с легкой иронией. Она принимает «братские отношения», обещанные ей бывшим мужем. «Правда то, что для вас выигрыш, для меня изрядная потеря, — добавляет она, — и то, что взамен вы осыпаете меня великими милостями, служило бы мне большим утешением в превратностях моей судьбы, если бы я не знала, что делается это по вашему повелению в уверенности, что понесенный мною урон послужит общественному благу. А значит, я подчиняюсь этой необходимости не из желания вам услужить, но как верно-подданная своего короля...»

— Она еще жалуется, что это я причина ее несчастий, — воскликнул король, который никогда не мог забыть, что Марго в свое время подняла против него меч, — ведь кроме нее никто не виноват. Господь свидетель! Она прекрасно знает, что я всегда ее любил и чтил и что расстались мы из-за ее дурости.

В тот же день, 17 декабря 1599 года, «о расторжении брака короля было торжественно и публично объявлено при большом стечении народа в церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа, приходской церкви Лувра». Неделей позже, в предпоследний день столетия, Генрих по просьбе Маргариты присвоил ей титул герцогини де Валуа и подтвердил принадлежность ей провинций Ажанэ, Кондомуа и Руерг. Для погашения долгов она получила во владение наследство Екатерины, а кроме того, король распорядился одновременно выплатить ей двадцать тысяч экю, сумму, рассчитанную на четыре года, — которой опять-таки далеко не достанет ей для того, чтобы компенсировать накопившиеся издержки.

Марго, разумеется, и в мыслях не держала воспользоваться своей свободой для вступления в новый брак, но Генрих пренебречь этой обязанностью не мог: он должен жениться снова, этого требует Франция! И он попросил руки Марии де Медичи.

Дело в том, что после смерти Габриэль д'Эстре между канцеляриями Парижа и Флоренции начался и стал набирать темп процесс переговоров и соглашений с обычной для того времени клерикальной церемониальностью и елейностью... Наконец, 5 октября 1600 года, Генрих IV и Мария де Медичи, племянница великого герцога Тосканы, отпраздновали во Флоренции свадьбу... чтобы 9 декабря в Лионе разделить брачное ложе.

И снова потекли годы. Марго, ставшая герцогиней де Валуа, по-прежнему жила в своем заточении в Юсоне. И средства на ее содержание поступали все так же скудно...

«Подобно богам, Ваше Величество не удовлетворяется лишь благами и милостями для утешения своих слуг, но соблаговоляет также сопереживать им и утешать их скорби...»

Кому пишет Маргарита такие строки? Королю Генриху! Да, много воды утекло с тех пор, когда наваррец нетерпеливо дожидался известия об «удушении королевы Наваррской»!

Остался в прошлом заговор Бирона против Генриха IV — не сносил маршал своей головы, — но теперь новые козни против короля продолжали строить Карл де Валуа, внебрачный сын Карла IX и Марии Туше, носивший сначала титул графа Овернского и даже назначенный правителем Оверни, а затем графа Ангюлемского, маркиза Генриэтта де Верней, бывшая любовница короля, и граф д'Антраг, ее отец. До относительно недавнего времени экс-королева Марго поддерживала хорошие отношения со своим племянником, но однажды сама известила короля, что вынуждена положить этим отношениям конец, «так как он сделался врагом Вашего Величества». Письмо это было написано 21 ноября 1604 года. А еще за три с половиной года до этого, 17 марта 1600-го, она предупредила короля, что этот «дурно воспитанный мальчик» завладел многими крепостями, доставшими Маргарите от ее матери, — «почти такими же мощными, как Юсон». И продолжала: «Ради вашего же блага, все эти замки и крепостные стены лучше было бы поскорее разрушить». Она советовала снести даже Юсон, зная, что и он пригласился Карлу де Валуа.

К этому моменту Маргарита успела отсудить в Парижском парламенте Лорагейское графство, которое отхватил себе граф д'Антраг, хотя по праву наследования оно принадлежало экс-королеве Наваррской. Карл де Валуа с согласия Генриха III отнял у нее значительную часть материнского наследства, и Маргарита затаила на него смертельную обиду, хотя королева-мать и в самом деле лишила наследства свою дочь... И вот теперь Генрих поддержал намерение бывшей супруги учинить процесс в парламенте против сына Карла IX. В благодарность Маргарита завещала все свое имущество юному дофину, сыну Генриха IV и Марии де Медичи, родившемуся в 1601 году*.

Не она ли сообщила королю кое-какие сведения о заговорщической деятельности графа Овернского, укрывавшегося неподалеку от замка Юсон? Не Маргарита ли помогла подстроить западню и заманить в нее племянника? Это не так уж невозможно — на подобную догадку наводят ее же письма. Граф Оверн-

* Людовик XIII, король Франции (1610—1643).

ский был арестован и отправлен в Бастилию, где провел одиннадцать лет. Антраг, арестованный в Гатине, вынужден был вернуть Генриху IV письменное обязательство короля жениться на своей любовнице Генриетте де Верней в случае, если бы та родила ему сына.

Но и после арестов графа Овернского и графа д'Антрага заговоры против короля не прекратились. Маргарита тем лучше могла об этом судить, что, живя в самом сердце Оверни, многих заговорщиков знала по имени и даже была осведомлена об их замыслах. И она отважилась поставить в известность Генриха IV обо всем, что угрожало безопасности его государства. Мало того, Маргарита решила сама выступить в парламенте.

Генрих IV больше не мог противиться возвращению своей бывшей супруги в Париж, который она покинула двадцать три года тому назад.

7 мая 1605 года в присутствии своего нотариуса, адвоката Портая, Маргарита подписала акт, «которым по доброй воле и собственному желанию, руководствуясь благочестивыми намерениями», распорядилась отныне и всегда выдавать нищим старикам Юсона ежедневно «по половине хлеба». Кроме того, каждый год на Рождество десять девочек из бедных семей Юсона должны были получать по голубому платицу с длинными рукавами и пряжками стоимостью в «десять турецких франков»*.

Сотворив эти благодеяния, Маргарита могла со спокойным сердцем покинуть свое орлиное гнездо... которое будет полностью разрушено в следующем веке по приказу кардинала Ришелье.

* Во Франции понятия «франк» и «ливр» были совершенно равнозначны вплоть до XIX века, хотя первое из них было намного старше. При этом приходилось различать турецкий франк, или ливр, вмещавший 20 су, и парижский франк, или ливр, — 25 су. Первые франки были отлиты в 1360 году специально для выкупа французского короля Жана де Валуа (Доброго), плененного англичанами в битве при Пуатье (1356).

Глава XVI

ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ВАЛУА

В начале июля 1605 года Маргарита покинула Юсон вместе со своим новым любовником Датом де Сен-Жюльеном, гарцевавшим на лошади рядом с дверцей ее кареты. Множество овернских дворян пришли проводить ее до самых границ своей провинции. В селении Серкотт, близ Орлеана, ее приветствовал Сюлли, прибывший специально, чтобы из уст Маргариты услышать все, что было ей известно о существовании заговора, который она вознамерилась разоблачить сначала перед королем, затем перед парламентом. Выслушав ее, друг короля довольно скептически сообщил Генриху IV:

— Думаю, в этой истории не менее половины — ложь.

Король пожелал, чтобы королева обосновалась где-то вблизи берегов Луары. Королева Луиза Лотарингская, вдова Генриха III, только что переселилась в мир иной, почему бы герцогине де Валуа не остановиться в замке Шенонсо, завещанном ею герцогине де Меркюр? Последняя заявила о своей готовности уступить замок Маргарите, но герцогиня де Валуа сочла, что от Шеры до Сены слишком далеко.

«Если на то будет воля Вашего Величества, я поеду в Булонь, чтобы обосноваться там в принадлежащем мне доме и жить в добром согласии с Вами». Имелся в виду не Булонь-сюр-Мер на берегу Ла-Манша, а Мадридский замок в Булонь-сюр-Сен, находящийся рядом с Парижем.

«Ваш замок Юсон, — продолжает Маргарита, — я оставила в надежных руках одного старого дворянина, моего дворецкого, и отряда швейцарцев и солдат, которые мне служили, поручив мадам де Вермон следить за тем, как все они будут исполнять свои обязанности...»

15 июля она была в Этампе, откуда на третий день написала королю письмо, обращаясь к нему «мой сеньор и брат»: «Завтра я отправляюсь дальше и постараюсь проехать как можно больше, чтобы избавить от лишних хлопот месье де Вандома, которого Ваше Величество послали мне навстречу...»

И правда, встречать герцогиню де Валуа Генрих IV отправил своего внебрачного сына, юного Сезара, которому исполнилось одиннадцать лет. От сына короля Маргарита пришла в такое восхищение, что, набрасывая его портрет, не удержалась от сравнения с «ангелочком». «Монсеньор, — писала она королю, — все слова на свете ничтожны по сравнению с той признательностью, которую я испытываю к Вашему Величеству за честь, которой удостоил меня месье де Вандом, ибо не только своей совершенной красотой, но и не по возрасту развитым умом он несомненно доказывает свое королевское происхождение. Я думаю, Монсеньор, Бог дал его Вашему Величеству для высокого предназначения и как награду. Я никогда не испытывала столь глубокого обаяния, как от его восхитительной молодости, сочетающей изысканную почтительность с серьезностью речей. Это творение короля достойно Вашего Величества...»

Прибыв в Лонжюмо в сопровождении все того же Сен-Жюльена, Маргарита встретила со своей единокровной сестрой Дианой Французской, внебрачной дочерью Генриха II и вдовой маршала де Монморанси. И вот наконец она в Булони, в Мадридском замке, к которому ведет аллея, доныне носящая ее имя. Какой-то дворянин протянул ей руку, чтобы помочь сойти со ступеньки кареты на землю: она узнала красавца Шамваллона, склонившегося в почтительном приветствии. Только из лукавства король мог поручить ее встретить тому, кто некогда был ее горячей любовью...

Итак, после двадцати трех лет отсутствия, после четверти века интриг, любовных приключений, печального и вынужденного — почти тюремного — уединения королева Марго вернулась в столицу, где последовательно правили ее отец, три ее брата, а теперь бывший муж... Здесь о ней почти позабыли! Она это отметила сама:

— Несчастье при дворе всегда одиноко, тогда как за везеньем все волочатся.

Когда Генрих увидел свою бывшую супругу, — это произошло 26 июля 1605 года, — он, должно быть, испытал шок, хотя короля и предупредили, что той очаровательной женщины, которую он знал когда-то, больше нет. Вместо богини Возрождения «красоты скорее божественной, нежели человеческой», «с пре-

красным открытым бюстом», слава о красоте которой достигала всех уголков Европы, пред ним предстала самая заурядная «толстушка Марго». К тому же она явно перестаралась, увеличив с помощью металлической арматуры валик своего вертюгадена так, чтобы казаться шире в бедрах и тем самым уменьшить — расчет был на оптический обман — свою необъятную грудь... Тучность ее явно приближалась к той черте, когда она буквально уже не во всякие двери могла протиснуться.

Таково было следствие ее заточения в крепости и долгой слишком простой жизни, единственной отрадой которой, помимо любви, было бражничать, объедаться сладостями да не в меру много спать. Как воспевали когда-то белизну ее лица! — теперь все оно было в красных прожилках и пятнах, не случайно именно с Марго во Франции началось употребление пудры... Ее черные волосы поредели. В свое время так трудно поддававшиеся «завивке и закручиванию», теперь они вообще не держали прически. Поэтому она носила огромный парик белокуро-льняного цвета, «выбеленный травами», гигантских размеров. Парики для нее делались из волос сильных «молодых белокурых лакеев, каких она держала при себе для больших выездов, время от времени заставляя их стричься наголо». Она охотно принимала этих лакеев и в своей постели... бедная женщина в этом отношении оставалась все так же неумоима и жадна до удовольствий. Да и мудро было находить другие развлечения в Юсоне! Не желая признать себя побежденной, она была верна головокружительно глубоким декольте своей отцветшей молодости, и теперь выставила напоказ свою желтоватую морщинистую грудь, мгновенно став посмешищем в глазах парижан.

Три битых часа бывшие супруги предавались воспоминаниям молодости.

— Следите внимательнее за своим здоровьем, — посоветовал король. — Не превращайте ночь в день и день в ночь, как вы к тому привыкли.

— Я обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы Ваше Величество были довольны, — ответила она, — хотя для меня это далеко не просто, учитывая мои многолетние привычки и режим питания.

Находя, что она чересчур расточительна, Генрих IV попросил ее также «умерить траты».

— Это совершенно невозможно, — ответила Марго, — я не могу жить иначе; такова моя порода.

В самом деле, все Валуа во все времена швыряли деньги на ветер: они, по выражению того времени, заранее проматывали свои доходы.

— Могут ли я увидеть дофина? — осведомилась она.

— Я вам это обещаю.

День спустя экс-королева нанесла визит королю. Он приветствовал ее в Лувре среди двора.

— Душа моя, — сказал он, — я всегда чувствовал себя привязанным к вам. Теперь вы снова в доме, где когда-то были столь могущественны...

Мария де Медичи в окружении фрейлин ждала ее на верху лестницы почета — на Верхней Ступеньке, — которая сохранилась донныне. Она отказалась подойти ближе, за что король в сердцах пожурил ее. Королева была сама холодность. Но Маргарита «слишком много страдала, чтобы выказывать лишнюю гордыню», — когда она почтительно преклонила колени перед королевой, окруженная всем тем, что некогда принадлежало ей самой, ни тени притворства нельзя было заметить на ее лице...

Уважение, которое засвидетельствовала ей прежняя госпожа Лувра, тронуло королеву Марию, и какой-то ток дружбы пробежал между двумя женщинами, тем более что Марго и прежде признала дофина единственным наследником трона. Знакомство герцогини де Валуа с будущим Людовиком XIII состоялось в замке Сен-Жермен, том самом, где родилась Маргарита. Пятилетний принц ждал ее у селения Рюэй и встретил словами: «Мама, дочь моя», — выражение это, слегка ее изумившее, пошло, кажется, от Генриха IV... Она была совершенно очарована наследником и однажды на ярмарке в Сен-Жермене купила ему брошь за три тысячи экю.

Странная семейная жизнь! В своем знаменитом «Дневнике» Эроар описывает ее так: Маргарита «стоит на коленях перед постелью Марии де Медичи, а Генрих IV с дофином, сидя на постели, играют с собачкой».

Марго не скупилась на проявление верноподданных чувств по отношению к королю Франции и Наварры. Когда Генрих уехал во взбунтовавшийся Лимузен, чтобы навести там порядок, она писала ему: «Мы ждем возвращения Вашего Величества, как народы тех стран, где по шесть месяцев длится ночь, ждут возвращения дня...»

Так как двор подолгу жил в Мадридском замке, необходимо было подыскать ей резиденцию где-то неподалеку. Генрих IV попросил Рене де Бона, архиепископа Санса, уступить Маргарите свой замечательный дворец. В свое время он одним из первых поддержал права Генриха на престол и, после того как наваррец отрекся от протестантской веры, получил архиепископство в Сансе, тем более значимое, что Париж был только епископством. Рене де Бон славился также своим могучим аппетитом, вынуждавшим его каждые четыре часа садиться за стол, иначе он мог попросту захиреть... Дворец, испрошенный для Маргариты, был построен

в стиле готики раннего Возрождения, когда архиепископом Сан-са был Тристан де Салазар. Во времена Франциска I кардинал Прат замечательно разукрасил дворец. Это был настоящий просторный замок, впрочем, его и ныне можно увидеть на улице Фигье, близ Сены. Улица была названа так из-за фигового дерева, срубленного по приказу Марго, ибо оно не давало проехать ее карете. Правда, тут же была посажена другая смоковница напротив ворот дворца.

Однажды утром на этих воротах чья-то рука на радость рото-зеям прищипила такие стишки:

Как королеве тебе надлежит
В королевском домике жить.
Но шлюхе как же не согласиться
У святого отца поселиться.

В этом замке она вела по-прежнему королевский образ жизни в окружении ученых, поэтов, музыкантов — и красивых мужчин... 5 апреля 1606 года, узнав, что королевские войска заняли независимое Седанское княжество, в письме Генриху IV Маргарита возблагодарила Господа: «Мне кажется, что мы ему обязаны вдвойне; и потому что он вернул под скипетр Вашего Величества еще одну территорию и послушание ее жителей, и потому что вы их вернули Богу, ибо Ваше Величество вправе сказать, как Цезарь: «Пришел, увидел, победил...»

В этот день, 5 апреля, она возвращалась с мессы из монастыря селестинцев. В карете рядом с ней сидел ее возлюбленный Дат де Сен-Жюльен, к которому Марго питала сумасшедшую страсть. Ему было двадцать лет, тогда как она давно перешагнула пятидесятилетний рубеж — что в начале XVII века считалось уже глубокой старостью.

Вдруг прогремел выстрел. Пораженный в голову, Сен-Жюльен рухнул на колени Маргариты, забрызгав кровью ее платье.

Кто стрелял?

Убийцей оказался восемнадцатилетний юноша, сын мадам де Вермон, которого сменил в постели Маргариты Дат де Сен-Жюльен. Безумно влюбленный, ревнивый до крайности, молодой де Вермон обзавелся пистолью, чтобы убить своего соперника. Видя, как он бросился наутек, Маргарита не своим голосом закричала:

— Убейте этого безумца!

В сердцах она задрала свои юбки:

— Держите! Держите! Возьмите мои подвязки! Повесьте его!

Крепко связанного Вермона заперли в одной из комнат во дворце по соседству. Рядом с ним положили труп бедного Сен-Жюльена.

— Поверните его, — попросил он, — я хочу убедиться, что он действительно мертв.

Просьбу его исполнили.

— Он действительно мертв, и теперь вы можете убить меня! — воскликнул де Вермон. — Я ни о чем не сожалею.

Марго объявила, что «отказывается пить и есть, пока не восторжествует правосудие». Ее угроза уморить себя голодом ускорила рассмотрение дела, тем более что Маргарита написала и королю: «Я нижайше прошу Ваше Величество распорядиться о том, чтобы правосудие восторжествовало, и ни в коем случае не склоняться к мысли о помиловании. Если подобные безумства оставлять без наказания, никто не сможет чувствовать себя в безопасности. Поэтому еще раз нижайше умоляю Ваше Величество покарать убийцу...»

По настоянию Маргариты, казнь состоялась на следующий же день прямо у ворот ее дворца. «Преступник шел на казнь с улыбкой, — повествует Пьер де л'Этуаль, — повторяя, что ему не страшно умереть, ибо враг его мертв, значит, правосудие свершилось... Он отказался попросить прощения у королевы». Тяжелым взглядом «застывших глаз» Маргарита наблюдала за казнью из окна... и когда покатилась голова ее бывшего любовника, упала без чувств. Той же ночью, не желая больше ступать по площади, где был воздвигнут эшафот, она покинула дворец де Санс и переехала в Исси, в дом, принадлежавший Ла Гаагу, ювелиру короля.

Париж, всегда любивший посмеяться, тотчас обошел стишок:

КОРОЛЕВЕ МАРГАРИТЕ
НА СМЕРТЬ СЕН-ЖЮЛЬЕНА, ЕЕ МИНЬОНА

Едва живая королева,
Венеры младшая сестра,
Не убивайся по лакею —
Другой найдется с крепкой шеей!

— Да пусть она утешится, — вскричал король Генрих, — мы ей найдем целую дюжину слуг, еще и получше этого!

Драма, которую пережила Маргарита, повлияла так сильно на ее образ мыслей, что она стала добиваться декрета о высылке всей семьи Вермонов. Матери убийцы, бывшей своей фрейлине, которой Маргарита доверила управление замком Юсон, и трем ее дочерям было предписано поселение в Сальванском аббатстве, в Руерге, без права покидать его территорию «под страхом наказания». Маргарита ожесточилась? Наверное. Но такими были нравы той жестокой эпохи.

Смерть Сен-Жюльена надломила Марго. Она заказала поэту Мейнару «Стансы», которые шептала про себя перед сном и после пробуждения:

Не ждите, не утихнет эта боль,
Я ношу ее повсюду.
Разум мой не победит любовь,
С каждым днем она сильнее будет.

Мраком загробным очам твоим милым
Клянусь, я все смогу:
Надгробный огонь над твоей могилой
Я пламенем сердца зажгу.

Когда Генриэтта д'Антраг, мать другого «королевского творения», дала знать, что желает свести с ней знакомство, Марго вверила себя воле короля и написала ему: «Я рождена исключительно для того, чтобы служить Вашему Величеству. Соболаговолите сообщить вашей смиренной слуге, как именно я должна поступить, чтобы вам это пришлось по нраву. Я буду всю жизнь чтить вашу волю, не только в этом случае, но и во всех остальных».

Как далеко теперь то время, когда она со своей маленькой ажанской армией задирала короля Наварры! Но вскоре драма в Сансе забылась, Маргарита влюбилась опять, на сей раз это был некий Бажомон, на редкость глупый и на редкость красивый малый. Его совершенное телосложение привело Маргариту в восторг. И таким сильным оказалось это увлечение, что Бажомон, востребованный ею и днем и ночью, в конце концов рухнул от истощения сил. Маргарита испереживалась так, что Генриху IV пришлось ехать в Исси, чтобы подбодрить ее. Выйдя из комнаты Марго, он сказал одной из ее фрейлин:

— Молитесь за выздоровление Бажомона, не дай Бог он умрет, тогда — клянусь брюхом папы! — королева Маргарита возненавидит еще и этот дом, и мне придется покупать ей новый!

Однако ей очень нравился этот «маленький Олимп Исси», в котором, как утверждали злые языки, «правит бог Приап, а на побегушках у него Бажомон»*. И правда, как только Бажомон поправился, неутомонные любовники возобновили свои амурные состязания. Об этом и писал король Марии Медичи 10 мая 1607 года: «Никаких особых новостей нет, кроме того что Маргарита победила Бажомона и что он решил удалиться...»

То есть сбежал с Олимпа или все-таки умер от истощения сил? История об этом умолчала. Не теряя драгоценного времени, Маргарита обзавелась молодым Вилларом — этот ее любовник заслужил кличку «король Марго». Чтобы окунуться в свою молодость, она заставляла своего обольстителя наряжаться по моде времен Генриха III, с брыжейкой на груди, шпагой на боку и плюмажем на шапочке. Обрядив любовника в одежды, относящиеся ко вре-

* П р и а п — в греческой мифологии сын Дионисия и Афродиты, бог производительных сил природы, эмблемой которого являлся фаллос.

менам ее далекой молодости, сама она принимала его в комнате, увешанной турецкими коврами, в роскошном дворце, который распорядилась построить на левом берегу Сены, напротив Лувра, что вновь вдохновило памфлетистов на злые стишки:

Королева Венера стоит у ворот
И зрит, полумертвая, эшафот.
Вчера здесь погиб ее Адонис,
А нынче точно на том же месте
Исполнят ее приказанье о мести...
Не думайте, впрочем, что это каприз.

Глазам бы не видеть ту улицу вновь,
Где двое любовников пролили кровь!
Она покидает и Санс и дворец
И тщится спасти своей чести остатки,
Как будто бы честь нам дана на заплатки...
Ужасна не кровь — а сердечный свинец!

Бежать от себя ей не стоит труда,
Трудней убежать от людского суда.
Теперь она хочет пожить при Дворе
И пудрой старушечьи щеки крахмалит,
Надеясь, что снова весь Лувр их расхвалит,
Как в годы амуров младых, на заре.

Какая Венера? — одна лишь постель.
И где королева? — на стенах постель.
А раз королевой ей в Лувре не быть,
То что остается потасканной шлюхе?
Плевать ей на мненья, плевать ей на слухи,
Постель бы ей — в Лувре иль рядом — стелить!

Эта старуха в крахмальном чепце
Видит себя лишь в короне-венце.
Построю, мол, храм у священной воды,
Авось, с того берега Лувр заметит
И душка-король наконец-то приметит
Старуший бордель своей бывшей жены.

Дворец Марго был наполнен роскошной мебелью. Стены комнаты, завешанной турецкими коврами, украшал единственный портрет — Генриха IV. Поскольку у Виллара оказался замечательный голос, она набрала хористов и, как в Юсоне, во времена «мистерзингеров», они собирались у ее постели и распевали хором романсы или церковные гимны.

— Такой прекрасной птичке, — съязвил однажды Генрих, — наверняка понадобится очень красивая клетка.

И точно, вскоре Маргарита сочла, что территория, окружавшая ее дворец, — она принадлежала Парижскому университету и Братьям Милосердия, — недостаточно просторна. И прикупила

значительную часть бывшего парка Пре-о-Клер. Ликвидировав проходившую там дорогу — сегодня это улица Бонапарта, — она расширила свой парк до улицы Сен-Пер. На первом камне при закладке новой постройки была выбита следующая надпись:

«21 марта 1608 года королева Маргарита, герцогиня де Валуа, внучка великого короля Франциска, сестра трех королей, последняя из династии Валуа, пребывая в божественном озарении... и исполняя завет Господень, построила и основала этот монастырь, именуемый Храмом Иакова, где по ее желанию вечно должны воздаваться благодарения в знак признательности за великие благодеяния, оказанные ей Всевышним...»

Ей прислуживали дворяне, во главе которых вышагивал дворецкий с жезлом, как это и полагалось ему по должности. Поэт и адвокат Парижского парламента Этьен Пакье сообщает, что «за столом ей подавали как королеве, все блюда были под крышками...». Обеды и ужины, чаще всего на четверых, обязательно сопровождалась «и пищей духовной». Рассадив гостей за столом, она предлагала поговорить на темы, которые сама же и выбирала. «Так как Маргарита обладала обширными знаниями, ее гости часто во время дискуссии терялись...»

Небольшой оркестр исполнял мелодии, которые сочиняла хозяйка дворца. Поэт и будущий академик Франсуа Мейнар* оправлял их в стихи. «Он делал это с такой легкостью и так элегантно, что Маргарита часто говорила: Мейнар — это блестящий ювелир, как никто умеющий огранять камни». Многие его поэтические произведения дышали ностальгией по счастливым ушедшим временам:

Годы ложатся на наши плечи,
Становятся тихими наши речи.
Маргариты возлюбленных впредь
Музам моим уже не воспеть.

В языке царила витиеватость, манера говорить напыщенно и по возможности малопонятно. И Маргарита с удовольствием пользовалась таким языком, отдавая дань этой странной моде.

Несмотря на свои языческие увлечения, Маргарита оставалась глубоко набожной. Она посещала по три мессы в день — обедню и две без песнопений — и трижды на неделе причащалась. Построила круглую часовню — часовню Благодарения, — в которой на босу ногу служили попарно четырнадцать отцов-авгус-

* Франсуа Мейнар — французский поэт (1582—1646), ставший одним из первых «бессмертных» Французской академии, основанной кардиналом Ришелье в 1635 году. По традиции в академию донныне избирается сорок «бессмертных».

тинцев, сменявшихся каждые два часа, днем и ночью. Им вменялось пение благодарственных молебнов во славу родоначальника «двенадцати колен Израилевых» Иакова по музыкальным нотам самой экс-королевы. Но отцы-августинцы фальшивили так, что, выйдя из себя, Маргарита распорядилась отправить их голосить благим матом где-нибудь в другом месте... Одно время ее исповедником был Венсен де Поль, будущий главный священник каторжных мест, которого спустя два века церковь объявит святым... Маргарита посещала больницы, раздавала одеяла бездомным горемыкам, снаряжала приданое девушкам из малоимущих семей, давала «обездоленным людям по сто золотых су, чтобы они могли отметить свой день рождения». Из своего общего дохода в триста семьдесят тысяч ливров примерно треть она тратила на различные религиозные учреждения — не забывая коллеж иезуитов в Ажане.

Ее часто посещал король, они прогуливались по затененным аллеям парка, тянувшегося вдоль Сены, и однажды Генриху IV пришла в голову мысль посадить деревья на правом берегу реки до самой деревни Шайо.

Так родилась Аллея Королевы.

Ну а если верить Таллеману де Рео, герцогиня де Валуа «носила в это время огромный вертюгаден, весь облепленный карманами, и в каждом из них находилась коробочка с сердцем ее покойного любовника, ибо она следила за тем, чтобы после смерти их сердца были забальзамированы. На ночь она вешала этот вертюгаден на крюк, которым запирался замок у изголовья ее кровати... За исключением безумств любви, в остальном она была вполне уравновешенной женщиной».

Однажды королю пришла в голову идея устроить бал «Старый Двор», где среди прочих персонажей была представлена и королева Марго, легко узнаваемая по нелепому наряду, который она нацепляла на себя на старости лет.

Примираясь с неизбежностью, она полагалась на свой ум, который действительно служил ей защитой. И прекрасно умела давать отпор насмешникам. «Месье де Френ-Форже, государственный секретарь, будучи однажды у нее в гостях, — пишет один из современников, — сказал ей, что не может не удивляться тому, как мужчины и женщины во времена ее молодости носили такие огромные брыжейки, не обливаясь при этом супом, и как дамы умели быть такими галантными в своих необъятных вертюгадах. Она ничего ему не ответила, но несколько дней спустя, напив на себя большущую брыжейку, приказала принести ей ложку с чрезвычайно длинной ручкой и стала есть какое-то жидкое блюдо, не уронив на свою брыжейку ни капли. Затем, повернувшись к месье Френ-Форже, сказала смеясь:

— Ну вот! Немного изобретательности, и можно приспособиться ко всему!

— Да-да, мадам, — ответил тот, — насчет верхнего конца я теперь спокоен*.

* * *

В октябре 1606 года Марго заболела. «В это воскресенье будет как раз неделя, как я отправилась к августинцам послушать мессы, — пишет она королю, — и там вдруг меня пробрал холод, и с тех пор не прекращаются высокий жар и воспаление легких со всеми привычными в таких случаях проявлениями, болью в боку, стесненным дыханием и разламывающейся головной болью, на седьмой день прошла только боль в боку, но одышка, головные боли и жар все еще держатся...»

На двадцать второй день болезни герцогиня де Валуа сообщает Генриху IV: «Я перенесла столько кровопусканий, что, когда мне представится честь поцеловать руку Вашего Величества, думаю, вы на меня посмотрите как на анатомический экземпляр, такой у меня теперь сделался длинный нос, точь-в-точь как у моего дедушки короля»**.

Она болела так тяжело, что Виллар, рыдая, дал обет, в случае, если госпожа его сердца поправится, совершить паломничество в Собор Богоматери-Победительницы в городе Санлисе. И когда наконец она выкарабкалась, «король Марго», держа слово, отправился пешком в дальнюю Пикардию. Марго следовала за ним в карете с небольшой частью своего двора.

* * *

Утверждают, хотя доказательств этому не найдено, что в начале мая 1610 года какой-то рыжий человек из Ангулема явился во дворец Маргариты с просьбой, чтобы она представила его королю. И будто бы этого человека привел к ней Терроль, один из ее слуг...

Звали его Равайяк.

13 мая 1610 года по настоянию Генриха IV герцогиня де Валуа присутствовала на церемонии коронации Марии де Медичи в Сен-Дени. Присутствие дочери Генриха II, сестры трех последних

* Нравы разрешали, чтобы не замарать одежд, обвязывать вокруг шеи большую салфетку, однако и брыжейки, надеваемые на шею, были так широки, что было весьма трудно связать концы с концами... Отсюда пришло это выражение, дожившее до нашего времени. (Прим. авт.)

** Франциск I. (Прим. авт.)

Валуа, в глазах короля означало своего рода акт освящения новой династии — Бурбонов. С королевской диадемой на голове, в манто, расшитом золотыми лилиями, Маргарита сделала глубокий реверанс перед той, что заняла ее место. Шлейф ее поддерживали графы де ла Рошфуко и де Кюрсон. Церемония сопровождалась музыкой гобоев и других музыкальных инструментов. Все музыканты, в полукафтанах из белого атласа и голубых бархатных штанах, были лакеями Марии де Медичи.

Затем Маргарита отправилась в свою загородную резиденцию в Исси. Назавтра — 14 мая — ей предстояло праздновать свою пятьдесят седьмую годовщину. В этот день один из дворцовых фаворитов вычислил, что 14-е число в истории Франции всегда было счастливой датой: 14 мая 1509 года Людовик XII одержал победу при Аньяделе, 14 сентября 1515 года Франциск I выиграл сражение при Мариньяне, наконец, 14 марта 1590 года Генрих IV вышел победителем в битве при Иври, под Парижем, и с тех пор этот город носит имя Иври-ла-Батай. Но едва все эти счастливые даты были названы, как из Парижа прибыл гонец со страшной вестью: Генриха IV только что убил некий Равайяк, произошло это на улице ла Ферронри, и тело короля уже доставлено в Лувр.

В зале Кариатид, обливаясь слезами, Маргарита долго стояла на коленях перед усопшим королем. Это был тот самый зал, где когда-то Генрих III на глазах у всех придворных втоптал ее в грязь. В субботу 22 мая экс-королева заказала молебен с песнопениями по королю, чьей супругой она официально была в течение двадцати двух лет.

Теперь уже и Маргарите не оставалось ничего другого, как тоже уйти. Однажды даже поторопились объявить о ее смерти. Это случилось 30 апреля 1613 года и вызвало у нее — нетрудно себе представить — «огромное неудовольствие».

После драмы 14 мая 1610 года судьба отпустит Маргарите еще четыре года и десять месяцев. Ее увидят еще в роли крестной матери на обряде крещения Гастона Орлеанского, второго сына усопшего короля, она же будет стоять рядом с Людовиком XIII на церемонии его конфирмации, состоявшейся перед коронацией. В серебристом платье, сверкающая изумрудами, — такой она запомнится на балу по случаю помолвки Елизаветы Французской, будущей королевы Испании.

Все эти убийства и смерти, которыми будто вежами сопровождалась вся ее жизнь, «так ожесточили ее, — пишет Сципион Дюплекс, — что она почувствовала себя в разладе со всем миром и, постоянно чем-то угнетенная и раздраженная, стала ипохондриком...».

В 1614 году герцогиня присутствовала на заседании Генераль-

ных Штатов, а 23 августа была свидетелем последнего в ее жизни события: на Новом мосту в Париже была установлена статуя Генриха IV, которую потом низвергнет Революция *.

* * *

Простудившись зимой 1614/15 года, Маргарита стала быстро чахнуть. 26 марта 1615 года ее духовник, епископ Грасса Менигр де Бусико предупредил экс-королеву, что конец близок. Она поблагодарила священника и подарила ему все свое серебро... На следующий день, 27 марта, соборовавшись в одиннадцатом часу вечера, внучка Франциска I отдала Богу душу. Францией в это время уже правил отец будущего «короля-солнца», Людовика XIV, Людовик XIII.

С нею ушел в небытие целый мир...

«Маргарита Французская, ты умерла! — так начал епископ литанию заупокойной мессы. — Прощай, отрада Франции, райский цветок Двора, жемчужина наших дней, день нашей красоты, украшение добродетели, робость лилии, лилия принцесс, королева величеств, королева духа, дух разума, воплощение благородства, благородство цветов, цветок всех Маргарит, цветок Франции...»

Ей было шестьдесят два года.

Прах ее был погребен в часовне святых Августинцев, которую сегодня частично скрывает от наших глаз фасад замка Анет, построенного на улице Бонапарта, во дворе Школы изящных искусств. Год спустя останки королевы Маргариты были перенесены в Сен-Дени, в часовенку, которую построила королева Екатерина.

Маргарита Французская наконец обрела покой.

Сколько крови, убийств, трагедий разыгралось вокруг нее с той поры, когда совсем еще девочкой она увидела отца, смертельно раненного на рыцарском турнире копьем графа Монтгомери!

Сколько страшных воспоминаний наряду с захватывающими дух событиями оставили в ее жизни Фландрия, Ажан, Лувр! Тела повешенных, раскачивавшиеся на ветру на стенах Амбуазского замка, и отсвечивавшие кровью лужи. В Варфоломеевскую

* Нынешняя статуя Генриха IV, установленная на том же месте (автор Лемо) в годы Реставрации, отлита из переплавленной бронзы двух статуй Наполеона... которые в свою очередь были отлиты из переплавленных австрийских, русских и прусских пушек. (Прим. авт.)

ночь достаточно было лишь приоткрыть дверь своей комнаты в Лувре или одно из своих окон, выходивших на Сену, чтобы оказаться в водовороте самого трагического в истории Франции события. Вспоминала ли она несчастного Лерана, который был заколот в ту ночь алебардами, помнила ли того мужчину, который, спасаясь от убийц, весь в крови, нашел убежище в ее объятиях? А гугенота, через несколько мгновений у нее на глазах исколотого целым лесом пик?

И сколько других мрачных картин! Старший брат Франциск II, умирающий от мастоидита, заходясь в крике от боли, средний брат, Карл IX, испутивший дух на простынях, окрашенных его собственной кровью... Сколько драм! Младший брат, Генрих III, и муж, Генрих IV, оба были заколоты кинжалами — один Жаком Клеманом в Сен-Клу, другой Равайяком на людной улице. Генрих III, звавший ее «презренной» и на столько лет заперший от света. Генрих IV, назвавший ее «опасным животным» и желавший ее смерти...

И, наконец, те, кого она любила... Генрих де Гиз, чьей женой она мечтала стать, пронзенный кинжалами убийц по приказу Генриха III в Блуа. Бюсси, убитый обманутым мужем, обезглавленный Ла Моль, чью окровавленную голову она выкупила у палача. Д'Обиак, повешенный за ноги и еще полуживой брошенный в могилу. Юный Сильвио с кинжалом в груди у нее на руках. Наконец, Дат де Сен-Жюльен, у нее на глазах застреленный из пистолета, и его убийца, Вермон, которого она привечала в своей постели раньше и за казнью которого наблюдала из окошка своего дворца в Сансе — пока не упала без чувств...

Какой страшный, кровавый шлейф тянулся до самой могилы за Маргаритой де Валуа, поочередно носившей имена и титулы Маргариты Французской, королевы Наваррской, королевы Франции *in partibus* *, графини Ажанской и, наконец, герцогини де Валуа!

А между тем для Истории она осталась всего лишь любвеобильной королевой Марго.

* «В странах неверных» (*лат.*), то есть в чужих краях, за границей; в чужой среде. Выражение это возникло в средние века как добавление к титулу церковных деятелей, назначавшихся на должности епископов нехристианских стран, преимущественно восточных.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МАРГАРИТЫ ВАЛУА (КОРОЛЕВЫ МАРГО)*

- 1553, 14 мая – рождение Маргариты, третьей дочери и седьмого ребенка Генриха II и Екатерины Медичи.
- 1554, 18 марта – рождение младшего брата Маргариты, Франсуа-Эркуюля, будущего герцога Алансонского.
- 1555, 26 мая – Антуан Бурбон и его супруга Жанна д'Альбре становятся королем и королевой Наварры.
- 1557, 6 октября – Франсуа Гиз назначается генерал-лейтенантом королевства.
- 1558, 24 апреля – заключение брака старшего брата Маргариты, дофина Франсуа (Франциска) и Марии Стюарт.
- 1559, 2–3 апреля – мир в Като-Камбрези, завершивший Итальянские войны.
- 30 июня – Генрих смертельно ранен на турнире в Париже.
- 10 июля – смерть Генриха II. Начало царствования Франциска II.
- 1560, 16–19 марта – Амбуазский заговор и его кровавое подавление.
- 5 декабря – смерть Франциска II и начало царствования Карла IX при регентстве Екатерины Медичи.
- 1561, 24 марта – Антуан Бурбон становится генерал-лейтенантом королевства.
- 1562, 1 марта – избиение гугенотов в Васси.
- 17 ноября – смерть Антуана Бурбона.
- 1563, 18 февраля – убийство Франсуа Гиза.
- 19 мая – Амбуазский эдикт; конец первой гугенотской войны.
- 17 августа – провозглашение Карла IX совершеннолетним.
- 1564, март – 1566, май – большое путешествие королевской семьи и двора по Франции.
- 1565, июнь – несостоявшийся проект брака Маргариты и сына Филиппа II Испанского, инфанта дона Карлоса.
- 1569–1570 – роман Маргариты с Генрихом Гизом.
- 1569, 13 марта – битва при Жарнаке; смерть Конде.
- 1570, 6 августа – мир между католиками и гугенотами в Сен-Жермене.
- 26 ноября – брак Карла IX и Елизаветы Австрийской.
- 1570 – проект брака Маргариты и короля Португалии.
- 1572, 29 апреля – заключение союза между Францией и Англией.
- 9 июня – смерть Жанны д'Альбре, матери Генриха Наваррского.
- 18 августа – свадьба Генриха Наваррского и Маргариты Валуа.
- 22 августа – покушение Морвеля на адмирала Колиньи.
- 24 августа – Варфоломеевская ночь.
- 1573 – роман Маргариты с Ла Молем.
- 1573, 9 мая – избрание Генриха Анжуйского на польский престол.
- 1574, 30 апреля – казнь Ла Моля и Коконнаса.
- 30 мая – смерть Карла IX.
- Июнь–сентябрь – Генрих Анжуйский бежит из Польши и возвращается во Францию как король Генрих III.

* Составлены А. П. Левандовским.

- 1575 — романы Маргариты с Сен-Люком, Бюсси д'Амбуазом и Бальзаком д'Антрегом.
- 1575, 14 февраля — брак Генриха III и Луизы Лотарингской.
- 15 сентября — бегство Франсуа Алансонского из Парижа.
- Ноябрь — убийство дю Гаста, заказанное Маргаритой.
- 1576, 3 февраля — бегство из Парижа Генриха Наваррского.
- Май-июнь — оформление Католической лиги.
- 6 мая — мир Генриха III с Франсуа Алансонским (отныне — Анжуйским).
- 6 декабря — открытие Генеральных штатов в Блуа.
- 1577, май-июнь — неудавшаяся миссия Маргариты во Фландрию, в помощь младшему брату. Роман с графом Энши.
- 17 сентября — мир между католиками и гугенотами в Бержераке.
- 1578, 10 января — дуэль между де Бюсси и де Гишем.
- 1 февраля — нападение на Бюсси королевских «миньонов».
- 17 февраля — побег Франсуа Анжуйского из Лувра с помощью Маргариты.
- 27 апреля — дуэль «миньонов».
- 26 июля — отъезд Маргариты в сопровождении матери к мужу в Беарн.
- 15 декабря — прибытие Маргариты в Нерак.
- 31 декабря — основание Генрихом III ордена Святого Духа.
- 1579—1581 — придворная жизнь в Нераке. Романы Маргариты с Клермоном д'Амбуаз и Тюренном. Начало длительного романа с Шамваллоном.
- 1579, февраль — конференция в Нераке.
- 1580, 19 сентября — договор в Плесси-Ле-Тур между Штатами Нидерландов и Франсуа Анжуйским.
- 26 ноября — перемирие в Флексе (Перигор). Гарантии гугенотам.
- 1582, 29 января — по требованию Генриха III Маргарита отправляется в Париж.
- Февраль — неудавшееся сватовство Франсуа Анжуйского к Елизавете Английской.
- 1583, 7 августа — скандал на балу в зале Кариатид. Генрих III оскорбляет сестру и требует, чтобы она покинула Париж. Отъезд Маргариты.
- 1584, 13 апреля — встреча супругов близ Ажана.
- 11 июня — смерть Франсуа Анжуйского.
- 1585, январь—апрель — манифест Лиги и возобновление гражданской войны.
- Март — Марго отправляется в Ажан, где как «графиня Ажанская» объявляет себя членом Лиги и выступает против мужа.
- 7 июля — Немурский договор между Генрихом Наваррским и Гизом.
- 1585, сентябрь — 1586, октябрь — провал ажанской авантюры. Бегство Маргариты из Ажана. Роман с Обиаком. Пленение Маргариты и казнь Обиака.
- 9 сентября — булла Сикста V об отлучении Генриха Наваррского.
- 1586, 13 ноября — заточение Маргариты в замок Юсон, где она провела последующие 19 лет. Начало романа с Канияком, комендантом Юсона.
- 1588, 9 мая — вступление Генриха Гиза в Париж.
- 12 мая — «День баррикад». Бегство Генриха III из Парижа.

- Октябрь* — Генеральные Штаты в Блуа.
23 декабря — убийство Генриха Гиза.
- 1589, 5 января* — смерть Екатерины Медичи.
3 апреля — установление согласия между Генрихом III и Генрихом Наваррским.
1 августа — убийство Генриха III Жаком Клеманом.
2 августа — начало царствования Генриха IV.
- 1589, август — 1594, март* — борьба Генриха IV за Париж.
1590, декабрь — покушение неизвестного на Маргариту.
1593, 23 июля — очередной переход Генриха IV в католицизм («Париж стоит мессы»).
- 1594, 2 марта* — вступление Генриха IV в Париж.
27 декабря — покушение Шателя на Генриха IV.
- 1595, январь* — изгнание иезуитов из Франции и объявление войны Испании.
- 1598, 13 апреля* — Нантский эдикт.
- 1599, 30 декабря* — расторжение брака Генриха IV и Маргариты и присвоение ей титула «графини Валуа».
- 1600, 5 октября* — заключение брака Генриха IV с Марией Медичи.
1601, 27 сентября — рождение дофина, будущего Людовика XIII.
1602, июнь—июль — арест, процесс и казнь маршала Бирона.
1603, 1 сентября — возвращение иезуитов во Францию.
1604, февраль—декабрь — заговор Антрага и его ликвидация.
- 1605, июль* — Маргарита покидает Юсон и направляется в Париж.
26 июля — Маргарита со своим любовником Сен-Жюльеном поселяется в Париже, в отеле Санс.
- 1606, 6 апреля* — убийство Сен-Жюльена Вермоном, отвергнутым любовником Маргариты. Казнь Вермона и переезд Маргариты в Иври.
- 1610, 14 мая* — убийство Генриха IV Равайяком.
- 1615, 27 марта* — смерть королевы Марго.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. Левандовский. Об Андре Кастело и его книге</i>	<i>5</i>
Глава I. Трагический поединок	12
Глава II. «Двор, полный ереси»	20
Глава III. Большое путешествие	31
Глава IV. Страстная Маргарита	40
Глава V. Марго выдают замуж	51
Глава VI. «Перебить их всех!»	69
Глава VII. Двор в шелках и в крови	82
Глава VIII. «Я не хочу ничего другого, кроме вас»	96
Глава IX. Упущенные возможности	110
Глава X. Игры плаща и шпаги	121
Глава XI. Двор любви в Нераке	137
Глава XII. Драма	148
Глава XIII. Бунтарка	157
Глава XIV. «Бросьте ее в замок Юсон!»	170
Глава XV. Развод всеми забытой королевы	187
Глава XVI. Герцогиня де Валуа	197
Основные даты жизни Маргариты Валуа (королевы Марго)	211

Андре Кастело

К 28 Королева Марго — М.: Мол. гвардия; Палимпсест, 1999. — 214[10] с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 753).

ISBN 5-235-02314-5

Судьбу этой женщины нельзя назвать счастливой, хоть и была она королевой Франции. Ведь ей выпало жить в эпоху Религиозных войн; она была непосредственным свидетелем Варфоломеевской ночи и других кровавых событий, связанных с расколом католической церкви.

Восхищенные современники восславили ее красоту и столь много рассказали о любовных увлечениях, что с тех пор на протяжении нескольких столетий писатели и поэты, а в наше время уже и кинематографисты неустанно обращаются к ставшей легендарной истории ее жизни.

Книга Андре Кастело написана на основе только фактов и документов, так что читателю предоставляется редкая возможность познакомиться с подлинной биографией этого реального исторического персонажа, хотя, несомненно, узнав тайну Марго-королевы, мы все-таки никогда не сможем разгадать тайну Марго-женщины.

УДК 940.23
ББК 63.3(0)5

Андре Кастело

КОРОЛЕВА МАРГО

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **О. И. Ярикова**

Художественный редактор **А. Б. Романова**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Набор и верстка **О. В. Иванов, В. Ю. Григорьев**

Лицензия ЛР № 040224 от 02. 06. 97 г.

Сдано в набор 15.01.98. Подписано в печать 21.05.98. Формат 84х108/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 11,76+1,68 вкл. Тираж 5 000 экз. Заказ 87 235.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства «Молодая гвардия»: 103030 Москва, Сушевская ул., д. 21.

Оригинал-макет подготовлен фирмой «МЕГАГРАФ».

Отпечатано в типографии АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030 Москва, Сушевская ул., д. 21.

ISBN 5-235-02314-5